

Викинги Тихого океана. Приключения исследователей, пришедших с Запада на Восток

Агнес С. Лаут

Vikings of the Pacific

Agnes C. Laut

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга о викингх Тихого океана

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Викинги Тихого океана

Автор: Агнес С. Лаут

Дата выхода: 11 ноября 2006 [Электронная книга #19765]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Элом Хейнсом

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВИКИНГИ ТИХОГО ОКЕАНА " ***

Электронный текст подготовлен Элом Хейнсом

Примечание переписчика:

Номера страниц в этой книге обозначены цифрами, заключенными в фигурные скобки, например {vi} или . Они были расположены там, где в оригинальной книге происходили разрывы страниц, в соответствии с часто задаваемыми вопросами проекта Gutenberg-V-99. Для его индекса номера страниц указаны только в начале этого раздела.

Seal Rookery, Commander Islands.

[Фронтиспис: Лежбище тюленей, Командорские острова.]

Викинги Тихого океана

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ПРИШЕДШИХ С ЗАПАДА На ВОСТОК

ДАТЧАНИН БЕРИНГ; ОХОТНИКИ ЗА ПРЕСТУПНИКАМИ ИЗ РОССИИ; ПОЛЬСКИЙ ПИРАТ БЕНЬОВСКИЙ; АНГЛИЙСКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ КУК И ВАНКУВЕР; ГРЕЙ ИЗ БОСТОНА, ОТКРЫВШИЙ КОЛУМБИЮ; ДРЕЙК, ЛЕДЬЯРД И ДРУГИЕ СОЛДАТЫ УДАЧИ На ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ АМЕРИКИ

АВТОР А. К. ЛАУТ

АВТОР КНИГ "СЛЕДОПЫТЫ ЗАПАДА" И ДР.

*Нью-Йорк
THE MACMILLAN COMPANY
ЛОНДОН: MACMILLAN & CO., LTD.
1905 г.
Все права защищены*

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1905 год, Компанией MACMILLAN.

Настроено и напечатано на электротипе. Опубликовано в декабре 1905 года.

{vii}

Предисловие

В то самое время, когда первые исследователи Новой Франции продвигались с востока на запад, волна приключений прокатилась по Сибири и Тихому океану с запада на восток. У Кэрриера и Шамплена из Новой Франции на востоке есть свои аналоги и современники на тихоокеанском побережье Америки в лице Фрэнсиса Дрейка, английского пирата с побережья Калифорнии, а также в лице Стадухина, Дешнева и других казаков-грабителей Северной части Тихого океана, чьи шаткие кили первыми пропахали борозду по бескрайнему морю на пути из Азии. Маркетт, Джоллиет и Ла Саль, поддерживаемые престижем французского правительства, мало чем отличаются от английских мореплавателей Кука и Ванкувера, присланных английским адмиралтейством. Рэдиссон, капер и искатель приключений, мог бы найти себе аналога на тихоокеанском побережье либо в Грее, первооткрывателе Колумбии, либо в Ледьярде, чьи

злополучные безумные планы привели к экспедиции Льюиса и Кларка. Беринг был современником Ла Верендри; и поэтому можно продолжить сравнение между Беньовским, польским пиратом Тихого океана, или Охотниками за преступниками в России, и знаменитыми пиратами восточно-испанского материка. Главный момент заключается в том, что оба потока приключений, с востока, с запада на запад, с запада на восток, встретились, столкнулись и, наконец, объединились в великой торговле мехами, которая покорила Запад.viii}. Авантюризм.

Испанцы Юго—Запада - даже когда они расширили свои исследования на Северо—Запад - не были включены в этот том по той простой причине, что им самим потребовался бы отдельный том. Кроме того, их цели как исследователей всегда были вторичны по сравнению с их целями казачков за сокровищами; и их основные подвиги были ограничены Юго-Западом. Другие исследователи тихоокеанского побережья, такие как Лаперуз, сюда не включены, потому что они не были первооткрывателями в прямом смысле этого слова, и их подвиги действительно относятся к истории борьбы между различными меховыми компаниями, которые пришли на землю вслед за первыми искателями приключений.

В любом случае, ссылка была на первых источников, к записи, оставленные исполнителями самих актов или их современников—часть данных в рукописи, некоторые в печати; но это также может быть откровенно признано, что все первые источники *не* исчерпаны. Чтобы сделать это в случае с одним исследователем, скажем, Дрейком или Берингом, потребовалась бы целая жизнь. Например, в Санкт-Петербурге хранится около тридцати тысяч фолиантов об экспедиции Беринга в Америку. Вероятно, только один человек — датский профессор — когда-либо исследовал все это; и я ознакомился с результатами его исследований. Кроме того, в Государственном департаменте в Вашингтоне хранится несколько сотен старых судовых журналов русских охотников, которые {ix}, насколько я знаю, никогда не перелистывались ни одной рукой, хотя, как я понимаю, их внешнюю сторону изучали во время спора о морских котиках. Сведения об этой эпохе приключений я почерпнул в основном из работ российских архивистов, опубликованных на французском и английском языках. Привести список всех цитируемых источников было бы невозможно. Только на Аляске, наименее известной части тихоокеанского побережья, имеется библиографический список из четырех тысяч. Более известное побережье к югу содержит не менее объемистые записи. В таком списке нет необходимости. Девять десятых его составляют либо описательные работы, либо чисто научные брошюры; а из оставшейся десятой содержание получено в неразбавленном виде путем прямого обращения к первоисточникам. Некоторые из этих первых источников указаны в каждом разделе.

Несколько примечательно, что Грей — настоящий герой военно-морского флота, который когда-либо выходил на шканцы, который сделал то же самое для "Веста", что Кэрриер для "Святого Лаврентия" и Гудзон для реки, названной его именем, — единственный человек из первооткрывателей тихоокеанского побережья, о котором сохранились самые скудные сведения. До сих пор пишутся достоверные истории, которые ставят под сомнение его достижения. Конечно, столетие назад Грей был львом в Бостоне; но, возможно, его подвиг был омрачен всемирной историей новой американской республики и наполеоновскими войнами в начале девятнадцатого века; или мир, возможно, принял его по его собственной оценке; а Грей был героем из тех, кто не кричит. Данные об открытии {x} Грея были получены от потомков бостонцев, которые снабдили его снаряжением, и от его собственных правнуков. Хотя он умер бедняком, красная кровь его мужества и способностей, похоже, перешла к его потомкам; ибо их

имена являются одними из самых известных в современной американской жизни. Выражаю им свою благодарность. Поскольку содержание этого тома поочередно публиковалось в *Ежемесячнике Лесли*, *Пикнике* и журнале *Harper's Magazine*, мне были присланы свежие данные по незначительным вопросам от потомков исследователей и коллекционеров. Я пользуюсь этой возможностью, чтобы поблагодарить этих участников. Среди многих других следует выразить особую благодарность доктору Джорджу Дэвидсону, президенту Географического общества Сан-Франциско, за факты, касающиеся топографии побережья, и доктору Лео Стейнегеру из Смитсоновского института в Вашингтоне, за факты, собранные на том самом месте, где погиб Беринг.

ВАССАИК, Нью-Йорк,
15 июля 1905 года.

Содержание

Часть I

общении с россиянами на тихоокеанском
побережье Америки, Беринг, датчанин,
морская выдра охотников, разбойников, и
Беньовский, польских пиратов

Глава I

1700-1743

Витус Беринг, датчанин

страницы

Петра Великого, посылает Беринга на двух
рейсов: во-первых, выяснить, действительно
ли Америка и Азия организации; во-вторых,
обнаружил, что лежит к северу от Новой
Испании—страшные тяготы караваны,
пересекая Сибирь, за семь тысяч миль судов
потеряли в тумане—Берингово экипажа
выбрасывать на бесплодный Остров

3

Глава II

1741-1743

продолжение Беринг, датчанин

страшные страдания потерпевших
кораблекрушение на Командорских
островах—сосуд разбился в зимний шторм,
больные тащились за убежищем в ямы песка—
вот, Беринг погибает, и экипаж зима—супруга
корабля под Chirikoff засаду—как потерпевших
кораблекрушение, до дома

37

Глава III

1741-1760

морской выдры охотников

, как море-выдра шкур, привезенных Беринга
экипажа привело к началу эксплуатации
Северо-Западного побережья Америки—
разница море-выдра из прочих пушных зверей
на Западе—опасностей охоту

62

Глава IV

1760-1770

преступник охотники

американского побережья становится
отличным местом для Сибирского
преступников и политических ссыльных—За
пределами досягаемости закона, казаки и
преступников, совершающих посягательства
на индейцев—индейцев месь салфетки из
русских крепостей в Америке—в погоне за
четыре беженцев россиян от пещеры к пещере
над морем ночью—как они убегают через год
за

80

глава V

1768-1772

граф Маврикий Беньовский, Польский пират

сибирских изгнанников под польским
солдатом удачи заговор с целью свержения
гарнизона Камчатский и убежать в Западный
побережье Америки в качестве торговцев
пушниной—Кровавая мелодрама принят на
Bolcheresk—Граф и его преступная команда
плыть в Америку

106

часть II

американские и английские авантюристы на
Западном берегу Америки Фрэнсис Дрейк в
Калифорнии—повар, от Британской Колумбии
до Аляски—ЛЕДЬЯРД, предшественником
Льюиса и Кларка—серый, первооткрыватель
Колумбия—Ванкувер, Последний западного
побережья навигаторы

Глава VI 1562-1595

Фрэнсис Дрейк в Калифорнии

, как море Ровер был атакован и разрушен, как
мальчик на испанских колониях с Мексикой—
его месть за увольнение испанский сокровище
дома и пересечения Панама—богатейший
человек в Англии, он плавает в море,
иллюминаторы всех испанских портов на
западном побережье Южной Америки и
овладевает Новый Альбион (штат Калифорния)
для Англии

133

ГЛАВА VII 1728-1779

капитан повар Америки

английский мореплаватель отправлено спустя
двести лет, чтобы найти Новый Альбион из
Дрейк открытий—он пропускает и проливом
Фука и в устье Колумбии, но якоря у Нутка,
сближения будущих трейдеров—не северо-
восточный проход найден через Аляску—
истинная причина Кука убийства на Гавайях
рассказал Ледиярд—Россия ревнует его
изыскания

172

Глава VIII 1785-1792

Роберт Грэй, Американский первооткрыватель Колумбия

Бостон торговцы, вдохновленный Кука
путешествий, наряд из двух судов под Кендрик
и серый для обнаружения и торговле на Тихом
океане—приключения первым кораблем,
чтобы носить американский флаг по всему

210

миру—серый нападению индейцев в
Тилламук-Бей—Открытие реки Колумбия на
второй рейс—Форт обороны и первый
американский корабль, построенный на
берегу Тихого

глава IX 1778-1790

Джон ЛЕДЬЯРД, Предшественником Льюиса и Кларка

в Новой Англии непутевого-ну, отошел от
двери, богатых родственников,
присоединяется готовить экспедицию в
Америку—приключение среди россиян
Oonalaska—бесполезно пытаться
заинтересовать Новой Англии купцов в
торговле мехом—Солдат Удачи в Париж, он
встречает Джефферсон и Джон Пол Джонс и
описывает освоение Западной Америки—
успешно пересечения Сибири на пути в
Америку, но сорваны русских торговцев
мехами

242

глава X 1779-1794

Джордж Ванкувер, Последний тихоокеанского побережья исследователи

деятельности американцев, испанцев и
россиян на западном побережье Америки
вызывают Англия—Ванкувер отправляется
якобы для того, чтобы уладить ссору между
торговцев мехами и испанских губернаторов в
Нутка—он, кстати, до завершения освоения
Аmericики западном побережье и вступить во
владение Англии невооруженных
территории—миф о Северо-Восточном
проходе, развеяна навеки

263

часть III

разведочное дает место для торговли
мехами—эксплуатация тихоокеанского
побережья в рамках российско-американской
пушной компании, И признанным лидером в
Baranof

глава XI
1579-1867

российской американской меховой компании

в погоне за соболем ведет казаков через
Сибирь; на море-выдра, через Тихий океан на
юге Калифорнии—караваны четыре тысячи
лошадей на длинный след семь тысяч
километров по Европе и Азии—привал
бандитов на море—объединение всех
трейдеры в один монополист—осады и резня
Ситка—как Доктрина Монро выросла из
русской меховой торговли цели России в
северной части Тихого океана преобладают

293

глава XII
1747-1818

в Baranof, Маленький царь Тихого океана

в Baranof заложены основы Российской
Империи на тихоокеанском побережье
Америки—кораблекрушение на пути в Аляску,
он держит своих людей в руках и
превращается в жестокого хап
преимущество—как он блефует противник
меха компаний—Первый русский корабль,
построенный в Америке—приключения,
ведущие морской выдры охотники попадают в
засаду индейцев—основания Ситка—лаундж,
бросил на старости лет, умирает от разбитого
сердца

316

339

индекс

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Петр Великий	5
Карта курса , по которому следует Беринг	20-21
<i>The Святые Петр и Апостол Павел</i> , с чернового наброска товарища Беринга, ученого Стеллера	29
Арка Стеллера на острове Беринга, названная в честь ученого Стеллера из экспедиции Беринга	39
Ледник	46
Морские коровы	53
Тюлени на лежбище на острове Беринга	57
Маврикий Август, граф Беньовский	109
Сэр Джон Хокинс	135
Королева Елизавета посвящает Дрейка в рыцари	146
<i>The Золотая Лань</i>	151
Фрэнсис Дрейк	155
Коронация Дрейка в Калифорнии	164
Серебряная карта мира	171
Капитан Джеймс Кук	180
Ледяные острова	194
Смерть Кука	205
Отплытие " Колумбии и леди Вашингтон	211
Чарльз Булфинч	212
Медали в честь Колумбии и Леди Вашингтон Круиз	215
Строительство первого американского корабля на Тихоокеанском побережье	223
Плащ из перьев, который носил сын гавайского вождя на праздновании в честь возвращения Грея	226
Джон Дерби	228
Карта двух путешествий Грея, приведших к открытию "Колумбии"	231
Вид на реку Колумбия	237
В устье реки Колумбия	239
Ледьярд в своем Блиндаже	244
Капитан Джордж Ванкувер	265
<i>The Columbi</i> аво время Шквала	269
<i>The Находка</i> на скалах	274
Индейское поселение в Нутке	276
Стадо северных оленей в Сибири	288
Поднятые олени упряжки	294

Джон Джейкоб Астор	303
Ситка с моря	314
Александр Баранов	317

ЧАСТЬ I

РАЗБИРАЮСЬ С РУССКИМИ На ТИХООКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ АМЕРИКИ —БЕРИНГОМ, ДАТЧАНИНОМ, ОХОТНИКАМИ На КАЛАНОВ, РАЗБОЙНИКАМИ И БЕНЬОВСКИМ, ПОЛЬСКИМ ПИРАТОМ

Викинги Тихого океана

ГЛАВА I

1700-1743

ВИТУС БЕРИНГ, ДАТЧАНИН

Петр Великий отправляет Беринга в два путешествия: первое, чтобы выяснить, объединены ли Америка и Азия; Второе, чтобы найти то, что лежит к северу от Новой Испании — Ужасные трудности караванов, пересекающих Сибирь на протяжении Семи тысяч миль — Корабли, потерянные в Тумане —Команда Беринга выброшена на Бесплодный остров

В наши дни мы стали такими рабами поверхностной науки, такими непоколебимыми верующими в фатализм, объявляющий человека созданием обстоятельств, что мы почти забыли, что величайшее зрелище в жизни - это когда человек становится Творцом Обстоятельств. Мы забываем, что человек может стать хозяином своей судьбы, сражаясь, разрушая, воссоздавая не только свое собственное окружение, но и окружение множества меньших людей. В таких жизнях есть что-то титаническое. Они являются героями мифов, легенд каждого народа. Мы почему-то чувствуем, что человек, который сбрасывает с себя ограничения рождения и положения, поднимает всю человеческую расу на более высокий уровень и в нем есть частичка Бога, хотя у героя могут быть глиняные ноги и тело зверя. Таковы были древние викинги Севера, которые провели свою жизнь в борьбе со стихиями и выезжали навстречу смерти в бурю, привязанные к рангоуту своего корабля. И такими же были тихоокеанские викинги Нового Света, которые бороздили моря двух континентов на кораблях из ракушек, — доски обвязаны оленьими ремнями, обшиты мхом, — хищные в своих глубоководных набегах, как хищные звери, бесстрашные, как сам дух бури. Приключения викингов Северной части Тихого океана больше похожи на какую-то старую морскую легенду, чем на трезвую правду; и дикая натура взяла свое начало в самом буйном герое и звероподобном человеке, который когда-либо восходил на русский престол.

Peter the Great.

[Иллюстрация: Петр Великий.]

Когда Петр Великий из России работал корабельным плотником в доках Ост-Индской компании в Амстердаме, рассказы моряков об обширных, неоткрытых землях за Японским морем, должно быть, действовали на его воображение подобно спичке с порохом. [1] Он уже мечтал о тех имперских завоеваниях, о которых до сих пор мечтает Россия: о продвижении своего царства к самому южному краю Европы, к самому восточному краю Азии, к выходу в Арктику, к самому порогу китайской столицы. Его казаки уже прочесали обе Сибири, как хищные птицы, взимая дань с кочующих племен Татари, Камчатки, Тихого океана, с сибирских народов в самом северо-восточном уголке Азии. И эти индейцы—чукчи из Азиатско-Тихоокеанского региона рассказали русским о земле за морем, о плавающем по океану плавучем дереве, непохожем ни на какие деревья, растущие в Азии, о мертвых китах, выброшенных на берег гарпунами странных охотников, и — что самое смешное в свете наших современных знаний о меховых куртках эскимосов в форме хвостов - о людях, потерпевших крушение на берегах Азии, которые могли бы соответствовать дарвиновскому недостающему звену, поскольку носили "хвосты".

И теперь моряки пополнили знания Питера еще более невероятными вещами. К востоку от Азии, к западу от Америки находился неизвестный континент, названный на картах "Гамаландией". [2] И так, всепоглощающим стремлением Питера было завоевание новых миров. Что из этого "Гамаленда"? Но, как известно миру, Питера призвали домой для подавления восстания. Война, внутренние распри, массовые убийства, оставившие кровавое пятно на его славе, занимали его руки до конца жизни; и январь 1725 года застал дворцы всей России затихшими, ибо Геркулес, сокрушавший всякое сопротивление, как великан, лежал при смерти, стыдясь обратиться к врачу, побежденный собственными пороками, взывая к Небесам о сострадании криками боли, которые выгнали врачей и обслуживающий персонал из комнаты.

Возможно, раскаяние за те семь тысяч негодяев, казненных одним махом после восстания; возможно, воспоминания о тех двадцати коленопреклоненных просителях, чьи головы он отрубил собственноручно, выпивая по стакану кваса за каждый удар; возможно, упреки в адрес разбойников с большой дороги, которых он пытал до медленной смерти, по двести человек за раз, подвешивая их к крюкам в боках; возможно, первая жена, от которой он отказался, первый сын, которого он умертвил либо ядом, либо в конвульсиях страха, стали преследовать его. тьма его смертного одра.

Екатерина, крестьянская девушка, возведенная в ранг императрицы всея Руси, ничем не могла помочь. Врачи, ученые и мореплаватели, датчане, англичане и голландки, которых он привез в Россию со всех концов Европы, были бессильны. Клятвы Небу, данные в течение долгих часов, когда он лежал, содрогаясь в конвульсиях, сражаясь со Смертью, были бесполезны. Грехи всей жизни не могли быть заглажены часовым покаянием. Затем, словно бесстрашный Дух человека должен был окончательно восторжествовать над плотью, умирающий Геракл поднялся на последнее высшее усилие.

Radisson, Маркетт, Ла Саль, Верендри пересекали Америку, чтобы завоевать для Франции неоткрытые районы Западного побережья. Новая Испания направляла свои корабли на север от Мексики; и вот умирающий Петр Российский собственноручно написал инструкции для экспедиции по поиску границ между Азией и Америкой. Одним словом, он положил начало тому наступательному походу русских по Востоку, который должен был беспрепятственно продолжаться в течение двухсот лет, пока не был остановлен японцами. Инструкции царя

всегда были лаконичны. Они были написаны за пять недель до его смерти".(1) На Камчатке ... должны быть построены две лодки. (2) С ними вы должны плыть на север вдоль побережья (3) Вы должны узнать, где начинается побережье Америки.... Запишите это. ... получите достоверную информацию ... затем, нанеся на карту побережье, возвращайтесь". [3]

С того времени, как Петр Великий начал разрушать восточную изоляцию России от остальной Европы, его политикой было привлекать в Санкт—Петербург - город, созданный им самим, — лидеров мысли из каждой столицы Европы. И поскольку его целью было создание военно-морского флота, он особенно старался привлечь в свое королевство иностранных мореплавателей. Среди них было много норвежцев и датчан. Возможно, это знакомство началось со времен ученичества в доках Ост-Индской компании; но, во всяком случае, среди иностранных мореплавателей был некто Витус Иванович Беринг, датчанин скромного происхождения из Хорсенса, [4] который был матросом Ост-Индской компании, пока в возрасте двадцати двух лет не поступил на службу в русский флот младшим лейтенантом и пробивался на Балтийской службе во время петровских войн, пока в 1720 году не был назначен капитаном второго ранга. Датчанину Витусу Берингу Петр поручил исследовать воды между Азией и Америкой. Как моряк, Беринг, конечно, бывал на границах Тихого океана. [5]

Ученые всех городов Европы были обеспокоены мифическим Анианским проливом, который, как предполагалось, находится между Азией и Америкой, и еще более мифическим Гамаландом, который, как предполагалось, можно увидеть на пути в Новую Испанию. На всю эту перебранку слов без ведома Питер не обратил внимания. "Ты пойдешь и добудешь какую-нибудь достоверную информацию", - приказывает он Берингу. Не обратил он никакого внимания и на тот факт, что порты Камчатки на Тихом океане находились в шести тысячах миль по реке, горам, тундре и пустыне через неизвестную страну от Санкт-Петербурга. Потребовалось бы от трех до пяти лет, чтобы перевезти материалы через два континента караваном, плоскодонкой и собачьими упряжками. От курдов, татар и диких сибирских племен требовалась дань в виде еды и меха. Необходимо реквизировать более тысячи лошадей для караванов; изготовить более двух тысяч кожаных мешков для муки. Необходимо построить двадцать или тридцать лодок, чтобы сплавляться по внутренним рекам. Там на сотни миль простиралась леса, где только самая острая бдительность могла удержать волчьи стаи от преследования путешественников. И когда экспедиция достигла тундр Восточной Сибири, возникла двойная опасность - со стороны племен чукчей на севере, враждебных, как американские индейцы, и со стороны сибирских изгнанников на юге, заклеянных преступников, политических недовольных, диких бандитов, изгоев, совершивших безымянные преступления, выходящие за рамки закона. Не нужно было быть пророком, чтобы предвидеть, что такие люди помешают экспедиции, а не помогут ей. И когда мы достигнем берегов Охотска, необходимо будет построить форт, чтобы перезимовать там. И должно быть построено судно для плавания по внутренним морям, чтобы добраться до полуострова Камчатка в Северной части Тихого океана. И полуостров, который выступает из Азии, как Норвегия выступает из Европы, необходимо пересечь с провизией — расстояние примерно в двести миль на собачьих упряжках по горам выше американских Скалистых гор. А оказавшись на самом берегу Тихого океана, еще один форт должен быть построен на восточной стороне полуострова Камчатка. И два двухэтажных судна должны быть построены так, чтобы плыть по сонной зыби Северной части Тихого океана в это мифическое царство тумана, похожего на одеяло, и странного, неземного грохота, поднимающегося из холодного арктического моря, с красными отблесками пламени сквозь серую дымку и странными голосами, как будто туманный призрак заманивал

моряков на гибель. Это были всего лишь детали. Питер не обращал внимания на невозможное. Беринг тоже, потому что он был в расцвете сил, ему было сорок четыре года. "Ты пойдешь", - приказал царь, и Беринг повиновался.

Едва дух Петра Великого покинул эту жизнь, в 1725 году, когда войска Беринга посреди зимы отправились из Санкт-Петербурга, чтобы пересечь Сибирь и выйти к Тихому океану, в так называемую Первую экспедицию. [6] Три года потребовалось ему, чтобы пройти от западного побережья Европы до восточного побережья Азии, переправившись из Охотска на Камчатку, откуда он отплыл 9 июля 1728 года с сорока четырьмя матросами и тремя лейтенантами в арктические моря. [7] Это путешествие не имеет значения, разве что как зерно, из которого выросла самая знаменитая экспедиция на тихоокеанском побережье. Мартин Шпанберг, еще один датский штурман, огромного телосложения, неистовый, страстный, тиранический и бесстрашный, за которым всегда следовала гигантская гончая, готовая разорвать на куски любого, кто приблизится, и Алексей Чирикофф, способный русский, были секундантами командира. Они столкнулись со всеми ожидаемыми трудностями при транспортировке кораблей, такелажа и провизии через два континента. Шпанбергу и его людям, вынужденным зимовать в Восточной Сибири, пришлось съесть свою собачью сбрую и ремешки от ботинок, прежде чем они вышли на след мертвых лошадей, который отмечал путь Беринга к морю и привел их к форту в Охотске.

Беринг поступил в точности так, как приказал царь Петр. Он построил двухпалубные корабли на Камчатке. Затем он проследовал вдоль побережья на север мимо острова Святого Лаврентия, который он назвал, до точки, где берег, казалось, поворачивал на северо-запад под углом 67 градусов 18 минут, что доказало Берингу, что Азия и Америка *не* были объединены. [8] И они не нашли никакого "Гамаленда", никакого нового света, вклинившегося между Азией и Америкой, дважды они были всего в сорока милях от Америки, соприкасаясь с островом Святого Лаврентия, но туман, как одеяло, висел над морем, когда они проходили через воды, ныне известные как Берингов пролив. Они не увидели континента на востоке, и Беринг был вынужден вернуться, не зная ничего, кроме того, что Россия *не* простирается в Америку. И все же к востоку от Камчатки были заметны явные признаки суши — коряги, водоросли, морские птицы. Прежде чем отправиться в Санкт-Петербург в 1729 году, он снова попытался плыть на восток, к острову Гамаланд на картах, но снова плохая погода отбросила его назад.

Это была старая история о ученых и Христофоре Колумбе в более ранние времена. Выводы Беринга отличались от самонадеянных школ. В море не было "Гамаланд". На картах он был. Ученые мужи Санкт-Петербурга высмеивали датского моряка. Предполагалось, что туман скрыл "Гамаланд". Берингу ничего не оставалось, как с позором удалиться на покой или доказать свои выводы. Он прибыл в Санкт-Петербург в марте 1730 года. Он убедил суд предпринять вторую экспедицию к апрелю того же года. [9]

И для этой второй экспедиции двор, сенат, адмиралтейство и академия наук решили выделить щедрые средства, которые ослепили бы мир блеском русских подвигов. Россия была в настроении что-то делать. Молодые ученые, наводнившие ее столицу, были увлечены дальновидными теориями, которые должны были удивить остальных смертных. Ученые, ремесленники, врачи, монахи, казаки, историки составляли пестрый список конфликтующих

влияний под командованием Беринга; но поскольку Беринг был датчанином, это командование не было высшим. Он должен созвать совет русских офицеров под своим началом, вынести все свои планы на их голосование, затем подчиниться их решению. И все же он один должен нести ответственность за грубые ошибки. И по мере того, как шли дни, подробные инструкции, поступавшие из адмиралтейства, сената и академии, были подобны лавине, набирающей своим весом импульс к разрушению. Он должен был основать новые отрасли промышленности в Сибири. Он должен был нанести на карту всю арктическую береговую линию Азии. Он должен был обратить местных жителей в христианство. Он должен был снабдить путешествующих академиков роскошным оборудованием, хотя у некоторых из них было по сорок фургонов инструментов и странствующая библиотека.

В начале 1733 года Вторая экспедиция отправилась из Санкт-Петербурга отдельными отрядами, чтобы пересечь Сибирь. Там были Витус Беринг, командир, Чириков и Шпанберг, два его секунданта, восемь лейтенантов, шестнадцать помощников капитана, двенадцать врачей, семь священников, плотники, пекари, казаки, матросы — всего пятьсот восемьдесят человек. [10] Итак, если было трудно переправить горстку слуг через Сибирь в первое простое путешествие, то что значило сопровождать этот сброд, состоящий из самонадеянных ученых, стремящихся доказать невозможные теории, младших офицеров, каждый из которых считал себя царем, жен и детей, непривычных к таким путешествиям, священников, чье благочестие принимало необычную форму забивания подчиненных до смерти, казаков, которые пили, играли в азартные игры и дрались на каждой остановке, пока половина лейтенантов в роте не скрестила шпаги на дуэлях, рабочих, которые смотрели на это предприятие как на безумие? изгнание, и ты только ждал возможности дезертировать?

Разведчики поспешили вперед с приказом сибирским казакам готовить зимовья для приближающегося войска и взимать дань с жителей в обмен на провизию; но в Сибири, как говорят русские, *"Бог высоко в Небесах, а царь далеко"*; и сибирские губернаторы пальцем не пошевелили, чтобы подготовиться к встрече с Берингом.

Шпанберг покинул Санкт-Петербург в феврале 1733 года. Беринг последовал за ним в марте; и все лето длинные караваны медленно передвигающихся вьючных лошадей - до четырех тысяч в ряд — петляли по пустынным просторам Западной Сибири.

Только академисты бездельничали в Санкт-Петербурге, целуя на прощание руку его величества, наслаждаясь внезапной вспышкой кратковременной дурной славы, доводя Беринга почти до безумия своими непомерными требованиями к роскошно оборудованным баржам, чтобы перевезти их вниз по Волге. В Тобольске прошла зима; но май 1734 года стал свидетелем пушечной пальбы, рева труб, звона веселых бокалов среди веселых джентльменов; ибо караваны снова отправлялись в путь под ругань казаков, жалобы ученых, драки младших офицеров и молчаливое огорчение бесконечно терпеливого Беринга. Легко поверить, что молебен сибиряков был искренним, поскольку местные правители использовали приказы о взимании дани для собственного обогащения, а сельская местность стонала под тяжким бременем вымогательства. Вторая зима прошла в Якутске, где были построены и спущены на воду корабли, которым предстояло нанести на карту арктическое побережье Сибири, с экипажами в несколько сотен человек.

Был конец июня 1735 года, прежде чем основные силы снова двинулись к Тихому океану. От Якутска до Охотска на Тихом океане путь лежал вниз по Лене, вверх по реке Алдан, вверх по

Майе, вверх по Юдоме, через Становые горы, вниз по реке Урак к морю. Тысяча сибирских ссыльных были вынуждены сопровождать эти лодки. [11] Не было подготовлено крыши для размещения войск в горах. Люди и лошади были разорваны на куски лесными волками. Часто в течение нескольких дней единственным пайком были туши мертвых лошадей, коренья, мука и рис. Зимние бараки приходилось строить между реками, поскольку сезон судоходства был коротким. В мае реки разошлись в весеннее половодье. Тогда курс был направлен против бурлящего потока. Тридцать человек не могли протащить лодку вверх по Юдоме. Они стояли по пояс в ледяной воде, поднимая баржи над бурными местами. На ногах лошадей и людей появились язвы. Три года потребовалось, чтобы перевезти все припасы и корабельный такелаж с Лены в Тихий океан, при этом на каждом месте стоянки были построены зимовальные бараки.

В Охотске на Тихом океане генерал-майор Писсарьев был начальником порта. Этот старый негодяй, когда-то любимец Петра Великого, был избит кнутом, заклеямен и сослан за заговор, ему запретили даже скрывать свое клеймо; и теперь он выплеснул всю свою семидесятилетнюю горечь на Беринга. Он не только не подготовился к размещению исследователей, но и отказался пустить их внутрь частоколов жалких хижин в Охотске, которые он называл своим фортом. Когда они построили снаружи свой собственный форт, он принялся мучить двух датчан, Беринга и Шпанберга, избивая их людей, отправляя курьеров с ложными обвинениями против Беринга в Санкт-Петербург, фактически отменяя их приказы о поставках продовольствия от казаков. Шпанберг аккуратно покончил бы с этим делом острым мечом, но Беринг воздержался, и Писсарьева в конце концов заменил лучший начальник порта. Мужчины принялись за рубку леса для кораблей, которые должны были перейти из Охотска к восточному берегу Камчатки, поскольку корабли первого рейса Беринга теперь можно было использовать только как пакетботы.

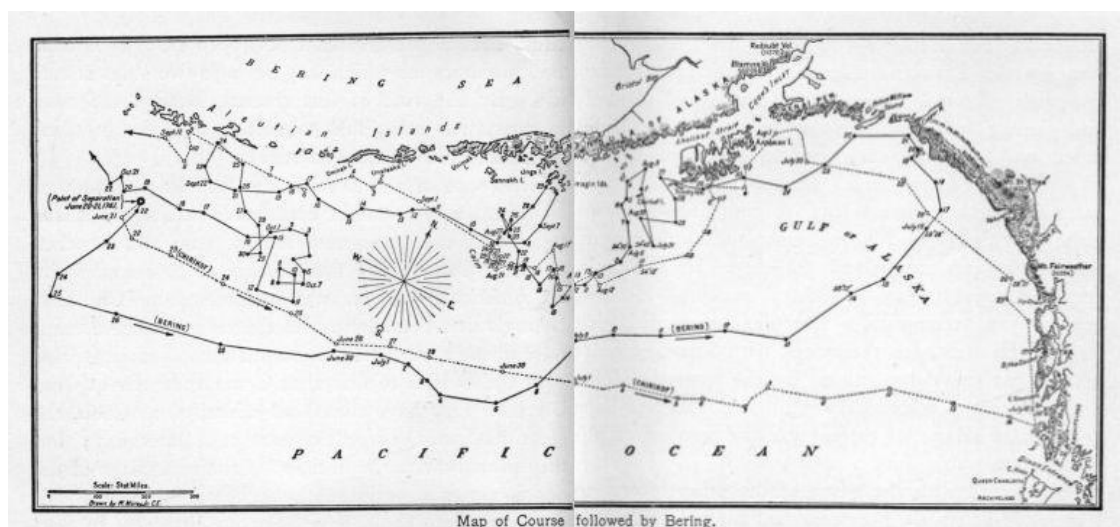
Только четвертого июня 1741 года созрели все приготовления к исполнению предсмертного желания царя Петра распространить свою империю на Америку. Два судна, "*Святой Петр*" и "*Святой Павел*", стояли на якоре в Петропавловске в Авачинской бухте на восточном побережье Камчатки. На берегу стоял небольшой, обнесенный частоколом форт примерно из пятидесяти хижин, казармы, часовни и порохового погреба. Рано утром того дня были проведены торжественные религиозные службы, призвавшие благословение Небес на путешественников. Теперь зазвонил колокол часовни. Монахи с пением спустились к кромке воды. Выстрелили из пушек. Приветствие за приветствием заставляло эхо прокатываться среди гор с белыми куполами. Послышался звон якорных цепей, скрип мачт и реевых рычагов. Надутые паруса затрепетали, и с последним протяжным криком корабли заскользили по ветру к ленивой зыби Тихого океана навстречу открытию новых миров.

А почему не новые миры? Именно этот вопрос задавали себе офицеры, сопровождавшие Беринга, когда вдаль исчезали белые вершины Камчатки. Безусловно, в мировой истории не было экспедиции с большим престижем. Потребовалось восемь лет, чтобы пересечь Сибирь от Санкт-Петербурга до Тихого океана. Для зимовки была построена линия фортов на двух континентах. Через реки были переброшены мосты; за один год было собрано до сорока лодок, чтобы сплавляться по сибирским течениям. Двести тысяч долларов в современных деньгах были

потрачены еще до того, как мы достигли Тихого океана. Всего в Тихом океане было построено девять кораблей для перевозки припасов из Охотска на восточную сторону Камчатки, два - для перевозки Беринга на новый континент "Гамаленд", который ученые упорно пытались нанести на карты, три - для исследования региона между Россией и Японией. Теперь Беринг знал, что *никакого* "Гамаланда" не существует, разве что в невежественных, пьянящих фантазиях глупых географов. То же самое сделал Алексей Чирикофф, второй помощник из России. То же сделал датчанин Спанберг, третий в команде, который пересек Тихий океан, нанося на карту Японию.

Грубо говоря, экспедиция постепенно сосредоточилась на трех пунктах: (1) нанесении на карту арктического побережья; (2) исследовании Японии; (3) поиске того, что лежит между Азией и Америкой. Около двухсот человек, из которых двадцать уже умерли от цинги, спустились по сибирским рекам к арктическому побережью. Датчанин Спанберг вместе с сотней других тщательно обследовал Японию, и власти Санкт-Петербурга наложили вето на его результаты, потому что там не было Гамаленда. Беринг сам предпринял путешествие в Америку. Весь май в Авачинской бухте проводился совет за советом, чтобы определить, в какую сторону должны плыть два корабля Беринга. По решению этого совета командующий Беринг был вынужден подчиниться; и мифический Гамаланд доказал свою злую звезду.

На картах д'Иль, знаменитых географов, был изображен Гамаланд; и Луи ла Круер д'Иль, родственник великого картографа, который побывал в Канаде и считался авторитетом в американских вопросах, должен был сопровождать Чирикова, первого лейтенанта Беринга. На советах эти карты были изъяты. Для д'Айлов было предметом семейной гордости найти этот Гамаленд. Беринг и Чириков, возможно, проклинали всех ученых, как позже Кук, великий мореплаватель, проклял ученых; но они должны были подчиниться решению совета; и решение состояло в том, чтобы плыть на юго-юго-восток в Гамаленд. И все же в чувствах Беринга не могло быть горечи, ибо он знал, что истина должна восторжествовать. Он был бы оправдан, что бы ни случилось; и чары Севера были на нем, его магия манила дальше—дальше—дальше к неизвестному, к неизведанному, к тому, о чем даже не мечтали. Все, что дали миру открытия Колумба, путешествие Беринга могло дать России; ибо он *не* знал, что Верендри из Новой Франции уже проникли на запад до Скалистых гор; и он знал, что половина континента все еще лежит неисследованной, не востребованной по другую сторону Тихого океана.

[Иллюстрация: Карта курса, по которому следует Беринг.]

Но с лодками, на борту которых находилось всего сто бочонков воды и провизии всего на пять месяцев, решение плыть на юго-юго-восток было прискорбной тратой драгоценного времени. Это привело бы к испанским владениям, а не к неизвестному Северу. На судне Беринга *"Святой Петр"* находился экипаж из семидесяти семи человек: лейтенант Ваксель, второй по старшинству, и Джордж Уильям Стеллер, знаменитый ученый, друг Беринга, на борту. На *"Святом Поле"* под командованием стойкого, уравновешенного русского лейтенанта Алексея Чирикова находилось семьдесят шесть человек во главе с Ла Круайер д'Иль в качестве астронома. Не в последнюю очередь дело осложнял личный состав экипажей. По большей части они были заклеены как преступники и недовольные. С самого начала они относились к экспедиции Беринга с ужасом. Они присоединились к нему по принуждению всего шесть лет назад, и сейчас исследованиям шел одиннадцатый год. Шпанберга, другого датчанина, с его грубым языком и постоянным применением кнута, который ездил в Санкт-Петербург делать репортажи о Японии, они искренне ненавидели. Русский Чириков был всеобщим любимцем, а Беринга, верховного главнокомандующего, любили за его доброту; но на приказы Беринга русские подчиненные накладывали вето; и русские подчиненные офицеры постоянно устраивали драки с дуэлями, играми и выпивкой. Неудивительно, что блефовый датчанин отплыл от заснеженных вершин Авачинской бухты с мрачными предчувствиями. Восемь лет он нес на себе груз мелких инструкций, выданных учеными-невеждами. Восемь лет он терпел придирки со стороны двора, сената и академии. Его критиковали за ошибки, допущенные другими. Ему поручили выполнить титаническую задачу со связанными руками. Ему угрожали штрафами и военным трибуналом за задержку, вызванную ссорами его подчиненных, которым он подчинялся. Его лишили зарплаты на три года и обвинили в хищении государственных средств. Его жену, которая к этому времени вернулась вместе с женами других офицеров в Россию, действительно обыскивали в поисках спрятанной добычи. [12] И вот теперь, после невыразимых трудов и лишений, на кораблях, отплывающих с Камчатки, осталось провизии всего на пять месяцев; и тупоголовые подчиненные вынуждали тратить эти провизии впустую, плывя в неправильном направлении. Если случится худшее, сможет ли Беринг удержать своих людей со связанными руками?

Командир пожал плечами и подал знак Чирикову, русскому с "*Святого Павла*", показывать дорогу. Они должны понять, что никакого Гамаленда для себя не существовало, эти упрямые русские! Длинная зыбь Тихого океана встречает их, когда они выходят из окруженной горами гавани. Стоит убрать паруса под напором усиливающегося ветра, и заснеженные вершины Авачинской бухты остаются вдали. Грохот прибоя, бьющегося о скалистые пещеры камчатского побережья, становится все слабее. Мириады птиц становятся все меньше. Стеллер, ученый, перегибается через поручни, чтобы послушать, "гудит" ли там огромный кашалот, когда он "дует". Белые валы приходят с севера, скатываясь к тропикам. Над северным побережьем нависает что-то серое, серовато-коричневое, называемое "туман", о котором они скоро узнают больше. Серовато-коричневая штука означает шторм; а "свиньи", кувыркающиеся, барахтающиеся, кувыркающиеся кругами вокруг кораблей, означают шторм; и Чириков, далеко впереди, неуверенно сигнализирует в ответ, спрашивая, не следует ли им держаться вместе, чтобы не потеряться в сгущающемся тумане. Датчанин пожимает плечами и смотрит на север. Серовато-коричневая масса потемнела, утолщилась, неосяземо растеклась, и на третий день северный ветер со свистом проносится в снастях. Паруса свернуты. Белые валы больше не катятся. Они хлещут с отрубленными верхушками, отлетающими назад; а *Святой Петр* кружится вокруг, перевоза море за морем с раскатами грома. Вот что означал туман; и теперь он повсюду вокруг них, в урагане, обжигаяще холодный, густой на ощупь, размывающий все очертания, кроме моря — моря!

Неважно! Они на исходе уже девять дней. Сегодня двенадцатое июня. Температура упала до 46 градусов, и никакого Гамаленда! Болваны перестали раскладывать свои карты в капитанской каюте. Можно разглядеть улыбку, растекающуюся по усам датчанина. В шестистах милях к югу от Камчатки и никакого Гамаленда! Совет собирается снова. Решено развернуться, направиться на север и больше ничего не говорить о Гамаланде. Но когда туман, превратившийся в ураган, рассеивается, корабль-консорт "*Святой Павел*" пропадает. Судно Чирикова исчезло. Они поднимаются до 49 градусов, но по-прежнему нет ни Чирикова, ни Гамаланды! Затем создатели ошибок, как обычно, допускают еще больше ошибок. Плыть дальше без корабля-побратима опасно. Созывается совет. Беринг должен вернуться на 46 градус и поохотиться на Чирикова. Так проходит весь июнь. Из пятимесячного запаса провизии один потрачен впустую, ненависть к Берингу, датчанину.

Было замечено, что после того, как корабль повернул на юг, командир выглядел больным и подавленным. Он стал нетерпим к противодействию или приближению. Возможно, чтобы избежать раздражения, он остался в своей каюте, но отдал безапелляционный приказ "*Святому Петру*" возвращаться на север.

Через несколько дней Беринг был прикован к постели с той непреодолимой физической депрессией и страхом, которые предшествуют самому страшному для моряков бедствию — цинге. Теперь командование принял лейтенант Ваксель. Ваксель испытывал все моряцкое презрение к набитым книгами болванам, которые подтасовывают факты, чтобы подогнать теорию; и между ним и Стеллером, ученым, возникла смертельная вражда. К середине июля

количество зловонной питьевой воды сократилось настолько, что экипаж был переведен на половинное довольствие; но на сонной, окутанной туманом зыби Тихого океана, проплывающей мимо усталых глаз Беринга, было так много признаков суши - птиц, плавника, морских водорослей, — что командир приказывал кораблю ложиться в дрейф каждую ночь, опасаясь сесть на мель.

Тринадцатого июля совет подчиненных настолько отказался от всякой идеи о Гамаланде, что было решено постоянно двигаться на север. Где-то между 16-м и 20-м туман рассеялся, как занавес. Такое видение предстало взору невозмутимых моряков, от которого у этих флегматичных русских всколыхнулась кровь. Это было завершение всего их труда, то, ради чего они проехали через Сибирь, то, на что они надеялись вопреки всякой надежде, несмотря на ученый жаргон географов. Над далеким горизонтом северного моря возвышалось нечто, что могло бы быть огромным опаловым куполом, подвешенным посреди неба. Можно догадаться, как наблюдатель напрягал зоркие глаза, разглядывая эту величественную, измятую снежную вершину, выступавшую из облаков, словно небесный шатер какой-то расы гигантов; как раздавался крик "земля", как офицеры и подчиненные стекались вокруг Беринга с криками и поздравлениями. "Мы без сомнения знали, что это земля шестнадцатого числа", - говорит Стеллер. "Хотя я был на Камчатке, я никогда не видел более высоких гор". Берег был повсюду изрезан, показывая заливы и гавани. Все поздравляли командира, но он только пожимал плечами, говоря: "Мы думаем, что совершили великие дела, а? но кто знает? Никто не знает, где это и какое расстояние нам предстоит проплыть обратно. Ветра могут быть встречными. Мы не знаем эту землю, и у нас нет провизии на зиму.

Правда в том, что карты потерпели неудачу, и Беринг был достаточно хорошим моряком, чтобы понимать, что эти неизведанные признаки континента указывают на то, что *Святой Петр* безнадежно потерян. Шестнадцать лет изматывающей заботы, выдержать которую было труднее, чем очередь из пушки, высосали способность Беринга к сопротивлению, как вампир. Та жизнерадостность, которая поднимает человека над Тревожным Страхом, была иссушена. Темные стихийные силы — физическая слабость, болезнь, отчаяние — смыкались вокруг исследователя, подобно волнам вечного моря.

Лодка очутилась в мире чудес, лишенном романтики. Великий пик, который они называли Святым Ильей, алебастровым куполом нависал над заснеженным рядом меньших хребтов. Айсберги, похожие на плавучие дворцы, смывались с длинной линии обрывистого берега. Когда они приблизились к якорной стоянке на острове, ныне известном как Киак, они увидели колышущиеся на ветру заросли папоротников, трав, дамских туфельек, рододендронов, колокольчиков, незабудок. Возможно, они видели эти частокотлы льда, которые тянутся подобно крепостному валу на север вдоль главного берега к западу от Сент-Элиаса.

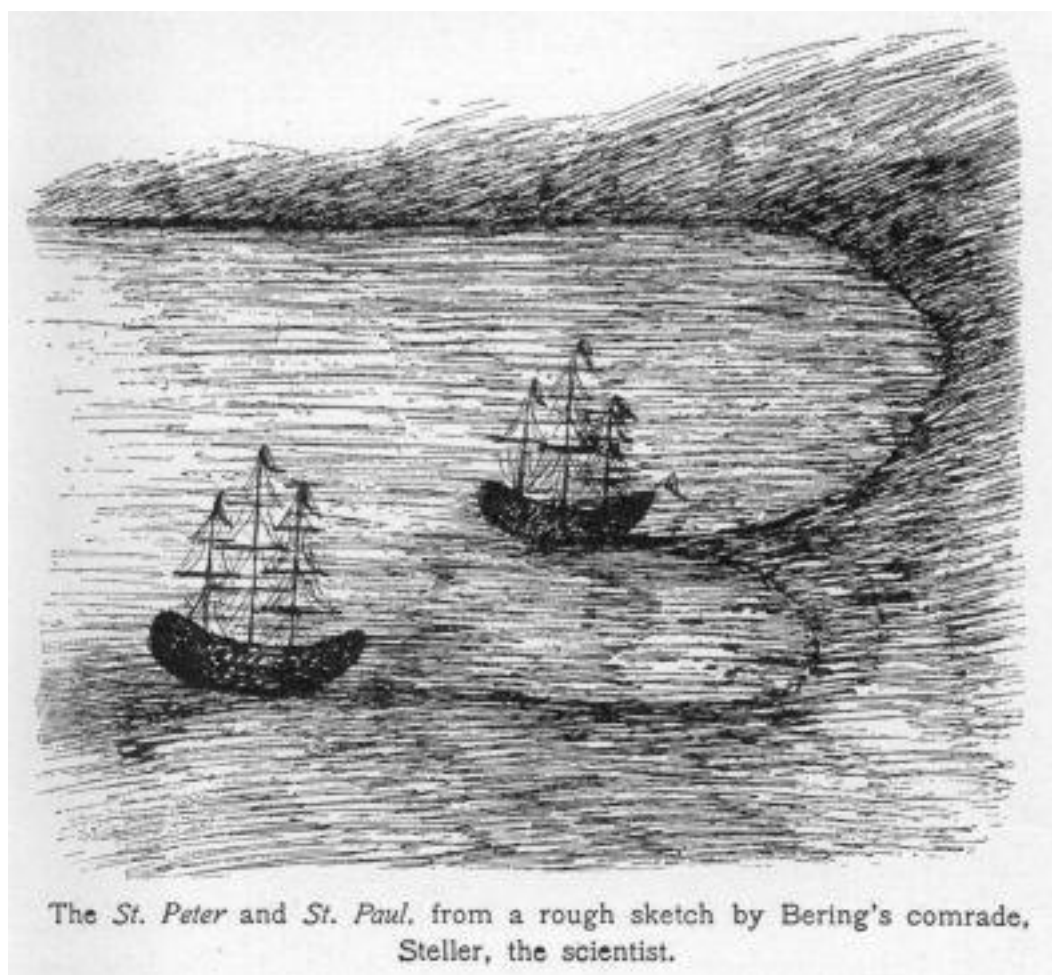
"*Святой Петр*" медленно двигался к берегу против встречного ветра. Хитрофф и Стеллер отправились на небольших лодках с пятнадцатью людьми на разведку. Оба нашли следы пребывания жителей — бревенчатые хижины, кострища, раковины, копченую рыбу, следы ног в траве. Стеллер оставил в хижинах несколько чайников, ножей, стеклянных бус и безделушек взамен вещей туземцев, которые забрали русские. Много лет спустя другой путешественник встретил старого индейца, который рассказал, что видел корабль Беринга, бросивший якорь у острова Киак, когда он был мальчиком; но перепуганные индейцы бежали, вернувшись только для того, чтобы найти подарки в хижинах, когда русские ушли. [13] Стеллер был таким же диким,

как ребенок, не закончивший школу, и в сопровождении всего одного казака скакал по острову, собирая образцы и занимаясь ботаникой. Хитрофф тем временем наполнил бочки водой; но 21 июля, на следующий день после постановки на якорь, штормовой ветер начал свистеть в снастях. Волны накатывали с ледяной стены побережья, и вдалеке виднелся грязный туман, предвещавший шторм. бочки с водой были наполнены только наполовину, но с моря дул свежий бриз. Без предупреждения, вопреки своему обыкновению консультироваться с другими офицерами, Беринг появился на палубе, бледный как полотно от болезни, и безапелляционно приказал поднять якоря.

Напрасно Стеллер бушевал и ругался, обвиняя шефа в малодушной тоске по дому, "в том, что он свел свои исследования к шестичасовой стоянке на якоре на берегу острова", "в том, что он прибыл из Азии, чтобы привезти домой американскую воду". Командиру надоели колебания, задержки, вмешательство. Треть экипажа была больна. В трюме оставалось провизии всего на три месяца. Корабль отклонялся от любого известного курса более чем на две тысячи миль от любого известного порта; и встречный ветер мог вызвать задержку или загнать судно на бесчисленные рифы, которые окаймляли это странное побережье, как вспаханное поле.

Густые тучи и проливной дождь опустились над морем, размыв все очертания, когда "*Святой Петр*" взял курс на запад. Но что озадачило и Беринга, и офицеров, так это тот факт, что побережье простиралось не на север, а на юг. Они плыли вдоль побережья длинного полуострова Аляска, который на тысячу миль вдается в юго-западную часть Тихого океана.

Рев валов доносился со стороны рифов. Сквозь окутывающий туман они могли различить на севере остров за островом, призрачные сквозь туман, скалистые, высокие, величественные, с грохотом прибоя среди пещер, смутные очертания гор наверху, похожие на Локи, Духа Зла, каменно улыбающегося темным силам, смыкающимся вокруг этих тщедушных людей. На всем протяжении Кадьяка мутные воды говорили о наличии рифов. Воздух был тяжелым от густых на ощупь туманов, а сильные ветры постоянно угрожали внезапным сдвигом, который мог выбросить судно на скалы. В полночь 1 августа они внезапно обнаружили, что под килем у них всего три фута воды. К счастью, ветра не было, но туман был похож на чернила. Попад в течение, которое шло наперегонки с мельницей, они погрузились на восемнадцать морских саженей, где стояли на якоре до рассвета. Они называли это место Туманным островом. Сегодня он известен как Укамок.

[Иллюстрация: *Святой Петр и святой Павел*, по грубому наброску товарища Беринга, ученого Стеллера.]

Теперь подчиненные резко пришли в себя и на неоднократно созываемых и сбивчивых советах в период с 25 июля по 10 августа решили, что остается только одно — немедленно плыть в порт приписки Камчатка. "*Святой Петр*" мотало на страшных ветрах среди рифов и ураганного тумана, как пробку. Половина экипажа лежала больная и беспомощная от цинги, а провизии оставалось всего на два месяца для плавания в две тысячи миль. Вся команда подписала решение возвращаться домой.

Осталось всего двадцать пять бочонков с водой. 30 августа "*Святой Петр*" бросил якорь у группы из тринадцати голых скал без деревьев. Считалось, что если бы кого-нибудь из моряков, страдающих цингой, можно было бы перенести на берег, они могли бы выздороветь. Один из них, Шумагин, умер, когда его вытаскивали на берег. Это была первая смерть, и его именем названы острова. Сам Беринг был так болен, что не мог стоять. Двадцать истощенных мужчин лежали на берегу. Стеллер поспешил отправиться на поиски растений, защищающих от ожогов, в то время как Ваксель, принявший командование, и Хитрофф приказали наполнить бочки водой. К сожалению, единственный бассейн, который они смогли найти, был соединен с морским рукавом. Вода была солоноватой, и это впоследствии усилило заболевание.

Казалось, что над чудесным миром, по которому они бродили, нависла угроза. В шторме были слышны голоса, с моря доносился рокот. Сквозь туман виднелся огонь. Был ли это огонь вулканов или индейцев? И такой прилив прогремел вдоль скал, что земля содрогнулась и корабль задрожал. Ваксель знал, что они не должны рисковать задержкой, отправляясь на разведку, но, обратившись к Берингу, который лежал на своей койке, не подозревая об опасностях на этом побережье, Хитрофф получил разрешение отплыть с судна на ялике с пятью матросами; но к тому времени, как он поплыл против встречного ветра к месту пожара, индейцы разбежались, и такие волны выбрасывались на берег, что Хитрофф не осмелился рискнуть вернуться на корабль. Напрасно Ваксель скрипел зубами от ярости, подавал сигналы и ждал. "Ветер, казалось, вырывался из дымохода, - говорит Стеллер, - с таким свистом, ревом и грохотом, что мы ожидали потерять мачту и руль или быть раздавленными бурунами. Удары моря звучали как пушечный выстрел.

Дело в том, что ялик Хитроффа был разбит на щепки о камни; и шестеро полузатонувших русских жались друг к другу в ожидании помощи, когда Ваксель взял другую маленькую лодку и отправился на выручку. Едва это было достигнуто ценой четырехдневной задержки, за время которой корабль мог бы пройти пятьсот миль по направлению к дому, как были замечены туземцы, выплывающие на каноэ и жестами приглашающие белых людей сойти на берег. Ваксель отплыл на маленькой лодке с девятью вооруженными людьми, чтобы нанести визит дикарям. Приблизившись к берегу, он знаком велел индейцам переходить вброд, но они, в свою очередь, дали ему знак высаживаться, и он приказал трем матросам пришвартовать лодку к скале. Между русскими и индейцами все шло хорошо, они обменивались подарками, пока один вождь не набрался храбрости и не поплыл в Ваксель на лодке. С присущим ему гостеприимством Ваксель сразу же предложил немного русского бренди, которое из вежливости среди всех западных моряков всегда известно как "цепная молния". Вождь сделал всего один глоток жидкого огня, после чего с диким воплем выплюнул его, закричал, что его отравили, и бросился на берег.

Троим русским удалось заполучить лодку Вакселя, но индейцы схватились за причальные канаты и схватили переводчика с чукотского, которого Ваксель привез из Сибири. Ваксель приказал перерезать веревку, но переводчик с чукотского жалобно закричал, умоляя о спасении. Быстро, как молния, русские выстрелили из двух мушкетов в воздух. При звуке, эхом отозвавшемся среди утесов, индейцы в страхе упали ниц, а переводчик убежал; но шесть дней были потрачены впустую на этот бесполезный визит к туземцам.

Едва они покинули этот остров, как над *"Святым Петром"* в течение семнадцати дней бушевал такой ураган, что корабль мог плыть только под голыми мачтами из-за ураганного ветра, который, казалось, дул с северо-северо-запада. Корабль превратился в щепку в водовороте. Воды, пригодной для питья, было всего пятнадцать бочонков. Вся еда закончилась, кроме заплесневелых морских галет. Теперь от цинги умирал по одному матросу в день, а те, кто остался, были так слабы, что у них не было сил управлять кораблем. Матросы были так истощены, что их приходилось таскать взад и вперед к штурвалу, а младшие офицеры ссорились между собой. Команда не осмеливалась поднять паруса, потому что ни у кого на *"Святом Петре"* не хватало физических сил подняться и спустить паруса. [14]

Дождь сменился мокрым снегом. Мокрый снег примерзал к гниющим парусам, к покрытому льдом корпусу, к бледным реям, белым от инея, как призраки. При каждом качке с такелажа на

дрожащих моряков соскальзывала слякоть. Рев прибоя говорил о мелководье моря, но небо было затянуто туманом, и они находились над водами, чьи отмели внезапно обрывались на бездонную глубину в три тысячи морских саженей. Клубы дымящегося пара поднимались с моря, клубы дыма с оттенком пламени поднимались из расщелин наземных вулканов, которые скрывал туман. Из моря донесся хриплый, пронзительный крик морского льва, моржа и мохнатого тюленя. Казалось, что бедные русские попали в какой-то подземный мир. Палубы были скользкими, как стекло, судно покрыто льдом. Надо всем поселился тот невыразимый страх перед надвигающейся катастрофой, который является симптомом цинги и ослабляет борьбу, которая делает человека способным выжить.

Ваксель в одиночку удерживал судно по ветру. Где они были? Почему это плавание вдоль неизвестных северных островов не привело к Камчатке?

Советы больше не были упорядоченными совещаниями ученых над простыми картами. Это был бедлам. Паника была в сердцевине каждого человека, даже страстного Стеллера, который все время, пока они находились на побережье Камчатки, думал и громко жаловался, что экспедиция была введена в заблуждение "недобросовестными руководителями".

В восемь часов утра 30 октября стало видно, что забитые льдом канаты по правому борту оборвались ветром, как сухие палки. Пострадавший экипаж делал подношения, давал обеты, молился. Благочестие стало вполне реальным делом. Мужчины молились вслух и обсуждали способы снискать благосклонность Бога. Более холодная погода принесла одно облегчение. Туман рассеялся, и воздух стал чистым. Ветер сменился на северо-восточный, и 4 ноября, к их невыразимой радости, смутные очертания превратились в твердый, ясный горизонт; и наблюдающая команда постепенно увидела, что прямо по курсу, в шестнадцати милях, без сомнения, стал виден высокий гористый берег. Неужели это Камчатка? Неужели Бог услышал их клятвы? Больные ползали на четвереньках над люком, чтобы еще раз увидеть землю, и со слезящимися глазами благодарили Небеса за спасение от рока. Горе превратилось в радость; грубоватый, счастливый, веселый смех; потому что было извлечено несколько припрятанных бочонков бренди, чтобы отпраздновать окончание их страданий, и каждый мужчина начал указывать на определенные мысы, которые, как ему казалось, он узнал. Но этот экстаз был глупой радостью, рожденной отчаянием. Когда корабль повернул на северо-восток, странность воцарилась в этой сцене; холод сменился добродушием — оцепенелый, безмолвный, невыразимый ужас охватил команду. Эти бурные воды, мчащиеся, как мельница, между рифами, больше походили на канал между двумя островами, чем на открытое побережье. Люди не могли вымолвить ни слова. Они надеялись вопреки всему. Они не осмеливались высказать свои опасения. В ту ночь *"Святой Петр"* отошел от берега на случай шторма. Марсели были свернуты, а ветер разорвал остальные паруса в клочья, которые всю ночь трепетали и уныло бились о снасти. Можно представить себе тревогу той долгой ночи, когда рев прибоя гневным эхом отражался от берега, свист ветра в прогнившем такелаже, скрип досок под грохот, рычание и отскок прилива. Ясное, сияющее солнечным светом, подобным свету первого дня творения, с привкусом озона в воздухе и свежестью сцены, которую никогда прежде не видели человеческие глаза, наступило утро 5 ноября.

Берег представлял собой черную несокрушимую скалу, отвесной стеной поднимавшуюся из моря. Рифы, сомкнутые ряд за рядом, словно часовые, охраняли подход к берегу неровными массами, которые могли оторвать дно от любого киля, как зубья пилы; и над ними

перекачивались ревущие буруны, цепляясь за обратную волну, которая призывала глазающих моряков остерегаться. Птицы, мириады птиц, кричали и кружили над жуткими вершинами утесов-жуковок. Это не было похоже на Камчатку. Эти птицы не были птицами азиатского порта приписки. Эти утесы не были похожи на покрытые снегом горы Авачинской бухты.

Ваксель созвал совет.

Офицеры и матросы потащились в каюту Беринга. Ваксель уже собрал всех, чтобы проголосовать за высадку на зимовку на этих берегах. Этому умирающий Беринг сопротивлялся изо всех сил. "Должно быть, мы почти дома", - сказал он. - У нас еще есть шесть бочонков с водой и *фок-мачта*. Рискнув столь многим, давайте рискнем еще тремя днями, давайте рискнем всем, чтобы добраться до Авачинской бухты". Бедный Беринг! Если бы последовали его совету, самое печальное бедствие северных морей можно было бы предотвратить; ибо они находились менее чем в десяти днях пути от родной гавани; но, вдохновленные глупыми надеждами, порожденными страхом, подобно старым болотным огням, которые раньше заманивали людей в зыбучие пески, Ваксель и Хитрофф действительно убедили себя, что это *есть* Камчатка, и когда один лейтенант Офзин, который хорошо знал север по нанесению на карту арктического побережья, хотел высказаться в пользу точки зрения Беринга, его действительно ударили дубинкой и вышвырнули из каюты. Команда, как мужчина, проголосовала за то, чтобы высадиться и перезимовать на этом побережье. Они и не подозревали, что это голосование было их собственным смертным приговором.

[1] См. *Жизнь Петра Великого*, Орландо Уильямса, 1859; *Петр Великий*, Джона Лотропа Мотли, 1877; *История Петра I*, Джона Моттли, 1740; *Дневник Петра Великого*, 1698; *Пьер ле Гран Вольтера*; *История России и Пьера ле Грана Сегура*.

[2] Кем был этот человек, *Гама*, который, как предполагалось, видел неизвестный континент Гамаленд, никто не знал. Португальцы слепо следовали этому мифу, а другие географы следовали португальцам. Тексейра, придворный географ Португалии, в 1649 году выпустил карту с расплывчатым побережьем, отмеченным на 45 градусах северной широты, со словами "Земля, виденная Джоном де Гамой, индейцем, идущим из Китая в Новую Испанию".

[3] Эти инструкции были переданы петровскому адмиралу графу Апраксину.

[4] Родился в 1681 году, сын Йонаса и Анны Беринг, которых петиция 1719 года описывает как "старых, несчастных, дряхлых людей, никоим образом не способных помочь самим себе".

[5] Он участвовал в черноморских войнах 1711 года; и из капитан-лейтенанта стал капитаном второго ранга к 1717 году, когда русские, завидуя иностранцу, заблокировали его продвижение по службе. Он потребовал повышения по службе или увольнения и уехал в Финляндию, где царская камчатская экспедиция отозвала его из отставки.

[6] Экспедиция покинула Санкт-Петербург 5 февраля.

[7] Мичманом этого рейса был Питер Чаплин, чей дневник хранился в Военно-морском колледже Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. Берг приводит краткое изложение этого журнала. Перевод Далла можно найти в *Приложении 19 "Береговая съемка", Вашингтон, 1890 г.*

[8] Среди ученых-финикологов разгорелся большой спор о том, где на самом деле находился Сердцевинный камень этого путешествия; российские наблюдения сильно различались из-за тумана и грубых инструментов. *Лауридсен* ссорится с *Мюллером* на этот счет. *Мюллер* был одним из теоретиков, чья ошибочность ввела Беринга в заблуждение.

[9] Именно в 1730 году сообщение Гвоздева о странной земле между 65 и 66 градусами стало актуальным. Была ли эта земля Америкой, Гамландией или Азией, ученые знать не могли.

[10] Именно из работ *Гмелина*, *Мюллера* и *Стеллера*, ученых, назначенных сопровождать экспедицию, получены наиболее связные сведения. Кто-то назвал это собрание ученых "зверинцем".

[11] Многие рабочие умерли от лишений на этом этапе путешествия.

[12] Берг говорит, что два сына Беринга, Томас и Унос, также были с ним в Сибири.

[13] *Зауэр* рассказывает об этом инциденте.

[14] См. *Мюллер*, стр. 93, издание 1764 года: "Люди, несмотря на нужду, нищету, болезни, были вынуждены постоянно работать на холоде и в сырости, и болезнь была настолько ужасной, что матросов, управлявших рулем, приходилось приводить к нему другим, которые едва могли ходить. Они не осмеливались нести много парусов, потому что некому было спустить их в случае необходимости, и они были такими тонкими, что сильный ветер разорвал бы их в клочья. Дождь сменился градом и снегом".

ГЛАВА II

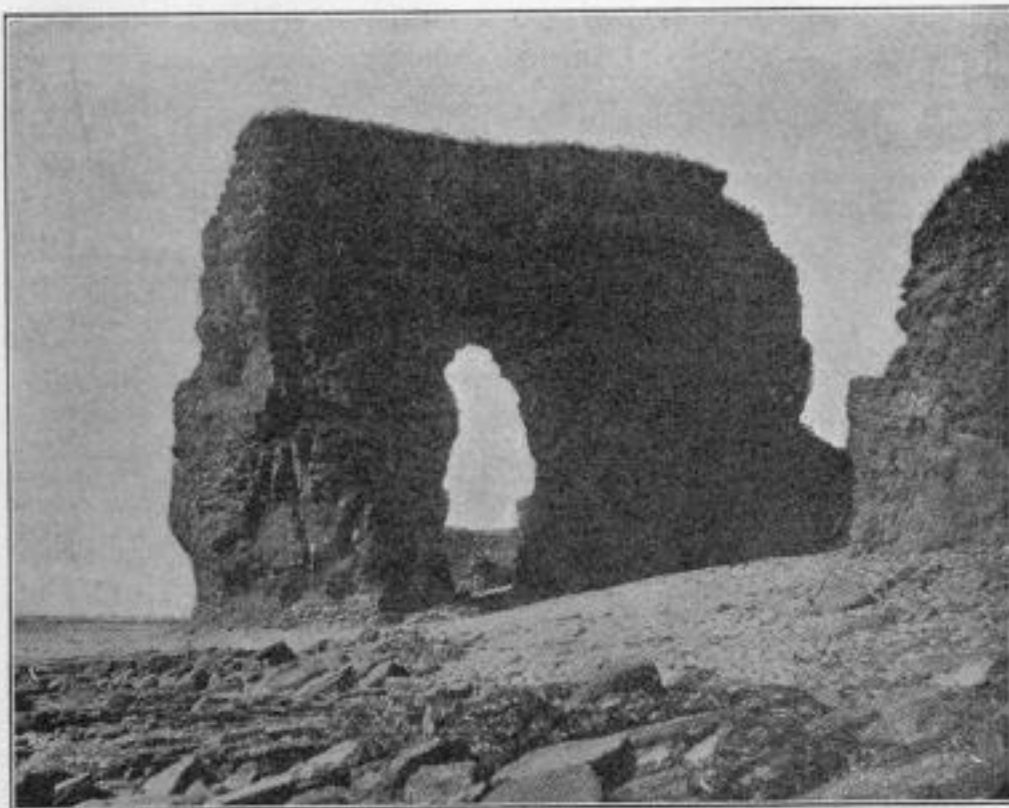
1741-1743

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕРИНГА, ДАТЧАНИНА

Ужасные страдания потерпевших кораблекрушение на Командорских островах — Судно разбито во время зимнего шторма, больных утаскивают в поисках убежища в песчаные ямы — Здесь Беринг погибает, а экипаж зимует — Корабль — консорт под командованием Чирикова попал в засаду — Как потерпевшие кораблекрушение добиваются домой

Без лоцмана или капитана "*Святой Петр*" дрейфовал по бурному морскому течению вдоль высокого, скалистого, неприступного побережья, где скалистые обрывы отвесно возвышались на две тысячи футов над белой грядой рифов, что придавало океану вид вспаханного поля. Больные безмолвно поползли обратно к своим койкам. Берингу было все равно, что будет дальше, и он находился в полубессознательном состоянии. Ваксель, который вынудил экипаж проголосовать за посадку здесь под впечатлением, порожденным его собственным отчаянием, — что это побережье Авачинской губы, Камчатка, — с ужасом увидел в берегах, проплывающих мимо кия, кратковременные доказательства того, что он ошибался. Бедняга Ваксель отчаянно боролся с депрессией, которая предшествует цинге; но теперь, когда на корабле воцарилась немая безнадежность, невидимая рука бича коснулась и его. Он спустился под палубу совершенно опустошенный.

Все еще державшиеся на ногах младшие офицеры, чьи ложные теории привели Беринга ко всей этой катастрофе, теперь яростно ссорились между собой, обвиняя друг друга. Только Офзин, лейтенант, который выступал против высадки, и Стеллер, ученый, оставались на чеку, насторожившись в ожидании неминуемого разрушения, исходящего от белого волнения бесконечных рифов. Скалы дикими, зазубренными массами поднимались из моря. Глубокие V-образные ущелья, казавшиеся темными в восходящем лунном свете, казалось, уходили в скалистую стену побережья, и только там, где из одного из этих ущелий вытекала река, виднелся какой-то просвет в длинной линии рифов, где прибой грохотал подобно грому. Побережье, казалось, тянулось с северо-запада на юго-восток и могло иметь длину от тридцати до пятидесяти миль, со странными причудливыми скальными арками, нависающими над бесконечными полями водорослей. Земля была абсолютно безлесной, за исключением ивовых зарослей размером с палец человека. Лишайники, мох, сфагнум покрывали камни. Внутри страны не было ничего, кроме вздымающихся зарослей осоки, гальки и травы.

Steller's Arch on Bering Island, named after the scientist Steller, of Bering's Expedition.

[Иллюстрация: Арка Стеллера на острове Беринга, названная в честь ученого Стеллера из экспедиции Беринга.]

Внезапно Стеллер заметил, что отлив вызывает огромные гребные валы, которые могут разбить корабль о скалы. Бросившись на нижнюю палубу, он попросил у Беринга разрешения поднять шум и встать на якорь. Ранняя темнота в этих северных широтах сменилась лунным светом, ярким как день. В миле от восточного берега Стеллер приказал бросить якорь, но к этому времени катки обрушились на палубу с таким грохотом, что, казалось, корабль разорвало на части. Больных вышвыривали из их коек. Офицеры выбежали на палубу, и их сбили с ног потоки соленых брызг, а прямо впереди, в лунном свете, виднелся острый край длинного рифа, по которому с приливом пробегали волны водоворота. Есть что-то невыразимо устрашающее даже с точки зрения безопасности в этих пляжных бродягах, жадно хватающихся своими длинными руками за добычу. Неразбериха приказов и контрзаклучений, которые ни у кого не было сил выполнить, криков ужаса, молитв и клятв — была неопишущей. Оцепенелая безнадежность сменилась чистым паническим ужасом. Офзин выбросил второй якорь, который задел дно. Затем по кораблю с грохотом прокатился еще один горный каток — и первый трос лопнул, как пистолетный выстрел. Корабль подпрыгнул; затем понесся навстречу волнам разгневанного моря. Поскольку впереди была только стена скал, охваченная ужасом команда начала сбрасывать мертвых за борт при лунном свете; но еще одна ревущая волна ударила *"Святого Петра"* прямо в борт. Второй трос рванулся назад со свистящим отскоком хлыста, и Офзин как раз собирался бросить третий и последний якорь, когда прямой, как пуля, словно одержимый северными демонами страха моряков, швырнул *"Святого Петра"* на риф! В третий раз гребни

пляжа обрушились вниз, как падающая гора. Когда грохочущая пелена слепящих брызг рассеялась и охваченные паникой моряки снова смогли видеть, "*Святой Петр*", шатаясь, шел кормой вперед, к берегу, как пьяный корабль. Быстро, как выстрел, Офзин и Стеллер вдвоем подняли последний якорь. Плавники ухватились — выгребли — затем поймали - и удержались.

Корабль стоял, покачиваясь, внутри рифа в самом центре защищенной бухты, менее чем в шестистах ярдах от берега. Прибой либо унес ее через брешь в рифе, либо выбросил высоко над рифами в укрытие.

В течение семи часов корабль боролся с приливом и против течения. Теперь, в полночь, когда воздух был ясен как день, Стеллер приказал спустить маленькую лодку и вместе с другим человеком — одни говорят, Вакселем, другие — Пленесером, художником или Офзином из арктической экспедиции - поплыл на разведку к берегу. Где-то между вечером 5 ноября и утром 6 ноября их глазам предстало такое зрелище, свидетелем которого мог бы стать Александр Селькирк или Робинзон Крузо. Точная посадка произошла в четырех или пяти милях к северу от того, что сейчас известно как мыс Хитрофф, ниже центра восточного побережья острова Беринга. [1] Бедняга Ваксель хотел бы знать, что они были на побережье Камчатки и говорили о том, чтобы послать гонцов за помощью в Петропавловск в Авачинской губе; но, как им вскоре предстояло узнать, ближайшая точка на Камчатке находилась в ста милях по морю. До Авачинской бухты было двести миль. А до испанских владений в Америке - три тысячи. Место высадки буквально кишело животным миром, неизвестным миру прежде. Огромное млекопитающее, весом более трех тонн, с задними конечностями, как у кита, мордой и передними плавниками, напоминающими коровьи, паслось стадами на полях морских водорослей и лениво, без страха смотрело на пришельца—Человека. Это была знаменитая морская корова, описанная восторженным Стеллером, но давно вымершая. Голубые лисицы вились у самых ног мужчин с такой голодной отвагой, что полдюжины можно было забить дубинками до смерти, прежде чем остальные разбежались. Позже Стеллеру предстояло увидеть лежбища тюленей, которым суждено было принести столько богатства миру, морских львов, которые рычали на скалах так, что сотрясаясь прибоем, морскую выдру, чья редкая шкура, более бесценная, чем бобр или соболь, стала причиной исследования и опустошения северной половины тихоокеанского побережья.

Земля была такой, какой показалась кораблю, — совершенно безлесной, если не считать раскидистых ив. Ручьи еще не замерзли, и снег едва припорошил горы; но там, где бухты уходили от моря вглубь между горами, были овраги или канавы с песком и осокой. Когда Стеллер вскоре обнаружил разбитую оконную раму Камчатки, наполовину занесенную песком, это вселило в Вакселя некоторую уверенность в том, что он находится на материковой части Азии; но прежде чем Стеллер закончил свою двухдневную разведку, стало ясно, что это остров, в лучшем случае бесплодный, без деревьев и укрытий; и здесь потерпевшим кораблекрушение предстоит зимовать.

Единственной провизией, которая теперь оставалась у команды, были жир и заплесневелая мука. Стеллер немедленно приступил к работе. Выкопав ямы в узких песчаных оврагах, он прикрыл их плавником, гнилой парусиной, мхом, грязью и лисьими шкурами. Затем трещины были заделаны глиной и большим количеством лисьих шкур. К 8 ноября он был готов высадить команду; но корабль беспомощно, как бревно, качало приливом, и нескольким здоровым людям из штаба, без различия офицеров и матросов, пришлось стоять по пояс в ледяной жиже,

чтобы закрепить носилки, сделанные из мачтовых жердей и парусины, на которые опускали больных на палубу. Многие из больных цингой не покидали своих коек в течение шести недель. За ужасающей депрессией и слабостью, которые предупреждают о цинге, последовали боли, распухшие конечности, синие пятна, предвещающие смерть. Губчатые наросты покрывали десны. Зубы расшатывались. Малейшего шума было достаточно, чтобы повергнуть пациента в пароксизм мучительного испуга; а некоторые умирали на палубах сразу же после контакта с пронизывающе холодным воздухом. Другие умирали, когда их опускали на носилки; другие - когда их укладывали вдоль полосы песчаного берега, где смелые лисы уже пожирали мертвых и умирающие едва могли отогнать их. Таким образом, за неделю высадки погибли девять членов экипажа *"Святого Петра"*.

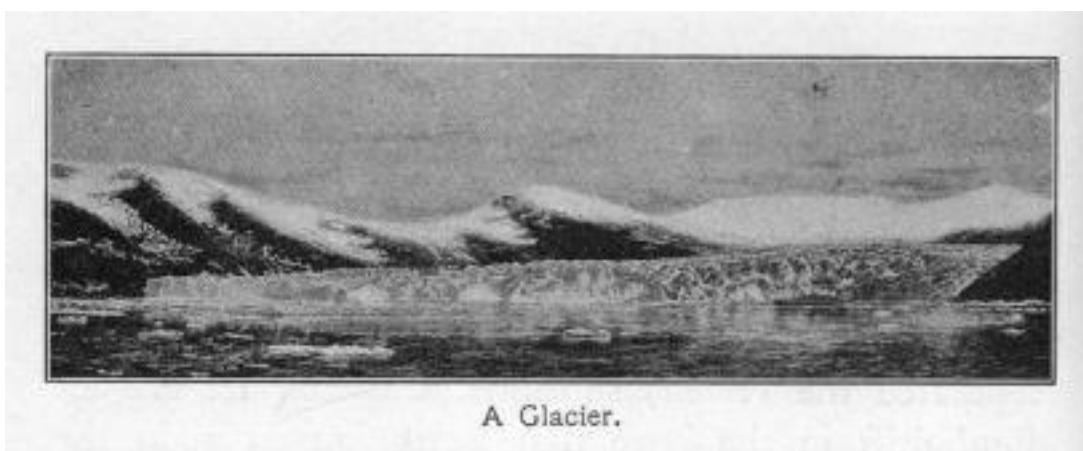
К 10 ноября все было готово к снятию Беринга с корабля. По мере приближения конца его раздражительность сменилась сдержанной жизнерадостностью, и было слышно, как он бормочет благодарности Богу за большой успех его ранней жизни. Завернутого в меха, привязанного к носилкам датчанина спустили с корабля, вынесли на берег и положили в песчаную яму. Весь тот день было пасмурно и свинцово, и как раз в тот момент, когда несли Беринга, пошел сильный снег. Стеллер занял песчаную яму рядом с командиром и, помимо выполнения функций повара и врача для всего экипажа, стал преданным помощником Беринга.

К 13 ноября длинный песчаный карьер был покрыт чем-то вроде госпиталя с ковровым покрытием, и Стеллер приказал перенести сюда пострадавших моряков с берега. Бедняга Ваксель, который так храбро сражался, сам был вынесен на берег 21 ноября.

Ежедневно офицеры отправлялись на разведку в глубь страны; и ежедневно различные разведывательные группы возвращались с известием, что не было обнаружено ни следов человеческого жилья, ни леса, ни пути на Камчатку. К востоку находился еще один остров, ныне известный как Коппер—Айленд, и два маленьких скалистых островка; но за ними с самых высоких гор не было видно ничего, кроме моря—моря. Сам остров Беринга имеет около пятидесяти миль в длину и десяти в ширину, очень высок на юге, очень заболочен на севере; но Командующая группа так же полностью отрезана как от Азии, так и от Америки, как если бы находилась в другом мире. Климат был не очень холодным, но было так сыро, что даже одежда гнила, а штормы были такими ужасными, что люди могли покидать глинобитные хижины или *юрты*, только ползая на четвереньках; и в течение первых трех недель после высадки на острова обрушивались порывы северного урагана.

Бедное старое судно изо всех сил держалось на якоре во время жестоких штормов; но 28 ноября было замечено, как у него оборвался трос и он, пьяный, пошатываясь, вышел в открытое море. Ужас потерпевших кораблекрушение при виде этого зрелища был неопишем. Их единственный шанс спастись весной, казалось, был упущен; но прибрежные волны начали катиться к берегу сквозь завывающий шторм; и когда в следующий раз зрители увидели, что *"Святой Петр"* неся на берег, как ураганный корабль, и мчался со всей силы, погружившись носом на девять футов в песок на расстоянии пистолетного выстрела от команды. Следующий выступ берега не смог сдвинуть ее с места. Ветер и прилив вынесли ее высоко на сушу, прочно увязнув в песке.

Но что стало с Чириковым на борту "*Святого Павла*" с 20 июня, когда суда разлучил шторм? Было бы Берингу легче, если бы он знал, что корабль-консорт все это время двигался зигзагами менее чем в неделю плавания от "*Святого Петра*"? Когда шторм, разделивший суда, утих, Чириков пустил "*Святого Павла*" дрейфовать в надежде, что Беринг увидит пропавшее судно. Затем он взял курс на юго-восток до 48 градусов широты в поисках командира; но 23 июня совет офицеров решил, что продолжать поиски - пустая трата времени, и приказал судну взять курс на северо-восток. Ветер был слабый, вода прозрачная, и Чириков знал по птицам-лоцманам, следовавшим за судном, по проплывавшим мимо затопленным деревьям, по барахтающимся в море стадам тюленей, что земля должна находиться в этом направлении. В течение первых двух недель июля велась яркая смотровая площадка. Было пройдено двести сорок миль, и тихой, ясной ночью с 13 на 15 июля над горизонтом замаячили темные вершины поросшей лесом гористой местности на 55 градусах 21 минуте широты. Чириков находился на архипелаге Александра. Рассвет наступил, когда "*Святой Павел*" находился всего в четырех милях от заметных высот мыса Аддингтон. Чириков открыл землю примерно за тридцать шесть часов до Беринга. Новый мир гор и лесов вызвал у русских самый дикий энтузиазм. Была спущена небольшая шлюпка, но она не смогла пристать к берегу. Поднялся легкий ветер, и судно встало на ночь под укороченными парусами. К утру ветер усилился, и туман размыл все очертания новообретенной земли. Здесь океанские течения устремлялись на север; и к утру 17-го, когда солнце пронзило промытый воздух и горы снова начали проступать сквозь рваные разрывы облаков, Чириков оказался у входа в большую бухту, поросшую лесом до самой кромки воды, под высоким конусом того, что сейчас известно как гора Эджкамб, в проливе Ситка. Ситка-Саунд представляет собой углубление примерно в пятнадцати милях с севера на юг, с такой глубиной воды, что здесь нет якорной стоянки, кроме как к югу и юго-западу от горы Эджкамб. Непроходимые леса тянулись от гор до самого берега. Огромные стволы вырванных с корнем деревьев то и дело проносились мимо корабля. Даже когда облака рассеялись, оставив видимыми обширные леса, горные потоки и заснеженные вершины, туманная пленка неосозаемого мрака, казалось, опустилась над тенистой гаванью. [2]

[Иллюстрация: Ледник]

Чириков хотел наполнить свои бочки водой. Кроме того, он был полон решимости сделать то, за что ученые проклинали Беринга за то, что он не сделал у острова Святого Ильи, — тщательно исследовать недавно найденную землю. Баркас был спущен на воду вместе с Абрахамом

Дементьевым и десятью вооруженными людьми. Команда была снабжена мушкетами, медной пушкой и провизией на несколько дней. Чириков договорился с людьми о простом кодовом сигнале — возможно, столбе дыма или солнечном свете, отражаемом жестяным зеркалом, — по которому он мог узнать, все ли прошло хорошо. Затем с радостными возгласами первые русские, ступившие на землю Америки, взялись за весла и быстро поплыли прочь от *Святого Павла* в тень поросших лесом гор, отделявших внутренний берег. Баркас казался все меньше по мере того, как увеличивалось расстояние от *Святого Павла*. Затем люди и лодка исчезли за полоской суши. Вспышка отраженного света от скрытого берега, и Чириков понял, что маленькая группа исследователей благополучно высадилась на берег. Остальная команда приступила к работе по приведению в порядок "*Святого Павла*". День прошел под новые сигналы безопасности с берега. Команда "*Святого Павла*" крепко спала посреди гавани, не подозревая об опасности. Прошел еще один день и еще одна ночь. Не так уж много сигналов! Может быть, маленькая группа русских ушла далеко вглубь материка за водой, а сигналы были скрыты лесным мраком? Ветер гудел в снастях, угрожая штормом, направленным к суше, который мог отнести "*Святого Павла*" несколько ближе к этим скалистым берегам, чем русским хотелось бы. Чириков послал матроса шпионить с наблюдательного пункта на самой высокой реке. Никаких сигналов вообще ни в этот день, ни на следующий день, ни еще через день! На "*Святом Поле*" была еще только одна маленькая лодка. Опасаясь, что карусель потерпела крушение среди камней и встречных течений, Чириков приказал Сидору Савельеву, боцману, и шести вооруженным матросам, включая плотников, устранить повреждения, взять оставшуюся лодку и отправиться на помощь Дементьеву. Был отдан строжайший приказ, чтобы обе лодки возвращались немедленно. Едва вторая лодка обогнула изгиб берега, где исчезла первая, как из-за верхушек деревьев на скрытом берегу вырвался огромный столб дыма. К изумлению Чирикова, вторая команда не подала никакого сигнала. Ночь прошла беспокойно. Матросы несли вахту. Корабельный такелаж был приведен в порядок. Рассвет был засвидетельствован жадными взглядами, устремленными в сторону берега. Невыразимым было облегчение, когда две лодки — длинная и короткая, похожие на те, которыми пользовались две команды, — были замечены огибающими участок суши. Дувший с суши бриз теперь натягивал тросы *Собора Святого Павла*. Радуюсь возможности выйти в открытое море, чтобы пережить надвигающийся шторм, Чириков приказал всему экипажу выйти на палубу и поднять якоря. Маленькие лодки, подпрыгивая на океанской зыби, приближались; но внезапно один из русских Чирикова указал на приближающиеся суда. Грохот якорных цепей прервался. В покачивании маленьких лодок тоже наступила пауза. Это были не русские карусели. Это были каноэ; и каноэ были полны дикарей, таких же немых от изумления при виде *Святого Павла*, какими были русские при виде каноэ. Прежде чем русские опомнились или Чириков успел показать подарки, чтобы привлечь дикарей, находившихся на борту в качестве заложников, индейцы поднялись со своих мест, издали боевой клич, от которого эхом отдались скалы, и, стуча веслами по вантам, поспешили к берегу. Постепенно смысл происходящего дошел до Чирикова. Две его команды были уничтожены. Его маленькие лодки были потеряны. Его запасы пресной воды были на исходе. Пожар, который он наблюдал, был пожаром оргий над изуверченными людьми. "*Святой Павел*" находился на враждебном берегу, дул такой шторм, что грозил разрушением скал. Ничего не оставалось, как устремиться в открытое море. Когда шторм утих, Чириков вернулся в Ситку и обошел берег в поисках каких-либо признаков присутствия моряков, но никаких следов пропавших людей обнаружить не удалось. К этому времени воды было так мало, что матросы отжимали дождевую влагу из парусов и перегоняли морскую воду. Был созван совет. Все согласились, что было бы хуже, чем безрассудство,

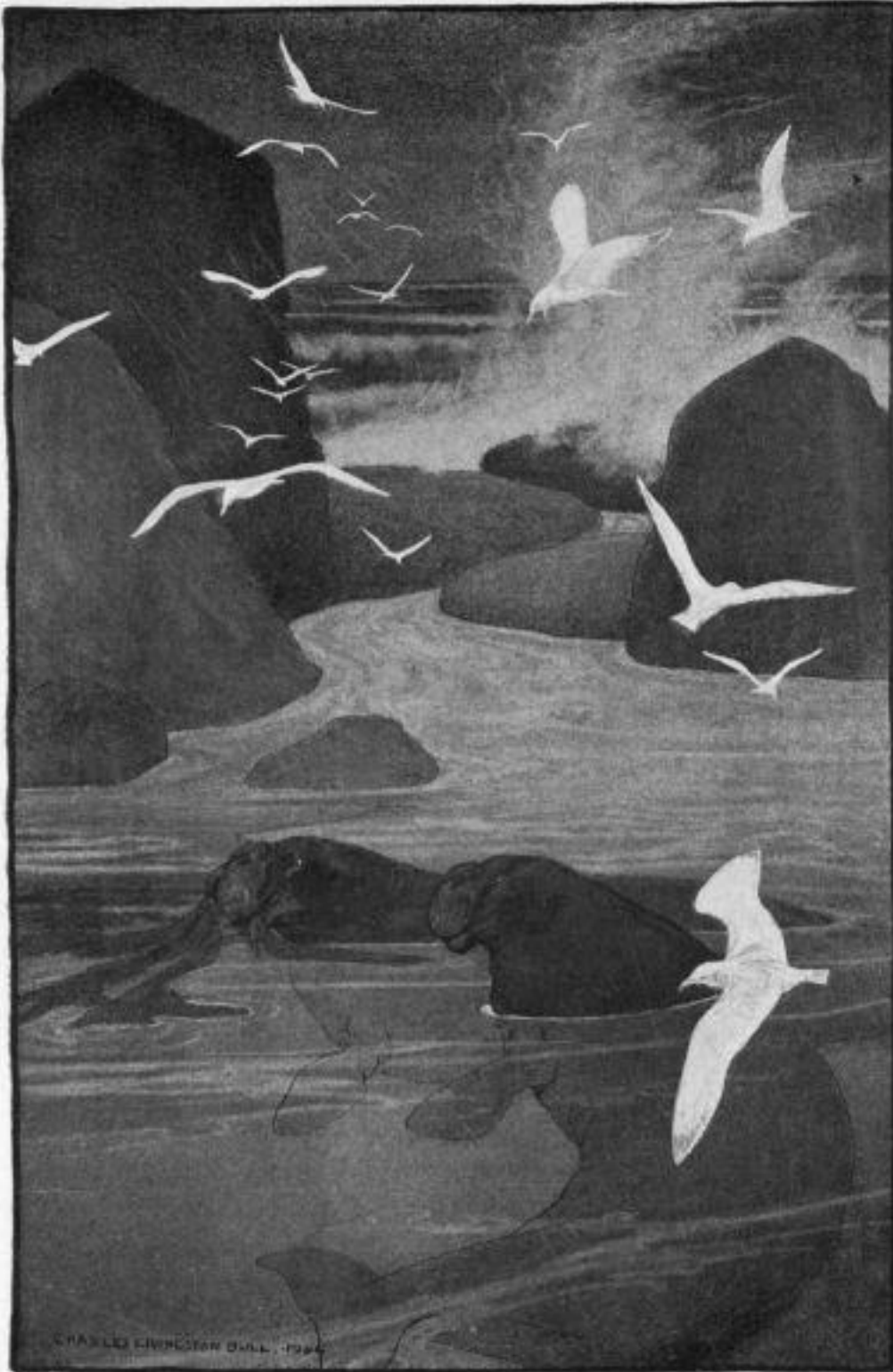
рисковать всей командой ради двенадцати человек, которые, вероятно, уже были мертвы. Не было ни одной маленькой лодки, на которую можно было бы пристать, чтобы набрать побольше воды, и "*Святой Павел*" со всей скоростью направлялся на северо-запад. [3]

Косой дождь опустился над морем. Ветер усилился и стал еще яростнее. "*Святой Павел*" мчался вперед, словно призрак, преследуемый в царстве тумана. Ближе к концу июля, когда погода прояснилась, на северо-западном горизонте показались огромные горы, покрытые снегом, похожие на ледяные стены, основание которых омывается бушующим морем. Тысячи водопадов, прозрачных, как хрусталь, сверкали на склонах гор; местами скалистая стена отвесно возвышалась на две тысячи футов над ревущим приливом. Сквозь туман можно было видеть удаляющиеся вглубь материка заливы, мрачные, с поросшими лесом горными стенами, где стремительные потоки, отягощенные молочно-белым илом бесчисленных ледников, пробивали себе путь сквозь скалы к морю. Затем над морем снова установилась плохая погода, и к первой неделе августа из-за сильных ветров и беспокойного моря "*Сент-Пол*" повернул на юго-запад, туда, где Аляска длинным рукавом вдается в Тихий океан. Чириков миновал границу, где леса уступают место ивам, ивы - осоке, а осока - бесконечным лигам холмистой тундры. Где-то недалеко от Кадьяка снова показалась земля. Когда туман рассеялся, стали видны испарения далеких вулканов, зловеще нависающие над горными вершинами.

За ветром последовал мертвый штиль, когда паруса буквально разваливались на куски от дождевой гнили в тумане; а вечером 8 сентября находившуюся в штиле команду внезапно разбудил грохот прибоя. Бросив все якоря сразу, Чириков с трудом закрепился на каменистом дне. Утром, когда туман рассеялся, он оказался в центре неглубокой бухты, окруженной высокими скалами того, что сейчас известно как остров Адах. Ожидая попутного ветра, он увидел, как семь каноэ с дикарями отчалили от берега, распевая какие-то заклинания. Русские разбрасывали подарки, но дикари не обращали на это внимания, постепенно окружая *Святого Павла*. Все это время у Чирикова не было воды, кроме застоявшихся бочонков, привезенных с Камчатки, и теперь он сообщил индейцам о своей отчаянной нужде. Они ответили тем, что принесли пузыри, полные пресной воды; но они отказались подниматься на палубы. И к вечеру четырнадцать каноэ с молчаливыми дикарями угрожающе кружили вокруг русских. К счастью, с наступлением темноты поднялся ветер. Чириков сразу же снялся с якоря и вышел в море.

К третьей неделе августа рацион ржаной муки был сокращен до одного раза в день вместо двух, чтобы экономить воду. Оставалось всего двенадцать бочонков воды, а Чириков находился в полутора тысячах миль от Камчатки. Холод, голод, жажда - вот и все остальное. Сам Чириков заболел цингой к середине сентября, и один матрос умер от плети. Начиная с 26-го числа, по одной смерти в день. Несмотря на поражение, Чириков не был избит. Дисциплина среди голодной команды поддерживалась; и каждый день Чириков отдавал точные приказы. Без каких-либо попыток управлять кораблем корабль дрейфовал на запад. Команда больше не видела земли, но 2 октября, когда погода прояснилась, было сделано наблюдение за солнцем, которое показало, что они приближаются к Камчатке. 8-го числа была замечена земля; но только у одного человека, лоцмана Елагина, хватило сил оставаться за штурвалом до подхода к Авачинской бухте, когда из корабельной пушки были поданы сигналы бедствия, чтобы вызвать помощь с суши. Бедный Круайер де л'Иль, родственник картографов, чьи ошибки привели к катастрофе, смертельно больной цингой, поддерживал жизнь спиртным и теперь настаивал на том, чтобы его перенесли на берег. Первого глотка чистого воздуха над палубами было достаточно. Ученый упал замертво в родной гавани. Чириков был высажен на берег в тот же

день, не подозревая, что временами в тумане и дожде он оказывался на расстоянии от пятнадцати до сорока миль от бедняги Беринга, пересекая зигзагами тот самый след, по которому шел потерпевший бедствие корабль-побратим.

Sea Cows.

[Иллюстрация: Морские коровы.]

К декабрю вся команда "потерпевших кораблекрушение" Беринга, заключенных на окруженных морем островах Северной части Тихого океана, была размещена в пяти подземных хижинах на берегу ручья. В 1885 году, когда эти глинобитные хижины или *юрты* были обследованы, было обнаружено, что их стены сделаны из торфа толщиной в три фута. Каждому мужчине было выдано по фунту муки. В остальном их пищей должно быть то, что они поймали или забили дубинками — поначалу в основном морскую выдру, мясо которой было неприятным на вкус и жестким, как кожа. Позже Стеллер обнаружил, что огромная морская корова, часто достигающая тридцати пяти футов в длину, которую видели пасущейся на полях морских водорослей во время отлива, давала пищу почти того же качества, что и сухопутная корова. Миниатюрными лесами на острове росли морские водоросли; и на этих пастбищах обитало морское чудовище — крупный рогатый скот - настоящая рыба задними конечностями, но головой и повадками похожий на быка: они паслись вместе, как скот, фыркали, как лошади, поводили шеей из стороны в сторону, когда паслись, задняя нога была плавником, передний плавник — ногой, вымя между передними ногами, а вместо зубов - пластины. Девятьсот или более морских выдр— шкурки которых впоследствии принесли команде целое состояние, были убиты Стеллером и его товарищами для пропитания; но две морские коровы обеспечивали потерпевших кораблекрушение пищей на шесть недель. 22 ноября умер старый помощник капитана, пятьдесят лет плававший в северных морях. В общей сложности из экипажа в семьдесят семь человек к 6 января 1742 года, когда произошла последняя смерть, погиб тридцать один человек.

Хижина Стеллера находилась рядом с хижинкой Беринга. С того ноябрьского дня, когда его несли с корабля по снегу в песчаную яму, командир тонул, не поднимаясь. Лисьи шкуры были расстелены на земле в качестве постели, но песок отсыпался от стенок ямы и продолжал сыпаться на умирающего. Ближе к концу он попросил Стеллера оставить песок в покое, так как тот сохранял тепло, так что вскоре он был покрыт песком по пояс. Белые волны и серое небо последовали за ураганным ветром, который выбросил корабль на берег. Всю ночь с вечера 7-го до утра 8 декабря сквозь изодранный такелаж потерпевшего крушение корабля были слышны завывания южного ветра; и всю ночь умирающий датчанин общался со своим Богом. Теперь ему было за шестьдесят. К конституции, уже подорванной восьмилетними изматывающими заботами и неопишуемыми лишениями, цингой и переохлаждением, добавилось острое воспаление. Мощь сопротивления Беринга была подорвана. За два часа до рассвета 8 декабря 1741 года храбрый датчанин испустил последний вздох. Он был похоронен 9 декабря между могилами помощника капитана и стюарда на склоне холма; и бородатые русские спустились в тот день из свежевырытой могилы, согбенные и безнадежные. Над его могилой был установлен простой греческий крест, и копия этого креста стоит на той же могиле и сегодня.

Возникает вопрос — какое место занимает Беринг среди мировых героев? Мир любит успех больше, чем поражение; а впечатляющий успех лучше, чем четко выполненный долг. Если успех означает выполнение того, что человек намеревается сделать, несмотря на почти непреодолимые трудности, то Беринг добился успеха. Он намеревался открыть северо-западное побережье Америки; и он погиб, выполняя это. Но если героизм означает нечто

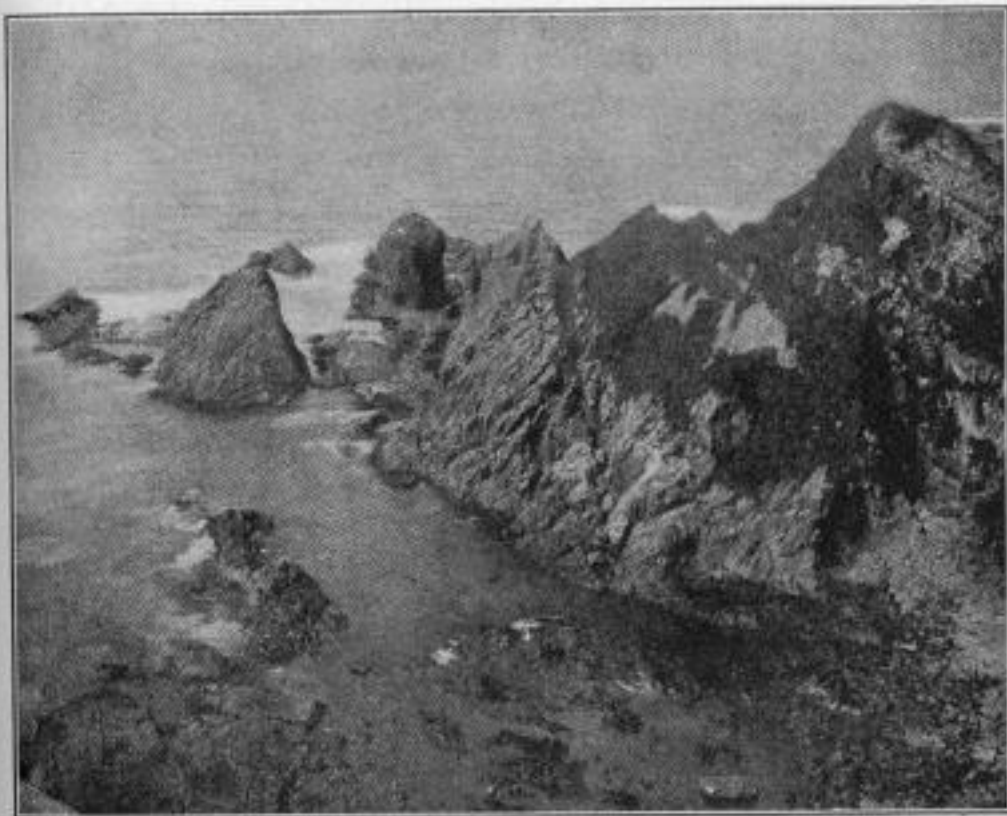
большее, чем осязаемый успех; если это означает божественное качество борьбы за истину, независимо от награды, независимо от того, будет ли человек побежден или нет; если это означает поставить перед собой задачу погибнуть за истину без малейшей надежды установить эту истину — тогда Беринг действительно занимает очень высокое место среди героев мира. Стеллер, который проклял его за то, что он не остался дольше на горе Святого Ильи, стал высшим свидетельством его честности и достоинства. Можно сказать, что более сильный тип героя превратил бы в ничто вампиров-недоумков, которые ввели корабль в заблуждение; но следует помнить, что более сильные типы героев обычно спасают свои шкуры и позволяют страдать подчиненным. Хотя Беринг мог предотвратить катастрофу, постигшую экспедицию, не следует забывать, что с его гибелью погибла сама душа великого предприятия, которое сразу же развалилось на куски.

Чего достиг Беринг на чисто материальном плане?

Он навсегда развеял миф о Северо-Восточном проходе, если бы мир согласился с его выводами. Побережье Японии было нанесено на карту под его руководством. Под его руководством было нанесено на карту арктическое побережье Азии. Им была открыта страна размером от штата Мэн до Флориды или от Балтимора до Техаса, с рекой, сравнимой только с Миссисипи. Меха этой страны за один год с лихвой окупили все, что Россия потратила на их открытие; все, что Соединенные Штаты позже заплатили за это России.

Выброшенный на берег мертвый кит оказался находкой для слабых и голодающих потерпевших кораблекрушение. По мере того как их тела крепили, начал возвращаться дух веселья, который украшает самые темные тучи жизни, и "кит" стал в шутку известен среди русских как "наш склад провизии".

Затем группы охотников начали выходить на морскую выдру, которая прятала голову во время шторма под водорослями морских полей. Стеллер знал, что китайцы заплатили бы от ста до ста пятидесяти долларов в пересчете на современные деньги за каждую шкурку морской выдры; и от девятисот до одной тысячи было взято потерпевшей крушение командой. Такая же кожа высшего качества сегодня продается на лондонском аукционе за тысячу долларов. А весной, когда исчезла морская выдра, к берегам Командорских островов пришли стада - миллионы за миллионами — другого гостя — морского котика, который принес команде новую охоту и новое богатство миру.

Seals in a Rookery on Bering Island.

[Иллюстрация: тюлени на лежбище на острове Беринга.]

Теперь страшная опасность исходила не от голода, а от мятежа, убийства или резни среди заклеянных преступников недовольной команды. Ваксель, когда пришел в себя, побоялся вызвать бунт приказами и созвал команду голосованием, чтобы определить, что должно быть сделано. Офицеры и матросы — различий не было. К марту 1742 года земля очистилась от снега. Ваксель созвал собрание, чтобы предложить разобрать пакетбот для постройки судна меньшего размера. Было предложено проголосовать. Резолюция была объявлена, составлена и подписана каждым выжившим, но позже, когда офицеры и матросы поставили перед собой почти невыполнимую задачу - распаковать корабль без железных приспособлений, среди рабочих вспыхнуло восстание. И снова Ваксель избежал мятежа. Было созвано собрание, проведено еще одно голосование, непокорные были пристыжены. Команде не хватало ничего, кроме инструментов. Не было корабельного плотника. Наконец, казак, который впоследствии был произведен в дворяне за свою работу, согласился руководить строительством, и 6 мая судно длиной сорок футов, шириной тринадцать и глубиной шесть было спущено на стапель. Весь июнь грохот обшивки продолжался до тех пор, пока мачта не подняла реи, и восьмивесельный одноместник, подобный тем, которыми пользовались викинги Северного моря в старину, не пошел полным ходом.

Трудности такого судостроения вряд ли могут быть осознаны. Не было дерева, кроме дерева старого корабля, не было такелажа, кроме старой пеньки, не было смолы, кроме такой, которую можно было выплавить из старой пеньки в земляных ямах; и очень мало топоров. Верхняя часть

была промазана жиром морской коровы, нижняя - дегтем из старого корпуса. Мужчины также соорудили вторую маленькую лодку или каноэ.

10 августа под такие радостные возгласы, каких остров никогда не слышал ни до, ни после, одноместное судно было спущено со стапелей и названо "*Святой Петр*". Пушечные ядра и патроны были брошены на дно в качестве балласта. К счастью, на обратный рейс было припасено восемьсот фунтов муки, и Стеллер засолил стейки из китового мяса и морской коровы. Вечером 16 августа, после торжественной молитвы и богослужений, бросив последний взгляд на одинокие кресты на склоне холма, где лежали мертвые, потерпевшие кораблекрушение поднялись на борт. С севера дул резкий бриз. Подняв парус, они заскользили в открытое море. Старая прогулочная лодка покачивалась позади на буксире. Поздно ночью, когда ветер стих, нетерпеливые моряки взялись за весла. К полудню следующего дня они обогнули юго-восточную оконечность острова. Два дня спустя из-за плохой погоды старая каруселька так сильно ударилась носом о корму "*Святого Петра*", что трос пришлось перерезать, и маленькую лодку пустили по течению. В ту ночь бедные, смазанные жиром доски так сильно протекли, что насосы и ведра работали на износ, а весь балласт был выброшен за борт. Где-то 25-го числа над серебряным краем, где сходятся море и небо, засиял опаловый купол далеких гор Камчатки!

Бородачи больше не могли сдерживаться. Крик за криком оглашал весь зал. Слезы текли по грубым, невымытым лицам. Казаки плакали, как дети. Мужчины наперебой хватались за весла и гребли как сумасшедшие. Скачущий—поднимающийся—оппадающий -мчащийся по морям к берегам Камчатки прилив никогда не был таким безумным и стремительным, как тамошнее сумасшедшее судно, несущееся вперед по волнам. И когда 27 августа они увидели домашнюю гавань Петропавловска, Авачинскую бухту, ликованию не было предела. Матросы стреляли из ружей, били веслами по перилам палубы, кричали—кричали —кричали, пока горы не огласились эхом, и каждая живая душа Авачи бросилась к берегу, едва веря своим глазам — что потерпевшие кораблекрушение с корабля Беринга вернулись. Тогда вполне можно поверить, что монахи зазвонили в колокола часовни, а из Авачинской бухты раздался приветственный грохот пушек.

Чириков в мае отплыл в поисках Беринга, пройдя недалеко от острова, где потерпевшие кораблекрушение были пленниками моря, но Командорских островов он не увидел; и всякая надежда на какие-либо известия о*Святом Петре* была потеряна. Ваксель зимовал в том году в Авачинской бухте, пересекая материк весной 1743 года. В сентябре того же года императорский указ положил конец Северной экспедиции, и Ваксель отправился через Сибирь, чтобы доставить команду обратно в Санкт-Петербург. Бедняга Стеллер умер по дороге от переохлаждения.

Так закончилось величайшее морское исследование, известное миру. Рядом с ним другие экспедиции по исследованию Америки меркнут до незначительности. Ла Саль и Ла Верендри поднялись по реке Святого Лаврентия, пересекли внутренние равнины, сплавились по могучему течению великих внутренних рек; но Ла Саль остановился в устье Миссисипи, а Ла Верендри был остановлен барьером Скалистых гор. Льюис и Кларк достигли еще большего. Поднявшись по Миссури и пересекши равнины, они пересекли Скалистые горы; но их остановили в Тихом океане. Когда Беринг пересек реки и горы двух континентов — сначала Европы, затем Азии — и достиг Тихого океана, его экспедиция *только началась*. От того, чего он достиг, России мало что

осталось, кроме группы скалистых островков, где он погиб. Но если судить по трудностям, которые он преодолел; по безнадежно невыполнимым обязанностям, выполняемым просто и упорно, по героической смерти при поражении — экспедиции Беринга в северо-западную Америку нет равных в анналах открытия Нового Света. [4]

[1] Я разделяю мнение доктора Стейнегера из Национального музея в Вашингтоне по этому вопросу, поскольку он лично исследовал каждый фут земли.

[2] Доктор Джордж Дэвидсон, президент Тихоокеанского географического общества, написал неопровержимую брошюру о том, почему остров Киак и пролив Ситка должны быть приняты за места высадки Беринга и Чирикова.

[3] Таким образом, ужасной резне в Ситкане, произошедшей позже, предшествовала резня первых русских, добравшихся до Америки. Позднее российское правительство выдвинуло комичные претензии на большую территорию на том основании, что потомки этих исчезнувших русских основали поселения дальше по побережью, утверждая в доказательство, что последующие исследователи находили рыжеволосых и светлокожих людей даже на юге, у племен чинук. До таких средств опустится руководство государства.

[4] Книга Кокса *"Открытия русских между Азией и Америкой"* (Париж, 1781) содержит местные данные о Сибири во времена Беринга. *"Путешествия из Азии в Америку"* С. Мюллера из Королевской академии, Санкт-Петербург, 1764 год, просто превосходен в той части путешествия, где речь идет о затонувшем корабле. *"Витус Беринг"* Питера Лауридсена, переведенный Олсоном с датского, охватывает все три цели экспедиции: японское и арктическое путешествия, а также американское.

ГЛАВА III

1741-1760

ОХОТНИКИ На КАЛАНОВ

Как шкурки калана, привезенные командой Беринга, привели к освоению Северо-Западного побережья Америки—Отличие калана от других пушных зверей Запада-Опасности охоты

Когда потерпевшая кораблекрушение команда "Витуса Беринга" искала средства к существованию на бесплодных островах, где они потерпели крушение, они обнаружили, что заросли водорослей в Северной части Тихого океана буквально кишат маленьким животным, которое русские называли "морским бобром". Моряки Камчатки и Восточной Сибири хорошо знали морского бобра, поскольку он водился на азиатской стороне Тихого океана, и китайские и татарские купцы считали его шкуру бесценной. Но где обитал этот странный обитатель северных вод? Лишь в редкие сезоны года стада собирались на скалистых островках Камчатки и Японии. А с приходом весны морской бобр исчез. Азия не была его домом. Куда он делся?

Русские авантюристы, сплавлявшиеся по побережью Сибири на сумасшедших яликах, рассказывали, что морской бобр всегда исчезал на северо-востоке, откуда прибывало еловые коряги и мертвых китов с гарпунами незнакомых охотников, а иногда и обломки лодок из моржовой кожи.

Только когда команда Беринга оказалась пленницей моря на острове, бесплодном, как бильярдный шар, доведенные до отчаяния от голода люди обнаружили, что местом обитания морского бобра являются заросли водорослей на Алеутских островах и северо-западе Америки. Но какая польза была от бесценных шкур там, где не было ни денег, ни торговцев, а обезумевшие от голода люди были вынуждены довольствоваться первобытными предметами первой необходимости, не думая о выгоде?

Изголодавшиеся русские моряки падали на заросли водорослей, нанося удары дубинками направо и налево, невзирая на шкуры. Какое значение имело, что плоть была жесткой, как кожа, и вонючей, как мускус? Это наполнило пустые желудки пятидесяти отчаявшихся людей; а шкуры использовались на безлесном острове как ковры, как плащи, как стены, как материал для забивки трещин в земляных ямах, где моряки ютились, как животные, в подземных пещерах без потолка, кроме изодранных парусов. Так прошел год — самый безрадостный год в анналах океанских путешествий, и когда потерпевшие кораблекрушение приплыли обратно в Азию на ялике, сделанном из их затонувшего корабля, они были одеты в сырые шкуры морской выдры, которую они съели. Всего было перевезено около тысячи шкур; и за эти шкуры, которые русские моряки едва оценили, китайские торговцы заплатили то, что в современных деньгах составляло бы от ста пятидесяти до двухсот долларов за шкуру. [1]

После этого сибирские русские больше не нуждались в стимулах для охоты на морского бобра. Его среда обитания была известна, и все сбродные авантюристы сибирской ссылки, татары, камчатчане, русские, преступники и офицеры королевского происхождения занимались торговлей мехами в Западной Америке. Опасность не имела значения. Все, что было нужно, - это лодка; и лодка обычно была грубо сколочена из зеленых бревен Камчатки. Если железных

болтов не хватало так далеко от Европы, как на ширину двух континентов, строители лодок использовали олени сухожилы или ремни из моржовой шкуры. Сало заменило деготь, оленья шкура - пеньку, а храбрость - осторожность. Затем сибирский купец купил партию припасов за половину того, что могло бы быть возвращено. Командир — офицер или изгнанник - затем зачислял матросов в число сухопутных жителей. Сухопутные жители были предпочтительнее для такого рода путешествий. То ли в возвышенном мужестве невежества, то ли с дерзостью отчаяния бедные сухопутные жители отваживались на опасности, на которые ни один моряк не решился бы на таком безумном судне, в двух тысячах миль от порта приписки в бушующем море.

Англия и Соединенные Штаты были вовлечены в эксплуатацию тихоокеанского побережья почти таким же образом. Когда капитан Кук был в проливе Нутка через тридцать лет после смерти Беринга, его команда обменивала безделушки через гакелевую сетку на любые меха, которые туземцы западного побережья предпочитали обменивать. В последующем долгом плавании в арктических водах эти мехапропадали из-за дождевой гнили. Более двух третей были выброшены или разданы. Оставшаяся треть была продана в Китае на обратном пути кораблей за сумму, превышающую десять тысяч долларов в современных деньгах. Новостей об этом факте было достаточно. Бостон, Нью-Йорк, Лондон протерли глаза на возможности торговли мехом на тихоокеанском побережье. Как известно всему миру, усилия Бостона привели к случайному открытию Колумбии; усилия Нью-Йорка - к созданию состояния Астор. Восточная Индия, Франция, Англия, Испания, Соединенные Штаты соперничали друг с другом за приз западного побережья Америки.

Точно так же, как бобр вел французских путешественников на запад от Квебека к Скалистым горам, на юг к Техасу, на север к Атабаске, так и охота на морского бобра привела к исследованию Северного побережья Тихого океана.

"Морским бобром" русские называли обладателя редкой шкурки. "Морская выдра" была известна английским и американским охотникам. Но он не похож ни на выдру, ни на бобра, хотя его повадки схожи с обоими. Его ближайший родственник, вероятно, морской котик. Как и у тюленя, его шкура имеет эбеновый отлив, при вскрытии она кажется серебристой, а при осмотре волосок за волоском - мягкой черной с белым отливом. Взрослая морская выдра длиной шесть футов от носа до обрубка хвоста, с мордой в форме бобра, зубами, как у кошки, и короткими перепончатыми лапами. Некоторые охотники говорят, что калан буквально рождается на набегающих волнах — по одному детенышу за раз; другие утверждают, что калан удаляется на какой-нибудь уединенный скалистый островок, чтобы произвести на свет своих детенышей. Несомненно, что их с самого рождения укачивают на глубине, "баюкают" в море, они спят в воде на спине, обнимают детенышей, как люди, часами подбрасывают водоросли, играя, как озорные обезьянки, или выползают на какую-нибудь безопасную, окруженную морем скалу, где стряхивают воду со своего меха и совершают свой туалет, потягиваясь, укладывая шерсть, как кошки. Только самые свирепые штормы выгоняют калана на берег, потому что он должен всплывать над водой, чтобы дышать; и он должен выбираться на берег, чтобы спать там, где он может дышать; потому что океанский поток во время шторма задушит спящего. А его любимые места для ночлега находятся в лесах из водорослей, где он может спрятать голову и,

подобно страусу, думать, что спрятался. Звука, дуновения — малейшего оттенка — дыма на расстоянии многих миль достаточно, чтобы напугать спящего, который вскакивает с яростной отвагой, не имеющей себе равных в животном мире, и со скоростью молнии устремляется к морю.

Когда Беринг открыл северо-западное побережье Америки, морская выдра часто появлялась на всем пути от нынешней Калифорнии до Командорских островов, последнего звена цепи из Америки в Азию. Каланов тысячами находили и отлавливали в проливе Ситка, в заливе Якутат, проливе Принца Уильяма, бухте Кука и по всей цепи из тысячи ста Алеутских островов до Командорской группы у берегов Камчатки. Там, где тогда их находили тысячами, сегодня их можно увидеть только десятками и сотнями. Там, где в прошлом году их были сотни, в следующем они могут вообще не появиться, поскольку за ними слишком усердно охотились. Это объясняет, почему раньше из Кадьяка, или Ооналаски, или залива Кука возвращалось по пять тысяч человек в год, а на следующий год из тех же мест возвращалось менее сотни. Япония давным-давно добивалась принятия законов, защищающих калана так же энергично, как тюленя; но Англия и Соединенные Штаты лишь пренебрегли Японией за ее старания, и сегодня единственная адекватная защита, предоставляемая уменьшающейся численности калана, находится на крошечном остатке некогда обширных американских владений России - на Командорских островах, где по закону можно отлавливать только двести каланов в год, а лежбища каланов охраняются более ревностно, чем алмазные копи. Сокращающаяся охота вернула примитивные методы. Вместо огнестрельного оружия снова используются примитивные дубинка, сеть и копье, что дает калану неплохой шанс против его противника — Человека. За исключением того, что охотников мало, и они теперь одеваются в одежду Сан — Франциско, они отправляются на охоту тем же старым способом, что и в те времена, когда Баранов, глава Русской пушной компании, выводил свои батальоны ротами по тысяче и двум тысячам "бидарки" - лодок из моржовой кожи, туго натянутых, как барабанная перепонка, со швами, промасленными жиром, и обмотанными клеенкой вокруг каждого люка, чтобы лодка могла перевернуться на воде или быть сброшенной со скалы в прибой, и всплыть правым бортом, не набирая воды, гребец выпрямился.

Первое, на что должен был обратить внимание охотник, - это лодка и охотничье снаряжение. К западу от бухты Кука и Кадьяка не было леса, только плавник и принесенные приливом обломки кораблекрушений; поэтому охотник, отправившийся по следам непроходимого моря, поставил свою лодку на кости кита. Лодки были двух видов — длинные, рассчитанные на двенадцать-двадцать человек, маленькие ялики, которые эскимосы Атлантики называют кьяками, с двумя-тремя, редко больше, люками. Поверх каркаса из китового уса была натянута влажная эластичная шкура моржа или морского льва. Большая лодка была открыта сверху, как шлюпка рыбака из Ньюфаундленда или бато француза, маленькая лодка была закрыта сверху, за исключением люков, вокруг которых были намотаны непромокаемые ткани, чтобы вода не попадала внутрь, когда гребец садился внутрь. Затем влажной коже дали высохнуть на солнце и ветру. Горячим тюленьим жиром и жиром промазали швы и трещины, заделали протечки. Больше солнечного света и ветра, двухлопастные весла для маленьких лодок, крепкие весла и парус для больших, и лодки были готовы к спуску на воду. К востоку от Кадьяка, особенно к югу от Ситки, лодки могут быть выдолбленными из деревьев, вырезанными из дерева каноэ или землянками — и вполтину не такими легкими, чтобы плавать по мелким бурным морям, как кожаная лодка алеутского охотника.

Мы, высокомерные цивилизованные люди, смеемся над странной одеждой дикаря; но она была в точности приспособлена к нуждам. Охотник на выдр носил мех внутрь, потому что так было теплее; и шкуру наружу, потому что, вымоченная в масле, она была водонепроницаемой; и капоте из каминного горшка, потому что, достаточно туго завязанный вокруг шеи, он предохранял спину от попадания ледяной воды, когда бидарка переворачивалась пятками вверх; и кожаные сапоги, потому что они тоже были водонепроницаемыми; и набивку из осоки вместо чулок, потому что она защищала ноги от удара о камни во время диких пробежек по прибою и водорослям после охоты. На суше кожную сторону пальто можно было вывернуть внутрь, а мех наружу.

Ооналаска, расположенный к западу от цепи Алеутских островов, и Кадиак, расположенный к югу от большого полуострова Аляска, были двумя основными пунктами, откуда отправлялись охотничьи флотилии в поисках морских выдр. Раньше единственная русская шхуна или пакетбот возглавляла процессию из тысячи бидарок. Позже тридцать или сорок шхун собрали охотников на каком-нибудь главном пушном посту, сложили кьяков из светлой кожи грудями на палубах и перевезли алеутов в охотничьи угодья выдр. Это может быть в Атке, где жили лучшие охотники на выдр в мире, или на южном берегу Ооналаски, или в бухте Кука, где во время прилива образуются мельничные заросли, или недалеко от Кадьяка на побережье Саанаха, где двадцать миль прибрежных валунов, прибойных вод и маленьких островков морских водорослей создают идеальные условия для морской выдры. Здесь стремительные приливы и гулкие ответные волны поддерживают такой рев бушующего моря, что пугливой, осторожной выдре, бдительной, как орел, нелегко учуять незваного гостя. Прибой смывает запах мужского следа. Шум прибоя - признак человека-убийцы; и никаких костров не зажигают, будь то зимой или летом, если только ветер не дует прямо с юга; ибо морские выдры всегда часто бывают у южных берегов. Единственная провизия на шхуне-перевозчике - это ветчина, прогорклое масло или жир, немного ржаного хлеба и муки; единственная одежда, которую носят охотники-алеуты.

Не успела шхуна отойти от охотничьих угодий, как алеуты запрыгали по палубам с проворством дрессированных обезьян, капитан шхуны пожелал каждому удачи, нетерпеливые охотники запрыгнули в свои бидарки, следуя примеру вождя. Затем шхуна возвращается в родную гавань, оставляя охотников на островах голыми, как обструганная доска, на два, три, четыре месяца. В группе Commander охотники на выдр теперь ограничены использованием только сети, но раньше характер охоты полностью определялся погодой. Если прилив с сильным прибоем и ветром направлялся к берегу, чтобы скрыть звуки и зрение, охотники выстраивались вдоль берега среди зарослей водорослей и занимались охотой, известной как стрельба по прибою. Их ружья могли стрелять на тысячу ярдов. Тот, кто увидел маленькую круглую черную головку, показавшуюся над поверхностью воды, выстрелил, и прибой унес мертвое тело. Если погода была безветренной, туманной или ясной, группы по двадцать-тридцать человек выстраивались в круг, чтобы пронзить свою добычу копьями. Это было окружение копьями. Или, если такой ураганный шторм взбивал море так, что порывистые брызги и мокрый снег размывали все очертания, обнажая заросли водорослей в одну минуту, а в следующую заливая их огромными валами, которые с грохотом разбивались о скалы, охотники-алеуты рисковали жизнью, мчались наперерез бушующему шторму, то оседлав заросли, то ныряя в морскую впадину, то пробираясь молниеносными гребками весел прямо сквозь потоки брызг, поперек

прибоя и впадины — прямо к зарослям водорослей или скалистым валунам, где море... должно быть, шторм загнал выдру в убежище. Эта охота - само воплощение духа бури, ибо чем сильнее шторм, тем больше морских выдр выходит на берег; тем меньше вероятность, что они увидят, услышат или учуют запах охотника. С багром или веслом в руке алеут перепрыгивает с камня на камень или мчится среди зарослей водорослей. Быстрый удар дубинкой; выдра никогда не узнает, как пришла смерть. Это клубная охота. Но там, где берег испещрен пещерами и узкими заливчиками зарослей ламинарий, это более безопасный вид охоты. Огромные сети, сделанные теперь из бечевки, раньше из сухожилий, с деревянными поплавками наверху и железными грузилами внизу, раскинуты поперек зарослей водорослей. Набегают прилив, смывая сеть на берег. И каланы заплывают вместе с приливом. Прилив уносит сеть, но выдры запутываются в клубке, который удерживает шею и лапы. Это, пожалуй, лучший вид охоты на выдр, поскольку самок и детенышей можно выбросить обратно в море.

Едва шхуна снабжения показалась в море, как бидарки из ракушек, скользящие над морем, направляются к берегу охотничьих угодий. Разбить лагерь - дело простое, так как костров разводить не разрешается, а место для палатки выбирается, по возможности, на северной стороне какого-нибудь холма. Если стоит теплая погода, алеут переворачивает свою кожаную лодку вверх дном, заползает в яму головой вперед и спит там. Или он может соорудить V-образную палатку, такую как вигвам в прериях. Но если будет холодно, у него есть план получше. Он выроет яму в земле и накроет сверху парусиной. Пусть над головой ревет ветер, а лед бьется о прибрежные скалы, алеут, закутанный в меха, крепко спит, прижавшись к земле. Если берег устлан плавником, ему повезло, потому что он подпирает шесты, покрывает их мехами и у него получается нечто, что можно было бы принять за вигвам, за исключением того, что эти индейцы строят свои палатки с круглым верхом и всегда выворачивают шкуру меховой стороной наружу.

Что касается провизии, то он почти ничего не захватил с корабля. Он будет зависеть от ветров, несущих мертвого кита, или от рыбы на берегу, или от яиц морских птиц, которые миллионы и миллионы гнездятся на этих скалах — таких мириадом птиц, что они, кажется, теснят друг друга, чтобы освободить место для ног, и шум их крыльев подобен сильному ветру. [2] Сам алеут - это то, чем стала бы любая раса людей за несколько поколений такой жизни. Его кожа больше похожа на бронзу, чем на кожу. Его грудь похожа на кузнечные мехи, но ноги плохо развиты из-за стесненного положения коленей в канализационном люке. Действительно, под канализационным люком находится не только колени. Известно, что, когда алеуту не хватает места, он заползает головой вперед, всем телом, прямо под люк и лежит там ничком между ногами гребцов, и между ним и бездонными глубинами шипящего моря нет ничего, кроме тонкого, как бумага, пергаментного киля "бидарки".

Как этим лодкам с тонкой обшивкой удастся спастись от крушения в море, где приливы и отливы омывают рифы все лето, а ледяные торосы сметает с берега во время зимних штормов? Начнем с того, что иней, образующий лед, очищает воздух от тумана, а шест со стальными наконечниками либо отрывает бидарку ото льда, либо лед с бидарки. Затем, когда летом над опасными скалами стелется густой туман, это служит определенным сигналом для этих глубоководных грабителей. Огромные тихоокеанские моржи — самый крупный вид моржей в мире — лежат сотнями стад на этих опасных скалах, и морж фыркает сквозь серый туман, как непрерывный звуковой сигнал. Среди скал Северной части Тихого океана нет лучшего сигнала опасности, чем тот же самый фыркающий морж, который, несмотря на весь свой шум и

размеры, является неуклюжим трусом. Большая опасность для кожи из ореховой скорлупы заключается в том, что она покрывается льдом во время штормов с мокрым снегом и замерзает; в остальном море более или менее не имеет значения для охотника.

Ни одна неподвижная охота сухопутного жителя не сравнится с захватывающим азартом охоты на выдр с копьями. Пятнадцать или двадцать пять небольших лодок из шкур, по два-три человека в каждой, гребут под командованием вождя, избранного общим согласием. В туман или ясную погоду ловля копьями производится только в тихую погоду. Длинная вереница бидарок безмолвно кружит над серебристым морем. Не произносится ни слова, лопасти весла не стучатся о костяные борта лодки. Часто используются двухлопастные весла, поэтому перемещение весла производится из стороны в сторону каноэ без смены рук. Очищенные от кожуры морские гребешки опускаются в воду так же бесшумно, как плавают утка. Вон там, где валуны лежат милю за милей, омываемые прибоем, плоты из водорослей — заросли морских водорослей — поднимаются и опускаются в ритме прилива. Сюда направляются охотники на выдр, бесшумные, как тени. Круг расширяется, растягивается, образуя кордон вокруг самого дальнего края зарослей водорослей. Внезапно на поверхности воды появляется черный предмет — спящая морская выдра. Быстро, как молния, рулевой поднимает весло. Не произносится ни слова, но слух спящей выдры настолько остер, что не успевают капли от поднятого весла упасть в море, как выдра просыпается, оглядывается и молниеносно ныряет на дно моря, прежде чем один из алеутских охотников успевает метнуть свое копьё. Тихо, без единого шепота, рулевой подает еще один сигнал. Охотники выстраиваются в круг шириной в полмили вокруг места, где исчезла морская выдра, поскольку они знают, что через пятнадцать-двадцать минут животное должно вынырнуть, чтобы перевести дух, и оно не может пробежать под водой дальше полумили, прежде чем снова появится.

Внезапно кто-то видит круглую черно-красную голову, высунувшуюся над водой, возможно, недалеко от линии наблюдателей. С диким криком ближайшие бидарки бросаются вперед. Попал ли бросок копья в цель или промахнулся, крика оказалось достаточно. Перепуганная выдра ныряет, не успев перевести дух. Над вторым местом для ныряния находится охотник, и круг сужается, потому что на этот раз выдра должна всплыть быстрее. У нее должно быть дыхание. Снова и снова маленькая круглая головка выглядывает вверх. Снова крик, приветствующий ее. Снова молниеносный прыжок. Иногда наблюдателям помогает только бульканье пузырьков на поверхности воды. В настоящее время тело настолько наполнено газами из-за подавленного дыхания, что оно больше не может тонуть, и быстрый бросок копья обеспечивает добычу. Одно животное против, возможно, шестидесяти человек. Честно ли задание? Вон там грохочет прибой под вздымающимися обрывами. Затем приливная волна накатывает с рывком, похожим на водоворот, или отлив поднимает прибрежные волны — хлещущие волны бурлящей воды, которые сталкиваются друг с другом и разлетаются вдребезги облаками ослепляющих брызг. Или над беспокойным морем опускается туман со свистящим ветром, от которого белые шапки летят назад, как лошадиная грива. Возможно, погоня уводила все дальше и дальше от суши. Пока маленькая черная головка показывается на поверхности, пока булькающий пузырь говорит о том, что внизу трудно дышать, охотники следуют за ней, будь то близко или далеко, пока по прошествии двух-трех часов измученная морская выдра не будет поймана. Возможно, сорок человек рисковали своими жизнями из-за одной шкуры, за которую торговец не может заплатить больше сорока долларов; потому что он должен иметь свою прибыль, и шкура должна быть выделана, и посредники должны иметь свою прибыль; так что, если она продается даже за тысячу сто долларов в Лондоне — хотя средняя цена ближе к

ста пятидесяти долларам, — алеуту повезет, если он получит сорок или пятьдесят долларов. Изодня в день, три месяца кряду, в жару или холод, не смея разводить костры на острове, алеутские охотники выходят на охоту с копьями, пока шхуна не вернется за ними с главного поста; и о том, тяжелее ли охота на человека или зверя, можно судить по тому факту, что там, где раньше охотничьи батальоны собирались в многотысячные роты, сегодня они выходят только двадцатью или сорока. Правда, калан уменьшился и местами почти вымер; но там, где охотничьи законы защищают его, как на Командорских островах, он растет, а что касается охотников-алеутов, то их тысячи лежат на дне моря; а из тысяч, которые давным—давно вышли в море, часто возвращаются только несколько сотен.

Но в то время как окружение копьями осуществлялось в основном батальонами под руководством торговой компании, удары дубинками наносились отдельными лицами — бесстрашными охотниками, которые выбегали по двое и по трое вслед за взрывом, теряясь в разбивающихся облаках брызг, с безумным воем ветра в ушах и бешеными катками, мчащимися наперегонки с приливом и ветром. Как они управляли своими ракушечными лодками - эти викинги Северной части Тихого океана; или они вообще управляли, или только летели навстречу шторму на крыльях безумных северных ветров? Кто может сказать? Ноги человека иногда отрываются от земли, когда дух устремляется ввысь, не считаясь с сушей или морем, раем или адом, и эти расхитители глубин не считались ни с жизнью, ни со смертью, когда они выезжали на шторм, когда прибрежные волны разбивали скалы, и морские твари выбирались на сушу, чтобы укрыться среди плотов из водорослей.

Бросив кожаные лыжи высоко и сушиться на какой-нибудь скале, возможно, под тяжестью валуна, чтобы их не унесло ветром, охотники бросились к прибою, вооруженные только толстой палкой.

К выдрам следует подходить со стороны ветра, и шум прибоя заглушит приближение охотника; поэтому, преодолевая ураганные порывы — ветра, которые иногда сбивают их с ног, — карабкаясь по скалам, скользким, как стекло, ото льда, выбегая на длинные рифы, где грохот брызг смешивает землю и воздух, пробираясь по пояс в ледяной жиже, охотники устремляются к зарослям водорослей и скалам, где спят выдры. Избиение дубинкой звучит жестоко, но этот вид охоты, пожалуй, самый милосердный из всех - по отношению к животному, а не к человеку. Выдра спит. Шторм скрывает приближающуюся опасность. Один удар багром - и выдра никогда не проснется. Таким образом, три охотника убили до сотни выдр за два часа; и таким образом тысячи алеутских охотников на выдр, которые раньше наводняли заливы северных островов, погибли и превратились в популяцию нищих, рассеянных людей.

Какова была награда за весь этот риск жизнью? Беглый взгляд на отчеты старых меховых компаний показывает, почему русские, американские и английские торговцы предпочитали морских выдр золотым рудникам испанцев в Мексике. Менее чем через десять лет после того, как команда Кука продала своего морского выдра за десять тысяч долларов, Ост-Индская компания продала шестьсот морских выдр по цене от шестидесяти до ста долларов каждая. Два года спустя Портлок и Диксон продали свой груз за пятьдесят пять тысяч долларов; и если вспомнить, что двести морских выдр - двенадцать тысяч долларов при самом низком среднем

показателе - иногда получали от племен нутка за стамеску стоимостью в несколько долларов — прибыль можно оценить.

В 1785 году пять тысяч морских выдр были проданы в Китае за сто шестьдесят тысяч долларов. Капитал в пятьдесят тысяч обычно приносил триста тысяч долларов; это при условии, что корабли избежали опасностей, связанных с враждебными индейцами и коварными морями. Что русские делали из морской выдры, вероятно, никогда не будет известно; ибо этой торговлей занимались очень многие различные компании; и сто лет назад ежегодно на русских отправлялось до пятнадцати тысяч индийских охотников. Известно, что одно судно, через год после крушения "Беринга", заработало на своем грузе полмиллиона долларов. По определенным цифрам — без учета доходов, не подсчитанных меховыми компаниями, — за полвека для русских было добыто двести тысяч морских выдр. Незадолго до того, как Соединенные Штаты захватили Аляску, Россия довольствовалась четырьмя сотнями морских выдр в год; но к 1875 году американцы добывали уже три тысячи в год. В период расцвета охоты в Кадьяке собиралось в общей сложности до шести тысяч человек в год, в Ооналаске - три тысячи, на Прибилофах, ныне известных своими тюленями, - пять тысяч. В 1785 году залив Кука дал три тысячи, в 1812 году - только сто. Якутат дал две тысячи, в 1794 году - только триста, шесть лет спустя. Пятнадцать тысяч человек собрались в Ситке в 1804 году, всего сто пятьдесят тридцать лет спустя. Конечно, русские добились таких результатов только с помощью системы мушкетов, дубинок и насилия, которые отвратительны современному сознанию. Женщин захватывали в качестве заложниц во время большой охоты. Женщин даже убивали в наказание за небольшую прибыль. Люди были принесены в жертву, как собаки, "промышленниками" — сбродом русских охотников-мерзавцев из числа сибирских ссыльных; но это история возмутительного зла, за которым следует его собственный ужасный и непобедимый враг, который будет рассказан сам по себе.

[1] Цена морской выдры менялась, падая в сезоны, когда рынок был перенасыщен, до 40 долларов за шкурку, а в случаях редкой красоты - до 1000 долларов за шкурку.

[2] См. Отчет Джона Берроуза о птицах, наблюдавшихся во время экспедиции Гарримана. Эллиот и Стедженджер отметили тот же феномен.

ГЛАВА IV

1760-1770

ОХОТНИКИ За ПРЕСТУПНИКАМИ

Американское побережье становится Великим местом встречи сибирских преступников и политических изгнанников — Вне досягаемости Закона казаки и преступники совершают бесчинства над индейцами — Месть индейцев стирает с лица земли русские форты в Америке — Преследование четырех русских беженцев из пещеры в пещеру над морем ночью — Как они убегают после годичной погони

"Бог был высоко в Небесах, а царь был далеко", как говорят русские, и сибирские изгнанники — морские курьеры, которые после открытий Беринга в 1741 году устремились на западное побережье Америки охотиться на каланов, мало думали и не считались ни с Богом, ни с Царем.

Они строили свои безумные поделки из зеленой древесины на Камчатке, или в Охотском море, или среди лесов сибирских рек. Они соединили грубые доски, подняли парус из оленьей шкуры над палубой высотой около шестидесяти футов и, повинаясь инстинкту, пересекли моря, не имеющие карт, как леса, по которым бегали французские курьеры, и отправились из Азии в Америку с более безумными мечтами о добыче, чем когда-либо надеялся испанский галеон или английский флибустьер, бороздящий просторы открытого моря.

Экипажи были преступниками с непокрытыми клеймами их преступлений, объединенными каким-то сибирским купцом, поставлявшим товары для торговли, и брошенными на произвол судьбы под присмотром полудюжины казаков, которые должны были поддерживать порядок и собирать дань в размере одной десятой от американских индейцев в знак уважения к царю. Английские пираты не стеснялись крови, когда грабили испанские города ради испанского золота. Эти русские разбойники не испытывали угрызений совести, когда их единственной надеждой облегчить участь отчаянного изгнанника была добыча в виде драгоценных мехов, награбленных, забитых дубинками или взятых в качестве дани у индейцев Северо-Запада Америки. Добыча, в случае успеха, или торговля, если сумасшедшие доски не разваливались на куски над некоторыми рифами, пересекающими Северную часть Тихого океана, распределялась пополам между экипировщиком и командой. Если груз составлял полмиллиона долларов в современных деньгах — как это было в одном из первых рейсов Друзенина, — то четверть миллиона была кругленькой суммой, которую можно было разделить между экипажем, скажем, из тридцати или сорока человек. Часто длиннопалубные одномачтовые суда разваливались на куски во время шторма, когда русские уходили на дно моря или оказывались на мелисреди Алеутских островов к западу от Аляски, когда потерпевшие кораблекрушение устраивались в удобных жилищах среди индейцев, которые не знали никаких других правил существования, кроме *прав сильного*; и русские с их огнестрельным оружием действительно казались алеутам сильными. Пока пришелец требовал только меха на своих собственных условиях торговли, индейцы соглашались. Их единственной надеждой было стать сильными, как русские, сделав железные "пальцы ног" — полосы толщиной в два дюйма и длиной в два фута. Это было то идеальное состояние, которое философы-утонченники описывают как "выживание пригодного", и оно хорошо работало до тех пор, пока другая сторона соглашения не решила, что будет играть

в ту же игру и тоже станет пригодной, когда произойдет катаклизм кровопролития. Индейцы покорно склонили шею перед угнетением. Оскорбления, жестокость, бесчинства, обрушившиеся на головы бедных алеутов. Они достигли той прекрасной точки, когда для слабого лучше умереть, пытаться свергнуть силу, чем жить под железной пятой грубого угнетения.

Непосредственная причина восстания - это прообраз всего, что ему предшествовало. [1] На тысячу миль от побережья Аляски тянется длинная цепь Алеутских островов, соединяющая Тихий океан с Азией. Ооналаска, самый важный и средний из них, находится так же далеко от Орегона, как Орегон от Нью-Йорка. Близ Ооналаски были лучшие в мире поля для охоты на каланов; и алеуты насчитывали двадцать тысяч охотников — мужчин, женщин, детей, — рожденных для лодки из легкой кожи, как жители равнин рождаются для седла. На Ооналаске и ее ближайшем соседе на западе проживало по меньшей мере десять тысяч этих индийских охотников на выдр, когда Россия впервые отправила свои корабли в Америку. Бассоф прибыл вскоре после открытия Беринга; и в каждую из трех поездок на Командорские острова он привозил груз мехов стоимостью от семидесяти пяти до ста тысяч долларов в современных деньгах. Это подействовало на сознание сибиряков так же, как находка золота. Весь сброд сибирских авантюристов хлынул на западное побережье Америки.

У нас есть только русская версия этой истории, а не индийская, и мы можем сделать вывод, что наша сторона наиболее благосклонна к России. Когда предстояло добыть добычу в полмиллиона долларов, какие сибирские изгнанники позволили бы индийской деревне встать между ними и богатством? Сначала только дети были захвачены в качестве заложников за хорошее поведение со стороны индейцев, пока белые охотники бороздили просторы островов. Затем дочерей и жен заманивали и держали на кораблях только для того, чтобы вернуть, когда мужья и отцы возвращались с большой охотой на белых хозяев. Затем мужчин расстреляли; мертвые были в большей безопасности, думали русские; не боялись засады или неожиданности; а женщин держали как рабынь, которых били кнутами и умерщвляли по желанию их хозяев.

В 1745 году — через четыре года после открытия Россией Западной Америки — целая деревня в Атту была разрушена, чтобы русские могли захватить женщин и детей, бежавших в горы. В следующем году русских поймали на том, что они подсыпали яд в еду в другой деревне: мужчины ели первыми среди индейцев. Женщин оставляли в рабстве у русских; и эти же русские приводили домой мальчика-язычника, чтобы тот крестился в христианскую веру, поскольку маленький новообращенный мог вернуться на Алеутские острова в качестве переводчика. Это была самая тщательная схема подчинения, какую только мог повлечь за собой волчий кодекс существования.

Кульминация произошла с командой сибирского купца Бетшевина в 1760 году. В ней было сорок русских, включая казаков, и двадцать других азиатских охотников и моряков. Четверо агентов торговца отправились с ними, чтобы добиться честной прибыли. Сержант Пушкарев из казачества был там, чтобы собирать дань с индейских подданных России на западном побережье Америки. Корабль был явно лучше обычного, в трюме было достаточно места для груза, а на широкой палубе команда спала в гамаках без укрытия — обычно грубая, бородатая, оборванная, кишущая паразитами орда. Судно зашло в Умнак, после того как встретило корабль-побратим, возможно, с повышенной агрессивностью по отношению к местным

жителям из-за присутствия этих других русских под командованием Аликсея Друзенина; и прошло дальше на восток к следующему курорту выдр, острову Ооналаска.

Ооналаска похожа на человеческую руку, раскинутую пальцами на северо-восток, конец руки тянется на семьдесят миль в сторону острова Умнак. Протяженность всего изрезанного побережья, вероятно, превышает двести миль. В центре и за каждым отрогом расположены высокие вулканические горы, две из них - дымящиеся вулканы, все изрыты пещерами и горячими источниками, течение которых зимой можно проследить по струйкам пара, сбегающим со склона горы. С южной стороны рифы окаймляют все подходы. На севере, востоке и западе расположены бесчисленные крутые бухты, открывающиеся прямо в сердце гор, с черных утесов которых срываются столбы брызг и водопады. На острове не растет ни одно дерево. От подножия до вершины холмы покрыты бархатной травой, кустарниками ивы размером с палец, травой высотой по пояс и таким изобилием цветов — маковых полей, анемонов, подснежников, рододендронов, — что кажется, будто находишься в южном климате, а не в непосредственной близости от зон замерзания. Три четверти времени остров окутан туманами; и хотя зимой лежит снег глубиной в пять футов, а с севера налетают такие снежные бури, что вырывают с корнем деревья и загоняют всех людей в их подземные жилища, никогда не бывает холодно, никогда не бывает ниже нуля, и гавани всегда открыты. Китобойный промысел, рыбная ловля, охота на пушнину — таковы были занятия островитян тогда, как и сейчас.

Итак, сюда прибыл Пушкарев в 1762 году после двухлетнего плавания вокруг Алеутских островов. Туземцы настроены дружелюбно, надеясь добыть железо, ножи и огнестрельное оружие, как и другие островитяне, которые торговали с русскими. Детей отдают в качестве заложников за хорошее поведение мужчинам с Ооналаски, которые уводят русских на охоту, переходя от точки к точке. Казак Пушкарев сам отправляется с двадцатью людьми на разведку; но в этой поездке в местных деревнях что-то идет не так. Заложники обнаруживают, что они не гости, а рабы. Как бы то ни было, на агента Бетшевина напали и убили. На глазах Пушкарева насмерть убиты копьями еще двое русских, двое ранены, а сам казак со своими четырнадцатью людьми вынужден поспешно отступать к кораблям и хижинам на побережье. Здесь, как ни странно, тоже все пошло не так! Все больше женщин и детей возражают против удовольствий своих хозяев — рабства, кнута, клеймящего железа, голодной смерти и жестокого обращения. Двое русских были убиты, купаясь в горячих источниках близ вулкана Макушин, четверо убиты в хижинах, четверо ранены; а барак сожжен дотла. Казак немедленно мстит, убивая семерых заложников на месте; но он считает разумным укрыться на своем корабле, поднять якорь и выйти в море, взяв с собой в назидание туземцам двух переводчиков, трех мальчиков и двадцать пять женщин, две из которых умирают от жестокости до того, как корабль выходит из вод Ооналаски.

Возможно, он намеревался высадить пленников на каком-нибудь ближайшем острове по пути на запад; ибо только слепая ярость могла сделать его настолько безразличным к их судьбе, чтобы везти такой груз людей обратно в родную гавань Камчатки. Тем временем ураган настиг корабль Пушкарева, срезав верхушки волн и погнав его вперед под голыми мачтами. Когда шторм утих, судно находилось у берегов Камчатки, и казак оказался в затруднительном положении, прежде чем войти в порт приписки с доказательствами своей жестокости в виде съезжившейся группы индианок, сгрудившихся над палубой. Под предлогом сбора ягод шестеро моряков были высажены на берег с четырнадцатью женщинами. Двое воспользовались своим

шансом и бросились на свободу в горах. На обратном пути к кораблю матрос Гореллин насмерть разможил голову одной женщине; увидев это, остальные на борту карусели воспользовались неразберихой, прыгнули за борт и покончили с собой. Но на корабле все еще оставалась дюжина заложников. Они могли иметь отношение к убийству их товарищей. Это был старый трюк из неприятных ситуаций — уничтожить жертву, чтобы избежать возмездия, или пытать ее, чтобы она уничтожила себя. Четырнадцать человек были доведены пытками до самоубийства. Остальных Пушкарев схватил, связал и выбросил в море.

Безусловно, в ходе официального расследования сибирский купец Бетшевин был подвергнут уголовным пыткам за это преступление на своем корабле; и императорский указ положил конец свободной торговле охотников за пушниной с Америкой. Отныне необходимо было получать разрешение правительства, но это не исправляло несправедливость по отношению к жителям Алеутских островов. Первобытные инстинкты, не стесненные законом, ведут быстрым, верным, коротким путем к правосудию, к прекрасному равновесию между слабым и сильным. Прошло два года, прежде чем российское правительство назначило наказание за это преступление. Какое дело индейцу-алеуту до медлительного жаргона закона? Его единственным законом было самосохранение. У него отняли меха; его охотничьи угодья были захвачены разбойниками, неизвестно откуда взявшимися; его дом был разграблен; его воины отравлены, забиты дубинками, доведены до смерти; его женщины и дети похищены в пожизненное рабство; самые основные, грубые инстинкты его натуры дразнили, травили, пытали, чтобы заставить дерзнуть!

Это было с января по сентябрь 1762 года, когда Пушкарев совершал свои безумные бесчинства на острове Ооналаска. В сентябре того же года четыре других российских корабля, не подозревая о том приеме, который им уготовили злодеяния Пушкарева, покинули Камчатку и направились к Алеутским островам. Каждый из кораблей находился под командованием командира, который уже бывал на островах и с которым индейцы обошлись справедливо.

Корабль Бетшевина с казаком Пушкаревым прибыл на Камчатку 25 сентября. 6-го числа в гавань зашел на зимовку корабль под командованием того же Алексея Друзенина, который годом ранее встретил Пушкарева на пути в Ооналаску. Друзенин был в отъезде и, должно быть, слышал рассказы о команде Пушкарева; но последний привез всего около двух тысяч выдр - половину прислал Друзенин, половину привел он сам, - и Уналашка стал путеводной звездой охотников на выдр. Весна 63-го застала Друзенина у берегов Алеутских островов. Конечно же, другие слышали новости о великой находке новых охотничьих угодий. Три других русских судна были на территории до него: Глоттофф и Медведефф в Умнаке, Коровин на полпути к Ооналашке. Друзенин не мог терять времени! Посланный шпион вернулся с донесением, что за каждой частью Умнака и Ооналаски ведется тщательная охота, за исключением крайнего северо-востока, где горные отроги Ооналаски простираются в море, как рука. Затем до северо-восточной оконечности, где прилив с грохотом разбивается о каменную стену, как перевернутый водопад, посты Друзенина, где он бросает якорь со своим кораблем в Капитанской гавани, и зимние квартиры, построенные до снегопада 63-го.

Странная вещь — индейские вожди стали настолько дружелюбны, что добровольно привели Друзенину заложников хорошего поведения. Несомненно, Друзенину повезло! Лучшие места для охоты на выдр в мире! Гавань, гладкая, как стекло, окруженная горами, защищенная, как дыра в стене, прямо в центре охотничьих угодий, но в то же время защищенная от буйных северных ветров, которые вдребезги сотрясали расшатанные суда! И что лучше всего, вдоль

песчаного берега между кораблем и горами, которые ярус за ярусом уходили вглубь материка, уходя в облака, — подземные жилища с куполообразными крышами двух или трех тысяч местных охотников, готовых рискнуть отправиться на охоту за выдрами по приказу Друзенина! Просто чтобы убедиться в безопасности после того, как Пушкарев потерял десять человек на этом острове, Друзенин обменивается парой писем с командирами трех других российских кораблей. Затем он изложил свои планы на зимнюю охоту. Но то же самое делали индейцы-алеуты; и в их планы входила охота на каждого русского в пределах Ооналаски.

Рассказывается любопытная история о том, как алеуты устроили восстание одновременно и наверняка. Вождю каждого племени принесли связку палок. Их сжигали по одной в день, как фитиль из кожи тюленьего жира в алеутской каменной лампе. Когда догорала последняя веточка, алеуты должны были восстать.

Теперь северо-восточное побережье было как пальцы одной руки. Друзенин встал на якорь между двумя горными отрогами, похожими на пальцы. К востоку, за следующим горным отрогом, находилась другая деревня — Калехта, насчитывавшая около сорока домов; к востоку от Калехты, опять же, в десяти милях в поперечнике, еще одна деревня с семьюдесятью семьями на острове Иналук. Друзенин решил разделить свою команду на три охотничьих отряда: один из девяти человек должен охранять корабль и торговать с главной деревней Капитана Харбора; второй из одиннадцати - переправиться к хижинам туземцев в Калехте; третий из одиннадцати - пересечь холмы и доплыть на веслах до маленького острова Иналук. На остров в десяти милях от берега Друзенин отправился сам с Корелиным, потерпевшим крушение русским, которого он подобрал во время плавания. По пути они, должно быть, миновали все три горы, охраняющие гавань Ооналаска, водопады, низвергающиеся со скал близ Калехты, и самую маленькую деревушку, где одиннадцать человек остались строить хижины на зиму. От деревни до самой восточной точки можно было пройти по трясущемуся мху глубиной по щиколотку или по высокой, густой траве высотой по пояс, пропитанной морским туманом. Здесь они спустили на воду свою лодку из шкуры морского льва на костяном каркасе и поплыли через залив длиной в десять миль к самым дальним охотничьим угодьям. И снова туземцы поразили Друзенина добротой. Русский держит своих часовых такими же бдительными, как всегда, расхаживая перед дверями хижины; но он ходит среди туземных жилищ без охраны и невредимым. Возможно, бедняга Друзенин был не прочь немного покрасоваться, подпоясанный пестрой формой, которую любили носить русские офицеры, к смущению бедных алеутов, которые смотрели на пистолеты за поясом, кортик, болтающийся у пятки, яркие погоны и цветные манжеты как на знаки отличия всемогущей державы. Как бы то ни было, после того, как Друзенин отправил пятерых охотников в поле ставить капканы на лис, ранним утром 4 декабря он отправился с парой друзей-казаков навестить родной дом. Корелин, спасенный потерпевший кораблекрушение, и еще двое мужчин несли охрану у хижин. [2]

В то время и до самого недавнего времени зимнее жилище алеутов представляло собой куполообразную соломенную крышу над выемкой погреба глубиной три-четыре фута, круглую и достаточно большую, чтобы вместить дюжину семей. Входом сюда служила пристройка с низкой крышей, похожая на зал, темная как ночь, ведущая с резким наклоном вниз, в главный круг. Теперь, независимо от того, подсчитывали ли алеуты горящие поленья или вели счет каким-то другим способом, счет был окончен. Едва Друзенин ступил в темноту внутреннего круга, как на его череп обрушился удар дубинкой, который свалил его на землю. Казак, шедший вторым, споткнулся о распростертое тело прежде, чем кто-либо из них заподозрил опасность; и

в ту же секунду оба были изрезаны на куски ножами, которые накануне выменяли у индейцев за шкуры выдр.

У Шевырина, третьего мужчины, случайно оказался при себе топор. Один против десятка, он все же остался лицом к врагу, отбил отступление, нанося удары топором направо и налево, затем повернулся и бежал, спасая свою жизнь, под градом стрел и копий, падавших вокруг него, которые обагрили его собственной кровью. Грохот мушкетов уже говорил о битве у хижин. Скорее мертвый, чем живой, преследуемый русский развернулся, но лишь для того, чтобы нанести ответный удар. Затем он был у хижин, почти споткнувшись о человека, который, вероятно, нес караульную службу, но теперь оказался под копьями толпы, — когда дверь хижины открылась; и Корелин, русский, выскочил, размахивая медвежьим ножом длиной в ярд, под защитой мушкетного огня другого охранника из окна, зарубил двух ближайших индейцев, прорезал полосу, от которой остальные разбежались, схватил двух раненых, втащил их внутрь хижины и захлопнул дверь под яростные крики сбитых с толку воинов.

Кто-то сказал, что Ооналаска и Умнак - это плавильные печи Америки. Конечно, вулканические пещеры поставляли серу, которую туземцы умели использовать в качестве зажигалок для спичек. У дикарей не было огнестрельного оружия, но они могли бы уничтожить русских, если бы не постоянная стрельба из ружей с дверей, крыши и обитых пергаментом окон хижины. Двое русских были ранены и ослабли от потери крови. Двое других не сменяли караула ни днем, ни ночью в течение четырех дней, не спали и не ели, пока раненая пара, немного придя в себя, не схватила пистолеты и сабли, подождала, пока прекращение ружейной пальбы не привлекло индейцев поближе, затем сделала вылазку из своих пистолетов, которая сразила наповал трех алеутов, ранила других и отогнала остальных на некоторое расстояние. Но во время вылазки у самых их лиц красовались куртки, шапки и кинжалы пятерых охотников, которых Друзенин отправил ловить лис. Очевидно, охотники на лис были перебиты. Четверо мужчин были одни, окруженные сотнями противников, в десяти милях от берегов Ооналаски, в двадцати от других охотничьих отрядов и корабля. Но вода становилась отчаянной потребностью. Оставаться взаперти в хижине означало быть вынужденными сдаться. Их единственным шансом было рискнуть всем, бросившись с острова. Сгущалась тьма. Сквозь густые сумерки наблюдали за алеутами; но нацеленные мушкеты двух раненых удерживали противников на расстоянии броска копья, в то время как двое других русских уничтожали то, что не могли унести, спускали на воду свою кожаную лодку, нагруженную провизией, боеприпасами и огнестрельным оружием, затем под охраной нацеленных пистолетов отплыли в темноте через море, вздымаясь и грохоча навстречу ночному приливу.

Но море представляло меньшую опасность. Оказавшись вдали от врага, четверо беглецов, спасая свои жизни, поплыли по бушующим волнам — по одним сведениям, они прошли десять миль — к главному берегу Ооналаски. Была кромешная тьма. Добравшись до берега, они не слышали и не увидели никаких признаков жизни; но тропа по мху в снегу, вероятно, к этому времени хорошо протопталась к кораблю — через четыре месяца после высадки Друзенина, — или же беглецы нашли свой путь благодаря своего рода отчаянию; потому что еще до рассвета они подбежали на расстояние крика ко второму отряду охотников, расквартированному в Калехте. Ни звука! Ни огонька! Возможно, они сбились с пути! Возможно, индейцы на главном острове все еще дружелюбны! Шевырин или Корелин издают крик, за которым следует сигнал мушкетным выстрелом для второй группы охотников выйти на помощь. Едва грохот затих над снегами, как из темноты выскочили сотня копий, сотня лиц, сотня визжащих, кровожадных

дикарей. Теперь они осознают ошибку, совершенную ими при высадке на берег, когда они бросили лодку с кожей там, на пляже! Но нет времени возвращаться назад! Только дикий рывок сквозь темноту, хватаясь друг за друга, чтобы держаться вместе, к высокой отвесной скале, которая, как они знают, находится где-то здесь, с морем позади, отвесными обрывами с каждой стороны и всего одним узким проходом! Здесь они занимают оборону с мушкетами и мечами в руках, отбивая нападающих, где бы ни появлялась скрытная фигура, взбирающаяся на скалу, чтобы метнуть копье или пику! Вскоре хорошо направленный залп прогоняет дикарей! Пока ночь еще скрывала их, четверо беглецов спустились по самому дальнему от дикарей склону скалы и побежали к рейду, где бросил якорь корабль.

Когда над гаванью встает рассвет, что-то привлекает внимание бегунов. Это главный люк, обшивка, столбы мачты корабля, вытащенные и разбросанные по пляжу. Корабль Друзенина уничтожен. Команда перебита; они единственные спаслись; и ближайшая помощь - это один из трех других русских кораблей, стоящих на якоре где-то в семидесяти милях к западу. Не желая больше ничего искать, трое мужчин побежали к горам в глубине страны, нашли укрытие в одном из заросших густой травой оврагов, выкопали в песке ямку, накрыли ее белым, как снег, парусом и заползли под него, чтобы спрятаться на день.

Следующей ночью они спустились к берегу, возможно, в надежде найти таких же беженцев, как они сами. Они обнаружили только искалеченные тела своих товарищей, буквально изрубленных на куски. Изображение святого и молитвенник лежали на песке. Повсюду были разбросаны мешки с мукой, провизия, корабельная обшивка. Все это они отнесли, как могли, за три мили в горы. Существует красивая легенда о местном охотнике, который шел по их следам к этому убежищу и не только отказывался выдать их, но и тайно перевозил провизию; и необходимо какое-то подобное объяснение, чтобы узнать, как четверо мужчин жили, спрятавшись в горах, с 9 декабря по 2 февраля 1764 года.

Если бы они знали, где стоят на якоре другие русские корабли, они могли бы добраться до них через всю страну или следовать вдоль побережья ночью; но соперничающие охотники не сообщали друг другу, где они бросили якорь, и по следам через всю страну можно было бы проследить. Бескрайнее море было безопаснее.

Есть еще одна история о том, как мужчины все эти недели прятались в горных пещерах, поддерживали жизнь теплом горячих источников, питаясь моллюсками и моллюсками, собранными ночью. Это тоже может быть правдой, поскольку горы внутри страны от гавани Ооналаска испещрены пещерами, и там находятся хорошо известные горячие источники.

К февралю им удалось сделать из кожаных мешков ялик. Они спустили его на воду в гавани и, прокрадываясь незамеченными, обогнули северо-западное побережье выступающей в море руки Ооналаски, двигаясь ночью на юго-запад в поисках кораблей Коровина, или Медведева, или Глоттоффа. Теперь большинство путешественников не хотят плавать вдоль берега этой части Ооналаски зимой ночью на безопасном корабле; а у этих людей не было ничего, что отделяло бы их от морской пучины, кроме толстого кожаного мешка, плохо смазанного маслом, чтобы не пропускать воду. Их единственной надеждой было торговое судно.

Всю ночь, в течение недели, они плыли в тени прибрежных скал, прячась днем, миновав незамеченными три индейские деревни. Расстояние придавало им смелости. Теперь они гребли днем, и как раз в тот момент, когда обогнули вулкан Макушин, лежащий подобно огромному

белому трупу на высоте пяти тысяч футов над Беринговым морем, они наткнулись на пятерых индейцев, которые немедленно высадились на берег и, пробежав вдоль берега, подняли тревогу. Беженцы во второй раз попытались укрыться на скале, но поднявшийся прилив прогнал их прочь. Схватив легкую лодку, они побежали искать убежища в знаменитой пещере вулканической горы. Здесь в течение пяти недель они выдерживали постоянную осаду, и ни один русский из четверых не осмеливался приблизиться ко входу в пещеру ближе чем на двадцать ярдов, прежде чем внутрь обрушивался град стрел. Их единственной пищей теперь были моллюски, собранные ночью; их единственной водой был снег, черпаемый из желобов пещеры. Каждую ночь один по очереди дежурил, пока остальные спали; и каждую ночь один должен был делать рывок, чтобы собрать моллюсков. Наконец, пять недель утомили бдительность индейцев. Однажды темной ночью русским удалось отплыть незамеченными. В тот день они спрятались, но на рассвете следующего долгого перехода они увидели в складках горного побережья корабль — судно Коровина. Они прибыли на корабль 30 марта. Бедный Швырин вскоре после этого скончался от ран в подземной хижине, но неприятности Коровина только начинались.

Судно Ивана Коровина вышло из Авачинской бухты на Камчатке всего за две недели до того, как преступная команда Пушкарева вернулась домой. Для охотничьих судов стало обычным плавать к Командорским островам — Берингову и Медному, ближайшим к Камчатке, и зимовать там, запасаясь мясом морской коровы, огромного морского корова, которого вскоре должны были истребить охотники. Здесь Коровин встретился с командой Дениса Медведева, который также обеспечил годовой запас мяса для охоты на калана. Два лидера, должно быть, предчувствовали грядущие неприятности, потому что Медведев дал Коровину еще десять моряков, и они подписали письменный контракт помогать друг другу в трудную минуту.

Весной (1763 г.) оба отплыли к лучшим известным в то время промыслам морских выдр - Ооналаска и Умнак, Коровин с тридцатью семью людьми, Медведев с сорока девятью. Чтобы не мешать охоте друг друга, Медведев остановился в Умнаке, Коровин отправился дальше в Ооналаску. Бросив якорь в шестидесяти ярдах от берега, не очень далеко от пещер вулкана, где следующей весной четверо беглецов Друзенина должны были бороться за свои жизни, Коровин с четырнадцатью людьми высадился на берег для разведки. Он видел заброшенные дома, но ни одной живой души. Вернувшись на корабль за новыми людьми, он снова отправился в путь и прошел вглубь острова пять миль, где нашел деревню с населением в триста душ. Три вождя приветствовали его, показали квитанции о получении дани мехами от казака-сборщика с предыдущего корабля и отдали трех мальчиков в качестве заложников за хорошее поведение — одного по имени Алексис, сына вождя. Тем временем они обменялись письмами с Медведевым за сотню миль от Умнака. Все было хорошо. Время еще не пришло. Был только сентябрь — примерно в то же время, когда Друзенин на север отправил своих охотников тремя отрядами.

Коровин был настолько уверен, что все в безопасности, что выгрузил весь свой груз и команду и, пока плотники строили зимовья из плавника, сам отправился на двух кожаных лодках к северо-восточному побережью. В течение четырех дней он следовал по тому самому берегу, по которому четверо спасшихся должны были плыть в противоположном направлении. Примерно в сорока милях от якорной стоянки он встретил самого Друзенина, который вел двадцать пять русских охотников из Капитана Харбора. Конечно, если когда-либо охотники были в безопасности, то это были охотники Коровина, сорок девять человек Медведева находились в сотне миль к юго-западу, а тридцать моряков Друзенина - в сорока милях к северо-востоку.

Коровин решил поохотиться на полпути между бригадами Друзенина и Медведева. Вероятно, в письмах, которыми разные командиры обменивались с сентября по декабрь, договаривались, что Друзенин должен держаться к востоку от Ооналаски, Коровин - к западу от острова, в то время как Медведев охотился исключительно на другом острове — Умнаке.

К декабрю Коровин разбросал двадцать три охотника на юго-запад, оставив охрану хижин и лодки всего из шестнадцати человек. Среди шестнадцати был маленький Алексис, мальчик-индеец, взятый в заложники. Предупреждение об опасности поступило от матери маленького алеута, которая сообщила, что шестьдесят противников приближаются к кораблю под предлогом торговли каланами. Между казармами и набережной протекал ручей. Здесь заняла свою позицию казачья охрана, вооруженная с ног до головы, разрешая только десяти индейцам одновременно входить в хижины для торговли. Алеуты обменяли своих морских выдр на то железо, которое смогли раздобыть, и ушли, не оставив никаких следов. Коровин почти пришел к выводу, что это ложная тревога, когда трое индийских слуг с корабля Друзенина, запыхавшись, промчались через всю страну с известием, что корабль и все русские на восточной оконечности Ооналаски уничтожены.

Включая троих новоприбывших, у Коровина было всего девятнадцать человек; и его заложники были почти такими же сильными. Охваченные паникой моряки были за то, чтобы сжечь хижины и корабль и бежать по суше к двадцати трем охотникам куда-нибудь на юго-запад.

Это было 10 декабря — в ту самую ночь, когда беглецы Друзенина стали прятаться в северных горах. Пока Коровин все еще раздумывал, что делать, из-под киля корабля донесся сигнал тревоги. В темноте море внезапно ожило от сотен кожаных лодок, каждая из которых перевозила от восьми до двадцати индейских воинов. Вполне можно поверить, что фонари, раскачивающиеся на носу и корме, и огни за покрытыми тальком окнами хижин были внезапно потушены, чтобы не давать мишеней для урагана копий, дротиков и дротиков, которые проносились в воздухе. Двое русских упали замертво, сократив оборону Коровина до четырнадцати человек; но быстрый мушкетный залп унес жизни пяти индейцев за двух убитых белых. К концу четвертого дня русские были полностью измотаны. Осаждающие отступили в пещеру на склоне горы, возможно, чтобы соблазнить Коровина выйти на сушу.

Молниеносно Коровин закопал свое железо глубоко под казармами, поджег хижины и сосредоточил все свои силы на судне, куда он благоразумно прихватил с собой заложников и отошел на пятьдесят ярдов дальше от берега. Если бы буйство зимних ветров не гнало горные валы вдоль внешнего побережья, он мог бы выйти в море; но у него не было доказательств, что двадцати трех человек, отправившихся на охоту вглубь материка на юге, возможно, уже нет в живых, и зимний шторм разбил бы его корабль на дрова за пределами защищенной гавани.

Еды не хватало, воды не хватало, а корабль был переполнен заложниками. В довершение всего среди команды разразилась цинга, и противники возобновили атаку, окружив русский корабль сорока каноэ с десятью-двадцатью воинами в каждом. Океанское судно того времени или даже пиратский корабль могли бы рассеять нападавших за несколько минут; но русские охотничьи суда были длинными, низкими, плоскодонными, с расшатанными досками, длиной около шестидесяти футов, без жилых помещений под палубами и с очень скудным местом для гамаков наверху. Заложники и страдающие цингой русские были набиты в трюм вместе с запасами мяса и мехов, как дохнувшие крысы в мусорном баке. Высунуть голову из люка стоило жизни русского;

и осада длилась с середины декабря по 30 марта, когда четверо беженцев Друзенина во главе с Корелиным совершили последний рывок с вулкана Макушин и захватили корабль Коровина.

С учетом беглецов у Коровина теперь было восемнадцать русских. Отец заложника, индеец Алексис, приехал, чтобы потребовать вернуть своего сына. Коровин тут же освободил мальчика. К концу апреля весенние штормы утихли, и хотя половина его людей слегла от цинги, Коровину ничего не оставалось, как рискнуть выйти в море. Они отплыли из Ооналаски 26 апреля, направляясь обратно в Умнак, где Медведефф бросил якорь.

В проливах между различными Алеутскими островами наблюдается потрясающий прилив. Переходя из Ооналаски в Умнак, корабль Коровина был подхвачен встречными течениями и боковыми ветрами. Не более пяти человек были достаточно здоровы, чтобы стоять на ногах. Корабль дрейфовал без лоцмана и гребцов и, управляя всей силой ветра и прилива, затонул у оконечности острова Умнак. Боеприпасы, паруса и шкуры для новых гребных лодок - вот и все, что удалось спасти от затонувшего судна. Один матрос, страдавший цингой, утонул, пытаясь добраться до берега; другой умер, когда его вытаскивали из удушающе тесного трюма на свежий воздух. Восемь заложников прыгнули за борт и спаслись. Из шестнадцати оставшихся белых мужчин и четырех заложников трое были бессильны из-за цинги. Этот последний удар в довершение зимней осады оказался непосильным для русских. Их ослабевшие тела были полностью истощены. Натянув паруса, как палатку, и расставив по десять человек за раз в качестве часовых, они заснули первым за последние пять месяцев беспробудным сном. Уставшие часовые, должно быть, заснули на своих местах, потому что как раз на рассвете явилась сотня дикарей, крадущихся и безмолвных, разыскивая корабль, ускользнувший из Ооналаски. Бесшумно приземлившись, они подкрались на расстояние десяти ярдов к палаткам, закололи насмерть спящих часовых и выпустили в стены палатки такой град стрел и копий, что трое индийских заложников внутри были убиты, а каждый русский ранен.

Коровин даже не успел схватиться за свое огнестрельное оружие. С кортиком в руке, сопровождаемый четырьмя людьми — такими же ранеными и истекающими кровью, как и он сам, — он выскочил наружу, зарубил двух дикарей насмерть, а остальных разметал острием меча. Ответом индейцев на это был град копий. Вновь получив ранения, пятеро русских едва смогли дотащиться до палатки, где к этому времени остальные схватились за огнестрельное оружие.

Весь тот день и ночь на берег обрушивалась буря. Выброшенный на мель корабль развалился на куски, как бумажный кораблик, а нападавшие островитяне с визгливым хохотом бросили провизию по ветру. 30 апреля нападавшие начали стрелять из мушкетов, которые они захватили у убитых охотников Коровина, но выстрелы не попали в цель. Затем они принесли серу из вулканических пещер и подожгли высокую траву с наветренной стороны палаток. Коровин снова сделал вылазку, отогнал их и потушил пожар. Май, июнь и половину июля он пролежал здесь на мели, ожидая, пока его люди придут в себя, а когда они пришли в себя, приказал им построить лодку из кожи и плавника.

К третьей неделе июля была закончена кожаная лодка длиной двадцать четыре фута. В нее уложили раненых, и люди из колодца взялись за весла. Всю ночь они гребли на запад и все еще двигались на запад, ночь за ночью, разыскивая третье судно — Дениса Медведева, который год назад приплыл с ними с острова Беринга. На десятый день на берегу широкой бухты показались русские избы и каменная баня. Ни одна душа не шевелилась. Когда лодка Коровина приблизилась, на берегу были разбросаны обрывки парусов, корабельные обломки и провизия. Опасаясь худшего, Коровин пристал к берегу. Следы борьбы были повсюду; и в бане, все еще одетые, но с ремнями на шеях, как будто они были задушены до смерти, лежали двадцать человек из команды Медведева. При ближайшем рассмотрении оказалось, что среди убитых был и сам Медведев. Не осталось ни души, которая могла бы рассказать историю резни, ни слова не было слышно о судьбе остальных членов экипажа. Последняя надежда Коровина исчезла. Не было третьего корабля, который доставил бы его домой. Он как раз отдавал приказ своим людям строить зимние квартиры, когда Стивен Глоттофф, знаменитый охотник, возвращавшийся из Кадьяка на запад, появился марширующим по пескам в сопровождении восьми человек. Глоттофф услышал о массовых убийствах от туземцев на северном побережье, с которыми он был дружен, и отправил спасательные отряды на поиски выживших на южном побережье, о которых рассказали индийские шпионы.

Бедные беглецы обнялись с Глоттовым и чуть с ума не сошли от радости. Но подобно старателю, который терпит невыразимые лишения в поисках богатства в виде золота, эти искатели богатства в виде мехов не могли отказаться от дикой свободы полной опасностей жизни. Они подписали контракты на охоту с Глоттоффом на год.

В этой истории нет места рассказывать о том, как казак Соловьев отправился в карательную кампанию против алеутов, когда он пришел. Целые деревни были взорваны минами с порохом в бересте. Беглецы, спасавшиеся от пожара, были изрублены русскими на сабли, до сотни алеутов было вырезано за раз, деревни по триста человек рассеяны по ветру, воины были связаны по рукам и ногам и расстреляны.

Достаточно сказать, что цинга утолила жажду мести Соловьева. И алеуты, и русские усвоили один важнейший урок — христианскую доктрину возмездия, закон равновесия ученых — что грубая сила, встреченная грубой силой, приводит только к взаимному уничтожению, к анархии, к смерти. Тридцать лет спустя русские, посетившие Ванкувер, могли сообщить, что их влияние на индейцев было такого рода, которое проистекает из глубоко укоренившейся доброты и совпадения интересов. Обе стороны узнали, что есть способ получше, чем волчий кодекс. [3]

[1] См. *"Открытия русских" Кокса*.

[2] Некоторые старые записи пишут имя этого потерпевшего крушение русского "Корелин", как будто это был "Горелин", матрос из команды Пушкирева, который размозжил голову индианке; я

не могу определить, являются ли "Корелин" и "Горелин" одним и тем же человеком или нет. Если это так, то наказание действительно пришло домой.

[3] Было бы почти невозможно процитировать все авторитетные источники об этой резне русских, и каждый, кто писал о торговле русскими мехами в Америке, по-разному описывает трагедию; но почти все можно проследить до подробного отчета Кокса в *"Открытиях русских между Азией и Америкой"*, и на это я опирался, французского издания 1781 года. Отчет О Результатах Переписи, Объем. VIII, в 1880 году Иван Петрофф, имеет неоценимое значение для топографии и этнологии этого периода и региона. Именно от Корелина, одного из четырех беженцев, российские архивисты получили первый отчет о резне; и повествование Кокса основано на рассказе Корелина, хотя традиция резни передавалась от отца к ребенку среди жителей Ооналаски и по сей день, так что некоторые пещеры возле гавани Капитанаи вулкана Макушин все еще упоминаются как убежище четырех преследуемых русских.

ГЛАВА V

1768-1772

ГРАФ МАВРИКИЙ БЕНЬОВСКИЙ, ПОЛЬСКИЙ ПИРАТ

Сибирские изгнанники под командованием польского солдата удачи замышляют свергнуть гарнизон Камчатки и сбежать на Западное побережье Америки в качестве торговцев пушниной — Кровавая мелодрама, разыгрываемая в Большереске — граф и его Преступная команда плывут в Америку

Охотники за пушниной во всем мире живут примерно такой же жизнью. Именно бобр повел французских путешественников на запад, к Скалистым горам. Именно морская выдра привела русские каботажные суда, курсировавшие на юг от Аляски до Калифорнии; и именно маленький соболь задал бешеный темп дикой погони казаков через всю Сибирь к берегам Тихого океана. Дань, которую собирали буйные казаки, будь то из Сибири или Америки, была данью в мехах.

Чем дальше уходили охотники, тем труднее было добывать припасы в городах. В каждом конкретном случае — на Новой Франции, на Миссури, в Сибири — это вынуждало прибегать к одному и тому же плану: грандиозное место сбора, ежегодное randevu, плацдарм для охотников и торговцев. Сюда торговцы привозили свои товары; охотники - свои меха; легкомысленная

знать, приезжие отовсюду, лошадей на продажу, или контрабандное виски, или награбленное неисчислимыми путями.

Великое место встречи русских торговцев пушниной находилось на равнине к востоку от реки Лена, недалеко от Якутска, в тысяче миль по прямой от Тихого океана. Осенью 1770 года здесь собрались самые незаконные пернатые, которые когда-либо рыскали по земле в поисках добычи. Торговцы из внутренних городов доставляли припасы на равнину на речных баржах, выкрашенных в белый, черный и лимонный цвета. Длинные караваны вьючных лошадей, мулов и палаточных повозок, покрытые пылью, грохотали по полям, звеня колокольчиками, их везли казаки из самого Санкт-Петербурга, за шесть тысяч миль. Караваны шли почти год по заснеженным лесам, по продуваемым всеми ветрами равнинам, через вздымающиеся горы двух континентов, вдоль пустынь и сибирских рек. Они, по большей части, перевозили корабельные припасы — снасти, снасти, железо — для судов, которые строились в Тихом океане и направлялись в Америку.

Затем из северных степей Сибири с бешеной скоростью прискакали сборщики казачьей дани — их было сосредоточено здесь четыреста, — которые собирали десятую часть мехов для царя, девять десятых для себя: они были пьяными дебоширами, незаконными, как арабы; и единственный закон, который они знали, был закон, которым они пользовались. Орды татар приходили с лошадьми на продажу, флибустьеры из бескрайней пустыни, бандиты в союзе с казаками переправляли контрабанду через границы Китая. А китайские контрабандисты, великолепные в шелковых нарядах, водили дружбу с изгнанниками, среди которых были представители всех сословий, от придворных, сосланных за политические преступления, до преступников с отрезанными ушами и вспоротыми лицами. Что касается выпивки, игр и вольных драк — если царь не слышал, то только потому, что был далеко.

Этой августовской ночью с кавалькадой из Санкт-Петербурга прибыло с полдюжины новых изгнанников. Заключение было условно-досрочно освобождены, чтобы осмотреть достопримечательности, в то время как их казачья охрана пустилась в загул. Новоприбывшие казались выше обычных преступников, отправленных в Сибирь, лучше одетыми, с видом, рожденным командовать, и при деньгах. Лидером среди них был молодой поляк двадцати восьми лет или около того, благородного звания Маврикий Беньовский, сильно хромавший из-за боевого ранения, но явно солдат удачи, который мог превзойти любой трюк, сыгранный с ним судьбой, и нанести столько хороших ударов, сколько получал. Четверо других были офицерами армии в Санкт-Петербурге, сосланными по политическим мотивам. Только один, Ипполит Стефанов, был преступником в том смысле, что нарушил закон.

Хоффман, немецкий хирург, приветствовал их в своей квартире в Якутске. Куда они направлялись? — На Тихий океан? — "Ах, долгое путешествие из Санкт-Петербурга; семь тысяч миль!" Именно туда он должен был отправиться, когда закончит хирургические операции на Лене. Из этого они узнали, что он тоже был изгнанником, занимающимся своей профессией по условно-досрочному освобождению. Он посоветовал бы им — осторожно прощупывая почву, как можно скорее перебраться с тихоокеанского побережья на полуостров Камчатка; это было безопаснее для изгнанника — меньше охраны, дальше от казаков материка; фактически, ближе к Америке, где изгнанники могли бы сколотить состояние на торговле пушниной. Слышали ли они о витающих в воздухе русских планах, согласно которым корабли будут грабить меха в Америке "с порохом, топорами и помощью Божьей", как говорят русские?

[Иллюстрация: Маврикий Август, граф Бенъовский.]

Поляк Бенъовски ухватился за наживку, как форель за муху. Если "порох, топоры и помощь Божья" — *и команда изгнанников* — смогли разбогатеть на торговле мехами в Западной Америке, почему бы не вырваться на свободу?

Они не стеснялись в средствах, эти люди. Зачем им это? Их заперли в гноящихся подземельях, где лежали мертвецы, отравляя воздух, пока живые и мертвые не превратились в большую массу. Их били кнутом за различия в политических взглядах. Их увозили в полночь из Санкт-Петербурга — милу за милей, неделю за неделей, месяц за месяцем, по снегам, без единого слова объяснения, зная только по звону множества колоколов, что в длинной процессии были и другие заключенные. Теперь их надежды загорелись рассказами Хоффмана о планах Русских по торговле мехом. Путь по бескрайнему морю, кажется, всегда ведет к безграничной свободе.

Короче говоря, прежде чем покинуть Хоффмана, они дали себе клятву попытаться захватить судно, торгующее пушниной, чтобы сбежать через Тихий океан. Стефанов, обычный каторжник, был единственной опасностью. Он мог поиграть в шпиона и получить свободу, предав всех. Чтобы предотвратить это, каждый человек должен был подписать свое имя в признании цели заговорщиков. Хоффман должен был последовать за ними, как только сможет. Тем временем он сохранил документы, написанные по-немецки, и поляк Бенъовский был избран старостой.

Казачьи гвардейцы с угрюмым видом возвращались после азартной игры. Изгнанников посадили в сани, запряженные лосями, и оставшаяся тысяча миль до Тихого океана

возобновилась. Но от кутежа у солдат разболелись головы. На первом же привале они снова играли в азартные игры. Нашестой день пути удача так сильно отвернулась от одного солдата, что он проиграл все свое имущество капитану войск, пришел в неописуемую ярость и обозвал своего офицера каким-то мерзавцем. Офицер беспечно принял добычу, проглотил оскорбление и приказал другим казакам связать парня и дать ему сотню ударов плетью.

На мгновение воцарился ужас. Даже среди казаков существуют некоторые неписанные законы. Играть на равных, когда были деньги для победы, а затем вести себя как деспот, когда его обижали, было не по законам молодцов среди казаков. Прежде чем офицер понял, где находится, его схватили, выволокли из палатки, раздели догола и выпороли по голой спине тремя сотнями ударов.

Он все еще ревел от ярости, боли и страха, когда по дороге из Якутска с грохотом пронесся курьер с сообщением, что Хоффман скорострительно скончался, оставив некие бумаги, подозреваемые в заговоре, которые были направлены для изучения командующему тихоокеанским флотом. Курьер передал бумагу гвардейскому офицеру. Ни один казак не умел читать по-немецки. Что это были за бумаги, перепуганные ссыльные знали. Если весть о заговоре достигнет Тихого океана, их могут ожидать побои, возможно, увечья или пожизненное безнадежное рабство в цепных бандах на шахтах.

Оставался один шанс на неприятное разоблачение — казачий офицер искал у изгнанников защиты от своих людей. Целую неделю кавалькада угрюмо двигалась дальше, солдаты открыто насмехались над офицером, офицер в ужасе за свою жизнь, изгнанники тряслись от страха. Дорога вела к быстрой, несколько опасной реке. Казакам было приказано переплыть упряжку лосей. Офицер отправился на плоту охранять пленников, от благополучной доставки которых зависела его собственная жизнь. Со взрывами смеха, которые нельзя было расценить как неповиновение, казаки оттеснили фыркающих лосей к плоту. Ловкий рывок с шеста какого-то невидимого ныряльщика вниз, и груз на плоту перевернулся вверх дном посреди реки, а командир пошел пятками вверх! Когда офицер и ссыльные, мокрые, как водяные крысы, выбрались на берег, казаки приветствовали их криками. Офицер и заключенные разожгли костер, чтобы высушить одежду. Солдаты вытащили бочонки с бренди и вскоре погрузились в такой глубокий пьяный сон, что ни один из гвардейцев не поднялся на ноги. Беньовский подождал, пока командир тоже уснет. Затем поляк, осторожно, как кошка по граненому стеклу, доковылял до сушащегося у камина пальто, достал пачку документов и обнаружил то, чего так боялись изгнанники, — бумаги Хоффмана на немецком языке с приказом командующему тихоокеанским флотом держать заговорщиков в оковах до тех пор, пока в следующем году не придут инструкции из Санкт-Петербурга.

Заключенные поняли, что в одном отчаянном броске костей нужно рискнуть всем. "Я и время против всех", - гласит пословица. Новый караван вряд ли придет до весны. А пока им придется играть против времени. Сожгли пакет дотла, заменив его поддельным приказом, предписывающим командующему тихоокеанским флотом обращаться с ссыльными со всей свободой и великодушием и переправить их первым же пароходом на Камчатку.

Губернатор Охотска поступил точно так, как было указано в пакете. Он выпустил их условно-досрочно. Он снабдил их одеждой и деньгами. Он переправил их на Камчатку на первом же отплывающем судне "*Святые Петр и Павел*" с сорока тремя членами экипажа и десятью

пушками, которое только что вернулось после наказания американских индейцев за массовое убийство русских.

Меньше чем через два дня после той ночи, когда их вывезли из Санкт—Петербурга, изгнанники достигли места назначения - небольшого бревенчатого форта или *острога* в Большереске, примерно в двадцати милях от моря на внутренней стороне Камчатки, в ста пятидесяти милях по суше от Тихого океана. Гребная лодка, везущая изгнанников вверх по течению, встретила плоты рабочих, скользящих вниз по течению. Плоты и гребная лодка остановились в пределах досягаемости. Плотовщики хотели узнать новости из Европы. Беньовский ответил, что у изгнанников нет новостей. "Кто вы?" - прямо спросил офицер. Всегда и бессознательно играя роль героя мелодрамы, Беньовский ответил— "Когда-то солдат и генерал, а теперь раб". Со стороны плотовщиков раздались взрывы смеха. Разгневанный поляк был готов прыгнуть за борт и выпороть их перед человеком за их насмешки; но они крикнули: "Я не хотел вас обидеть": они тоже были изгнанниками; их смех был желанным; они достаточно пострадали на Камчатке, чтобы знать, что когда люди должны смеяться или плакать, лучше, гораздо лучше смеяться! Даже когда они смеялись, навернулись слезы. Развернувшись, плоты развернулись и сопроводили новоприбывших в крепость, где их заперли на ночь. В конце концов, добро пожаловать в изгнание было своего рода сардоническим весельем.

Камчатка занимает почти такое же положение в Тихом океане, как Италия в Средиземном море или Норвегия в Северном море. Его жители были кочевниками, дикими, как американские индейцы, но Россия разместила гарнизоны казаков — сборщиков дани мехами — по всему полуострову, из которых четыреста обычно переезжали с места на место, триста дислоцировались в Большереске, резиденции правительства, на внутреннем побережье полуострова.

Сама столица представляла собой любопытное скопление бревенчатых хижин, прилепившихся на задворках заперделья, со всеми золотыми кружевами, придворным атласом и полковыми формальностями Санкт-Петербурга в миниатюре. На одной стороне глубокого оврага находился форт или *острог*- обнесенный частоколом двор примерно из двухсот или трехсот домов, соединенных вместе, как фасад улицы, с залами собраний, жилыми комнатами и столовыми по одну сторону прохода, кухнями, помещениями для прислуги и казармами для казаков по другую сторону прохода. Две или три улицы с такими двухрядными домами составляли форт. В немногих домах было больше трех комнат, но комнаты были большими, как залы, некоторые размером сто на восемьдесят футов, с тесаными полами, бревенчатыми стенами с глиняными щелями, окнами из пергамента и мебелью, вырезанной из зеленых горных елей. Но роскошная гостиная компенсировала скудость обстановки. В каждой комнате звенели сверкающие самовары. Грубый пол скрывали ковры из бесценного меха. Китайские шелка, японские дамаски — восточные гобелены, контрабандой ввезенные торговцами мехами, — покрывали стены; и в самые богатые шелка были одеты русские офицеры и их дамы, вынужденные коротать время здесь, где единственным перерывом в однообразии было прибытие новых кораблей из Америки или изгнанники из Санкт-Петербурга, или азартные игры, или выпивка, или танцы, или пиршество долгими зимними ночами напролет, с, возможно, дуэлью утром, чтобы расплатиться с полуночными долгами. Сразу за глубоким оврагом от форта находилось поселение другого

типа — десять или дюжина *юрт*, круглые дома с соломенными крышами, наполовину находящиеся под землей, как погреба, сгруппированные вокруг квадратного зала или казармы в центре. В этой деревне жили ссыльные, зарабатывавшие на жизнь охотой или служившие слугами у казачьих офицеров.

Итак, сюда прибыли Беньовский и его спутники, которых хорошо приняли благодаря отправленным поддельным письмам, но нельзя было терять времени, поскольку первая весенняя посылка по суше могла раскрыть их заговор. Плотовщики, которые приветствовали их, теперь стали хозяевами и приютили новоприбывших. Шест был приставлен к образованному русскому, который провел восемь лет в изгнании.

- Как ты это выдерживаешь? Ты слишком боишься смерти, чтобы осмелиться нанести один удар во имя свободы? - Спросил Беньовский своего собеседника, когда они сидели за чаем в тот первый вечер.

Но шпион мог бы задать тот же вопрос. Русский уклонился от ответа и несколько часов спустя показал поляку путеводители, среди которых были карты Филиппин, куда могли бы отправиться двадцать или тридцать изгнанников, *если бы у них был руководитель*.

Лидер? Беньовский вскочил на ноги, держа руки на пистолете и кортике, которыми он был вооружен тем утром, когда губернатор Нилоу условно-досрочно освободил их для охоты. Лидер? Были ли они мужчинами? Было ли это поселение тоже готово восстать, если бы у них был лидер?

Нельзя терять ни минуты! В течение месяца, осторожный, как человек, живущий над вулканом, польский дворянин завербовал двадцать новобранцев из поселения изгнанников, обязанных клятвой хранить тайну, и еще двадцать человек из команды моряков-изгнанников, вернувшихся из Америки, взбунтовавшихся из-за жестокого обращения со стороны их капитана. В дополнение к секретности, каждый заговорщик обязался безоговорочно и немедленно подчиняться Беньовскому, своему шефу, и собственноручно убить любого члена банды, признанного виновным в предательстве. Но наибольшую власть поляку придавало его родство с губернатором. Приезд молодого дворянина внес оживление в общественную жизнь унылого маленького форта. Он был назначен секретарем губернатора Нилоу и наставником его детей. Дама губернатора была вдовой шведского изгнанника, и поляку потребовалось всего несколько бесед, чтобы выяснить, что жена и семья больше благоволили изгнанникам, чем их русскому господину. На самом деле добрая женщина предложила поляку, чтобы он не позволил ее шестнадцатилетней дочери стать женой казака, женившись на ней сам.

Первым шагом поляка было попросить у губернатора разрешения основать колонию фермеров-изгнанников на юге полуострова. Просьба была удовлетворена. Это создало хороший предлог для сбора провизии, которая понадобилась бы для путешествия по Тихому океану; но когда изгнанники дополнительно запросили судно для торговли пушниной, чтобы перевезти провизию в новую колонию, их план был отвергнут ничего не подозревающим губернатором, предоставившим им полсотни гребных лодок, слишком хрупких, чтобы отплыть на милю от берега. Казалось, не было другого выхода, кроме как силой захватить судно и сбежать, но Беньовский снова тянул время. Дочь губернатора раскрыла его заговор через свою служанку, планирующую последовать за одним из изгнанников в море; но вместо того, чтобы выдать его своему русскому отцу, она пообещала прислать ему обрезки красных ниток в качестве сигнала опасности, если губернатор или его канцлер пронюхают об измене.

Их единственной целью было убраться из Азии до того, как из Якутска по суше поступят свежие приказы. В апреле гавань все еще была скована льдами, но *"Святые Петр и Павел"*, вооруженное судно, доставившее изгнанников через море с материка, стояло в порту и уже набирало команду для летнего путешествия в Америку. Поляк послал двенадцать своих людей записаться в команду и каждую ночь запасаться провизией в трюме. Остальные члены группы были заняты изготовлением патронов и покупкой или одалживанием всего огнестрельного оружия, которое они могли раздобыть под предлогом охоты. От человека к человеку тайно передавался слух, что, когда на конце флагштока над хижиной Беньовски будет поднят фонарь, все должны будут собраться для строительства поселения через овраг от форта.

Кризис разразился еще до открытия гавани. Беньовский путешествовал на санях вглубь страны вместе с губернатором, когда ночью к нему пришел изгнанник с известием, что у одного из заговорщиков сдали нервы и он решил спасти свою шкуру, признавшись во всем губернатору.

Предатель даже сейчас упорно шел по следу, чтобы настичь губернатора. Ни секунды не колеблясь, Беньовский отправил посыльного с флажкой отравленного бренди обратно на встречу с этим человеком.

Едва поляк вернулся в свою хижину в деревне изгнанников, как дочь губернатора пришла к нему в слезах. Исмилов, молодой русский торговец, который всю зиму пытался присоединиться к заговорщикам в качестве шпиона, шел по следу, когда предателя отравили, и даже сейчас находился наедине с губернатором Ниловым.

Это было ночью 23 апреля. Не успела дочь уйти, как на флагштоке зажегся свет, мост через овраг был сломан, из подвалов вытащили оружие, окна и двери забаррикадировали, часовых расставили в укрытиях вдоль рва между деревней и фортом. В течение целого дня не поступало никаких известий. Губернатор и канцлер все еще были заняты допросом свидетелей. Утром пришла горничная от дочери губернатора с предупреждением красной нитью, и не слишком скоро, потому что в десять часов казачий сержант принес вежливое приглашение от губернатора составить господину Беньовскому компанию за завтраком.

М. Беньовский отвечает вежливым сожалением о том, что ему немного нездоровится, но надеется доставить себе удовольствие позже.

Сержант подмигнул и высказал мнение, что разумнее действовать честным путем, чем тащиться за собой основными силами.

Поляк посоветовал сержанту составить завещание, прежде чем повторять эту угрозу.

Полдень увидел, как двое казаков и офицер с грохотом ломятся в дверь поляка. Дверь широко распахнулась. Вошли вооруженные до зубов солдаты; но прежде чем перестали отбивать ритм их каблуки, дверь снова закрылась. Беньовский свистнул. Дюжина изгнанников поднялась с пола. Казаки и тюремщики сбились в кучу. Солдат связали с головы до ног и запихнули в подвал. Тем временем часовые, спрятавшиеся в овраге, схватили Исмилова, племянника канцлера, и двух других русских, которые были добавлены к пленникам в подвале; и губернатор изменил свою тактику. Было получено письмо от дочери губернатора, умолявшей своего возлюбленного приехать и помириться с ее отцом, у которого теперь не было предубеждения против изгнанников; но в письме были две или три крошечные красные нитки, какие можно было бы вытащить из рукава платья. Письмо было написано под давлением.

Ответом Беньовски было расставить свои пятьдесят семь человек тремя дивизиями вокруг деревни; одну вокруг дома, самую большую, скрытую в темноте на стороне форта у оврага, группу-приманку разместили во рву, чтобы отвлечь атаку.

К полуночи часовые сообщили, что основная группа казаков достигла оврага. Приманка оказала ложное сопротивление. Казаки вернулись в форт за подкреплением. Поляк подождал только, пока почти все казаки окажутся на берегу рва, затем, приказав небольшому отряду приманки продолжать притворный бой, направил свои основные силы в темноте через равнину бегом к форту. Частоколы были взломаны, ворота выломаны, стражников закололи на месте! Люди Беньовского снова забаррикадировали форт и ворота, прежде чем губернатор смог прийти в себя. Когда Беньовский вошел в главные комнаты, разъяренный командир схватил пистолет, который не выстрелил, и бросился к горлу поляка, проревев, что скорее убьет изгнанников, чем сдастся. Поляк, будучи хромым, отступил под натиском, когда круговой удар кортика в руке офицера-изгнанника отделил голову губернатора от его тела.

Двадцать восемь казаков были преданы мечу внутри форта, но изгнанники еще не оправились от своих бед. Хотя они сразу же захватили вооруженное судно и перенесли в трюм всю добычу форта - меха, шелка, припасы, золото, — пройдет две недели, прежде чем лед покинет порт. Тем временем двести разбитых казаков отступили на холм и послали курьеров за помощью в другие форты Камчатки. В течение двух недель семьсот казаков будут на холмах, а изгнанники, чьи припасы находились на борту судна, будут отрезаны в форте и уморены голодом, чтобы сдаться.

Нельзя терять времени, Беньовский! Ни одна женщина или ребенок не пострадали, но все семьи в форте были быстро собраны в часовне. Вокруг него, снаружи, были свалены в кучу стулья, мебель, смола, порох, китовый жир. Ровно в девять утра три женщины и двенадцать молодых девушек — жены и дочери казачьих офицеров — были отправлены к осаждающим казакам на холме с сообщением, что, если казаки не сдадут изгнанникам оружие и не отправят пятьдесят солдат в качестве заложников для обеспечения безопасности изгнанников до отплытия корабля, — ровно в десять часов церковь будет подожжена.

Было видно, как женщины поднимались на холм. От казаков не поступало никакого сигнала. В четверть десятого Беньовский разжег костры в каждом из четырех углов церкви. Когда пламя начало подниматься, над холмом развевался лес носовых платков и белых простыней, и к форту примчался отряд солдат со всем оружием казаков и пятьюдесятью двумя заложниками.

Теперь изгнанники облачились во все пестрые мундиры русских офицеров. Из пушек прозвучал победный салют. Был спет *Te Deum*. Пир и безумное веселье продолжались день и ночь, пока гавань не опустела. Даже казаки уловили сумасбродный дух этой эскапады и помогли погрузить боеприпасы на *собор Святых Петра и Павла*. Не были прощены и старые обиды. Исмилоффа заковали на судне в кандалы. Секретаря канцлера схватили и заставили выполнять обязанности повара. Люди, игравшие в шпионов и тиранов, теперь почувствовали на себе беспощадный кнут. Свидетели, пытавшиеся проникнуть в заговор изгнанников, были повешены на рее. Девять женщин, родственниц ссыльных, которых вынудили стать женами казаков, теперь сбросили ярмо рабства, надели дорогие китайские шелка и присоединились к пиратам. Среди них была дочь губернатора, которая должна была выйти замуж за казака.

11 мая 1771 года польский флаг был поднят на *соборе Святых Петра и Павла*. Форт стрелял с Божьей скоростью — без сомнения, искренне — из двадцати одного орудия. Снова прозвучало

"*Te Deum*"; снова клятва повиновения, принесенная поцелуем шпаги Беньовского; и в пять часов вечера корабль вышел в море с девяноста шестью изгнанниками на борту, из которых девять были женщинами; один архидьякон; полдюжины офицеров императорской армии; один придворный дворянин императрицы; по меньшей мере дюжина осужденных, выкрашенных в самый черный цвет.

Остальные приключения Беньовски больше похожи на страницу из какого-нибудь пиратского романа, чем на трезвый отчет о событиях на западном побережье Америки. Едва судно обогнуло южный мыс полуострова, выходящий в Тихий океан, когда Исмилов, молодой русский торговец, которого подняли на борт в кандалах, поднял вокруг Беньовски такой шум мятежников, что на шканцах происходили дуэли, на недовольных снова надевали наручники, а зачинщиков привязывали к мачтам, где им наносили достаточно ударов кнутом, чтобы заставить их просить мира.

В середине мая судно бросило якорь у западного побережья острова Беринга, где велось тщательное наблюдение за русскими торговцами пушниной, и вооруженные люди должны были сойти на берег для разведки, прежде чем Беньовский осмелится сойти с корабля. Позиция поляка была достаточно рискованной, чтобы удовлетворить даже его мелодраматическую душу. За исключением четырех или пяти шведов, весь экипаж из девяноста шести человек был русским. Беньовский был за то, чтобы немедленно отплыть на юг, чтобы поселиться на каком-нибудь острове в Южных морях или потребовать защиты у какой-нибудь европейской державы. Русские изгнанники, половина из которых были преступниками, выступали за пиратское плавание вдоль побережья Тихого океана и вынудили поляка направить свое судно к островам охотников за пушниной на Аляске.

Люди, посланные на разведку острова Беринга, вернулись с известием, что, когда они собирали плавник на южном берегу, они услышали выстрелы и встретили пятерых русских, принадлежащих саксонскому изгнаннику, который стал охотником за пушниной, сместил капитана своих кораблей, собрал вокруг себя сотню изгнанников и сам стал торговцем. Саксонец попросил об интервью с Беньовски. Что должен был сделать поляк? Было ли это приманкой, чтобы испытать его на прочность? Планировал ли саксонец затопить и судно поляка? Ответ Беньовского состоял в том, что он был бы рад встретить своего саксонского товарища по оружию на южном берегу, причем с каждой стороны подходило только по четыре человека, которые немедленно складывали оружие при виде друг друга. Два пирата-изгнанника встретились. Каждая сторона сложила оружие, как и было условлено. Охотин, сакс, был тридцатилетним мужчиной, который прибыл изгнанником на судах по торговле мехами, собрал вокруг себя команду из ста тридцати четырех человек и, подобно поляку, стал пиратом. Его план встречи с Беньовским состоял в том, чтобы предложить отомстить России: позволить двум кораблям объединиться, вернуться в Сибирь и разграбить российские порты на Тихом океане. Но поляку надоела Россия. Он удовлетворился тем, что подарил своему брату-пирату сто фунтов боеприпасов; и двое изгнанников просидели у костра из плавника далеко за полночь, рассказывая о несбывшихся надеждах там, в Европе, и отчаянном предприятии здесь, на Тихом океане. Штаб-квартира сакса находилась на Кадьяке, где он заключил союз с индейцами. Сюда он посоветовал поляку отправиться за грузом мехов.

Мятежник Исмилов был выброшен на берег на острове Беринга. Ледоход, казалось, преградил путь на север через Берингов пролив. Июнь застал Беньовского далеко на востоке, в Кадьяке на

южном берегу Аляски, за сбором мехов; а с промыслов каланов в Кадьяке и Ооналаске Беньовский поплыл на юго-запад, мимо дымящихся вулканов Алеутских островов, направляясь, как ему казалось, к некоторым из тех островов Южного моря, о которых он читал в деревне изгнанников на Камчатке.

Ни один человек из команды не знал о навигации столько, сколько школьник. Они понятия не имели, куда плывут и где находится корабль. По мере того как день за днем пролетали незаметно, не видя ничего, кроме вздымающегося моря, русские сухопутные войска становились все беспокойнее. Провизия сократилась до одной рыбы в день, а в трюме оставалось едва ли по пинте воды на каждого человека. Бежали ли они из сибирской ссылки на худшую участь? Стефанов, уголовник, пересекший Сибирь с Поляком, выбежал на палубу, требуя увеличить количество воды по мере того, как корабль входил во все более теплые зоны. Следующее, что помнил поляк, это то, что Стефанов открыл крышки бочонков с водой, чтобы утолить жажду. К тому времени, когда охранник спустился через главный люк, чтобы перехватить его, Стефанов и группа русских мятежников выкатили бочки с бренди на палубу и устроили дикий дебош. Главный люк захлопнулся, оставив мятежников на палубе, пока все не впали в пьяное оцепенение, тогда Беньовский загнал своих солдат на носовой люк, защелкнул на мятежниках наручники и привязал их к мачтам. В разгар этого беспорядка над океаном разразился такой ураган, что перекладыны рей поочередно касались воды.

Конечно, Беньовский избежал ссылки, но его корабль был похож на осиное гнездо. После шторма все были заняты шитьем новых парусов. Старые паруса были розданы в качестве штанов команде-оборванцам. В течение десяти дней никто не ел ничего, кроме супа, приготовленного из шкур морских выдр. Затем были замечены птицы, и мимо судна проплыли морские водоросли; и в каждом сердце зародилась безумная надежда добраться до какой-нибудь части Японии.

На закате 15 июля сторожевая собака поляка была замечена стоящей на носу, принимающей и лающей. Двое или трое матросов бросились на топ мачты, клянясь, что не спустятся вниз, пока не увидят землю. Внезапно впередсмотрящий крикнул: "Земля!" Изгнанники забыли о своих горестях. Даже мятежники, привязанные к мачтам, ликовали. Туча на горизонте становилась все темнее и темнее. К рассвету туча превратилась в берег на глазах у нетерпеливо наблюдавшей команды. Едва корабль бросил якорь, как все люди бросились за борт в дикой погоне за пресной водой, которую можно было найти на суше. На острове были разбиты палатки, и морские скитальцы отдыхали.

В этом повествовании нет места рассказывать о приключениях Беньовского на филиппинском острове Лусон или на Ладронах, — что бы это ни было, — о том, как он потопил японские сампаны с золотом и жемчугом, участвовал в кампании на Формозе и оказался в Макао, Китай, где весь богатый груз морских выдр, привезенный из Америки, оказался сгнившим от воды; а Стефанов, уголовник, оставил поляка без средств к существованию, украв и продав всю японскую добычу.

Эта часть истории не касается Америки; вся жизнь поляка была рассказана венгерским романистом Йокаи и русским драматургом Коцебу.

Беньовски добрался из Китая в Европу на одном из кораблей Ост-Индской компании, капитану которого было не по себе из-за такого количества пиратов на борту. Во Франции он получил назначение присматривать за французскими фортами на Мадагаскаре; но это было слишком банальное занятие для любителя приключений поляка. Он отказался от своего назначения, вернулся в Европу, заинтересовал английских купцов новым предприятием, отплыл в Балтимор на *Роберте Энне* водоизмещением в двадцать пушек и четыреста пятьдесят тонн, заинтересовал тамошних купцов своими планами и отбыл из Балтимора 25 октября 1784 года, чтобы завоевать Мадагаскар и создать независимое коммерческое правительство. Здесь он был убит французскими войсками 23 мая 1786 года — к разорению тех балтиморских и лондонских купцов, которые ссудили ему капитал. Его собственный рассказ о своих приключениях полон грубых преувеличений; но даже русские были настолько впечатлены его доблестью, что несколько лет спустя, когда Кук отплыл на Аляску, Исмилофф не мог заставить себя упомянуть его имя; а когда английские корабли отправились на Камчатку, они обнаружили жителей, спрятавшихся в подвалах, опасаясь, что польский пират вернулся. Но, как и многие герои-неудачники, Беньовский терпеть не мог успеха. Это вскружило ему голову. Он въехал в Макао с видом императора, что сразу же дискредитировало его в глазах солидных людей. Если бы он вернулся на западное побережье Америки в качестве торговца мехами, он мог бы добиться от России больше почестей; но его план захватить остров, королем которого он должен был стать, закончился крахом для него самого и его друзей. [1]

[1] С таким же успехом можно признать, что Маврикий Август, граф Беньовский (произносится самим Беньовским), является лжецом, не имеющим равных среди авантюристов ранней американской истории. Если бы его жизнь не была известна знаменитым людям его времени, все его мемуары с 1741 по 1771 год можно было бы отвергнуть как вымысел желтого ордена; но самое смешное, что этот лживый парень в свое время произвел огромное впечатление. Гарнизоны Камчатки трепетали при упоминании его имени двадцать пять лет спустя после его выходов. Исмилофф, ставший известным трейдером в Русской меховой компании, не смог заставить Кука открыть рот по поводу поляка и фактически воспользовался всеобщим страхом перед Беньовским среди русских, чтобы помешать Куку узнать секреты русской меховой торговли, когда англичанин отправился на Камчатку, представив, что Кук тоже был пиратом. *Журнал для джентльменов* за июнь 1772 года содержал письмо из Кантона, датированное 19 ноября 1771 года, в котором содержался полный отчет о прибытии туда пирата со своими мятежниками и женщинами-беженками. Епископ Макао Лебон пишет 24 сентября 1771 года: "Из его экипажа осталось не более восьми здоровых мужчин. Все остальные прикованы к своим постелям. В течение двух месяцев они страдали от голода и жажды". Капитан Кинг из штаба Кука пишет о Камчатке: "Нам сообщили, что ссыльный польский офицер по имени Бениовский захватил галиот, стоявший у входа в гавань, и силой поднял на борт некоторое количество русских моряков, достаточное для управления им; что он высадил на берег часть команды ... среди остальных Исмилофф". В Париже он познакомился с Бенджамином Франклином и заинтересовал его. Гиацинт де Магеллан, потомок великого первооткрывателя, ссудил Беньовски деньги на мадагаскарскую флибустьерскую экспедицию. То же самое сделали

некоторые торговцы из Балтимора в 1785 году. Покидая Англию, Беньовский передал свои мемуары Магеллану, который передал их редактирование Уильяму Николсону из Королевского общества, которым они были представлены миру в 1790 году. Последовали переводы на немецкий, французский и русский. Это вызвало к жизни российское изложение этого вопроса, написанное Иваном Рюминым, отредактированное Бергом, Санкт-Петербург, 1822. Эти рассказы, дополненные фактами, приведенными современниками, позволяют проверить нелепые преувеличения поляка. В последние годы, между драмами и романами, возникла целая литература Беньовского об этом морском Калиостро. Его послужной список в континентальных армиях, предшествовавший его изгнанию, сам по себе занял бы целую книгу; и во всем этом Беньовский предстает в том же свете: беспринципный хвостун, великолепно лгущий, но при этом столь же храбрый, сколь и лживый.

[Примечание переписчика: "е" и "о" в приведенном выше "Be-nyov-sky" на самом деле являются e-macron (Unicode U+0113) и o-macron (Unicode U +014D).]

ЧАСТЬ II

АМЕРИКАНСКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ На ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ АМЕРИКИ —ФРЭНСИС ДРЕЙК В КАЛИФОРНИИ—КУК ОТ БРИТАНСКОЙ КОЛУМБИИ До АЛЯСКИ—ЛЕДЬЯРД, ПРЕДШЕСТВЕННИК ЛЬЮИСА И КЛАРКА—ГРЕЙ, ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ КОЛУМБИИ—ВАНКУВЕР, ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

ГЛАВА VI

1562-1595

ФРЭНСИС ДРЕЙК В КАЛИФОРНИИ

Как Морской скиталец подвергся нападению и погиб в детстве на Испанском мейне у берегов Мексики — Его месть заключалась в разграблении испанских сокровищниц и пересечении Панамы —Самый богатый человек в Англии, он плывет в Запретное море, затопляет все испанские порты на Западном побережье Южной Америки и захватывает Новый Альбион (Калифорния) для Англии

Если бы был открыт регион, где золото ценилось меньше, чем возы глины, а нитки жемчуга можно было получить в обмен на нитки стеклянных бус, современный разум имел бы некоторое представление о безумии, царившем в Испании после открытия Америки Колумбом. Местные храмы были найдены в Чили, Перу, Центральной Америке, Мексике, где стены буквально были выложены золотом, полы вымощены серебром, а горсти жемчуга так же бездумно бросались на колени завоевателям, как раковины в современную печь для запекания моллюсков.

В течение полувека с того момента, как Испания впервые узнала об Америке, Кортес не только проник в Мексику, но и послал своих корсаров к западному побережью континента. Писарро завоевал Перу. Испанские корабли вели торговлю, неслыханно богатую, между золотыми царствами Перу и островами пряностей на Филиппинах. Рыцарство испанской знати внезапно превратилось в рыцарство открытого моря. Религиозное рвение разгорелось дотла в этих отделанных золотом языческих храмах. Было легко поверить, что передача клиньев чистого золота из рук язычников в Испанию была настоящим ограблением дьявольских сундуков с сокровищами, прославленных в очах Божьих. Бескрайнее море стало путем к богатству. У Бальбоа были более глубокие мотивы, чем лояльность, когда в 1513 году, во время своего похода через Панаму и открытия Тихого океана, он бросился в воду по самую середину, громко выкрикивая, что он завладевает землей, воздухом и водой для Испании "на все времена, прошлые, настоящие или грядущие, без противоречий, ... северные и южные, со всеморями от полюса Арктики до полюса Антарктики, ... как сейчас, так и до тех пор, пока существует мир, до последнего судного дня". [1]

Если не вдаваться в подробности, мотивом было просто не допустить остальной мир к сокровищнице Испании. Доктрина Монро еще не родилась. *Весь Тихий океан должен был стать закрытым морем!* Конечно, Васко да Гама нашел путь вокруг мыса Доброй Надежды в Индийский океан; а Магеллан вскоре после этого прошел через пролив своего имени ниже Южной Америки прямо в Тихий океан; но кругосветное путешествие по Индийскому океану было непосильной задачей для крошечных судов водоизмещением в несколько сотен тонн; а Магелланов пролив был настолько подвержен штормам, что вскоре вошло в обиход выражение "закрытая дверь". Испания посылала своих моряков через Панаму строить корабли для Тихого океана. Море, уносившее ее корабль с сокровищами — миллионы и миллионы фунтов стерлингов в чистом золоте, серебре, изумрудах, жемчугах, — было так закрыто от остального мира, как будто окружено стеной с единственной цепью на воротах; и это в Панаме, где Испания хранила ключ.

То есть море *было* закрыто, пока Дрейк не обогнул весь мир; и его приход был настолько невозможен для испанцев, что половина кораблей с сокровищами, потопленных английским пиратом, принимала его за приезжего испанца, пока дружный клич "Бог и святой Георгий!" не пробудил их ото сна.

Англичане впервые оказались в водах Испанского Майна совершенно случайно. Джон Хокинс путешествовал по Вест-Индии, обменивая рабов на золото, когда на море воцарилась зловещая тишина. Пальмы приобрели жесткий блеск металлических листьев. Лишенное солнца небо

пожелтело, море приобрело медный оттенок; и прежде чем шесть английских кораблей смогли найти укрытие, разразился ураган, который погнал флот под разорванными в клочья парусами через Мексиканский залив к Веракрусу, оплоту испанского могущества.

[Иллюстрация: сэр Джон Хокинс.]

Но Хокинс не боялся ни человека, ни дьявола. Он убрал свои изорванные штормом паруса, привел в готовность затворы своих пушек, предупредил артиллеристов, поднял английский флаг и смело отбуксировал свой флот в порт прямо под испанские орудия. Отправив посыльного на берег, он объяснил, что сожалеет о вторжении в запретные воды, но ему нужно привести в порядок свои корабли для устранения протечек, и теперь он просит разрешения у вице-короля на переоборудование. Возможно, в глубине души английский авантюрист не жалел о том, что смог заглянуть внутрь обороны Мексики. Пока он ждал разрешения, в гавань вошел сам испанский флот - двенадцать торговых судов, переоборудованных под фрегаты, нагруженных сокровищами на сумму в один миллион восемьсот тысяч фунтов стерлингов. Флотом командовал сам вице-король Мексики дон Мартин Энрикес. Английские и испанские корабли обменялись флагами, как учтивые идальго могли бы снять шляпы; и орудия прогрехотали друг другу салют, отчего море всколыхнулось. Мастер Джон Хокинс осушал кружку за кружкой пенящегося пива, неистово хвастаясь, что, если испанцы вздумают напугать его пустой тратой пороха и дыма, он может сыграть в ту же игру и "подпалить бороду дону".

Затем прибыл гонец, одетый в кольчугу до зубов, очень напыщенный, очень любезный, с очень обильным приемом, с письменной гарантией от вице-короля безопасности Хокинса во время демонтажа английских кораблей. Чтобы избежать столкновений между простыми солдатами, англичанам для высадки был отведен укрепленный остров. Это было 12 августа 1568 года. Тьма опустилась вместе с теплой бархатной лаской тропического моря. Половина команды высадилась на берег, половина пушек была доставлена на берег для отправки на следующий день, когда Хокинс заметил факелы — тысячи факелов, — поблескивающие над кольчужными доспехами тысячи испанских солдат, марширующих из форта и быстро загружаемых на фрегаты. Рев испанских труб возвестил о вооружении! Внезапно воды озарились вспышками пяти пожарных плотов, дрейфующих прямо туда, где стоял на якоре разоруженный английский флот. Хокинс как раз подозревал своего пажа, чтобы тот разлил по кружкам пиво, когда пушечный выстрел, пробивший рычаги мачты над головой, вырвал кружку у него из рук. [2]

"Бог и святой Георгий, - гремел разъяренный англичанин, - долой дьяволов-предателей!"

Нет времени спасать моряков на берегу! Плавающие плоты уже столкнулись килем с пришвартованным флотом. Нет возможности поднять якоря! Испанские фрегаты уже сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть, солдаты поднимались на английские палубы, рубили саблями экипажи, швыряли ручные гранаты в люки, чтобы взорвать пороховые погреба. Хокинс взревел: "Перерезать тросы". Это была рукопашная бойня на скользких от крови палубах. Никакого света, кроме ружейного огня и отблесков горящих мачт! Маленький английский отряд сражался, как дикий зверь, попавший в ловушку, когда раздался раскат грома, оторвавший днище от корпуса — корабль Хокинса взлетел в воздух, превратившись в плавающие обломки, — а затем затонул во вздымающейся морской пучине, унося пятьсот испанцев в водяную могилу. С abordажной саблей в руке Хокинс кубарем полетел в море. Ад дыма, плавающих мачтовых опор, стрельбы из мушкетов, бурлящих вод — скрыл его. Затем конец веревки, брошенный кем-то из друзей, дал опору для рук. Он был на борту корабля, который обрезал тросы и отчалил до того, как прибыли пожарные плоты! Паруса были подняты навстречу морскому бризу. В кровавой бойне испанцы не заметили двух самых маленьких английских судов, несущихся по ветру, словно преследуемые дьяволом. Все лампы на палубах были погашены. Затем темнота

тропической ночи скрыла их. Без еды, без оружия, едва ли с остатками экипажей — два корабля дрейфовали в море.

Ни одному из матросов, находившихся на берегу, не удалось спастись. Все были зарезаны или взяты в плен для участи похуже бойни — быть разорванными на части на рыночной площади Вера-Крус, затравленными на улицах под крики зевак, подвешенными за руки к уличным лесам, чтобы умереть в нескольких дюймах от них или быть растерзанными стервятниками. Два корабля в море находились в ужасном положении. На севере, западе, юге был враг Испании. Еды не было. Экипажи съели собак, обезьян, попугаев, находившихся на борту. Затем они расставили ловушки для крыс в трюме. Умирующие от голода моряки умоляли высадить их на берег. Они рискнули бы подвергнуться жестокости испанцев, чтобы избежать голодной смерти. Хокинс высадил три четверти оставшихся экипажей либо на Юкатане, либо во Флориде. Затем он, прихрамывая, вернулся в Англию, где пришвартовался в январе 1569 года.

Из шести великолепных кораблей, поднявших паруса из Плимута, вернулись только "*Миньон* и "*Джудит*"; и этими двумя командовал коренастый рыжеволосый англичанин лет двадцати четырех — Фрэнсис Дрейк из Девона, один из двенадцати сыновей бедного священника, который зарабатывал на жизнь чтением молитв по воскресеньям королевского флота, играя в "Матросские будни". Фрэнсис, старший сын, родился в корпусе старого судна, где семья нашла убежище во время религиозных преследований. Несмотря на свое скромное происхождение, сэр Фрэнсис Рассел был его крестным отцом при крещении. Граф Бедфорд был его покровителем. Джон Хокинс, родственник, выделял деньги на его образование. Обучаясь мачтовому делу с двенадцати лет, Дрейк в восемнадцать стал казначеем в Бискайе; и он так добросовестно трудился, что, когда капитан шлюпа умер, он был завещан молодому Дрейку. Стремясь стать таким же великим моряком, как Хокинс, Дрейк продал шлюп и вложил все, что у него было, в предприятие Хокинса в Вест-Индии. Он был разорен до последнего пенни из-за испанского предательства. В то время для Англии было почти религией ненавидеть Испанию. Сейчас Дрейк ненавидел в десять раз больше. Испания научила мир держаться подальше от ее шкатулки с сокровищами. Примет ли Дрейк этот урок или оспорит его?

Люди, которые вершат судьбу, восстают, подобно Фениксу, из пепла собственных руин. Выражаясь языком улицы, когда они падают — эти люди судьбы, — они делают вид, что падают слестницы. Во время массовых убийств в Мексике Дрейк вспомнил об одном факте — испанском золоте стоимостью в миллион восьмьсот тысяч фунтов стерлингов. Откуда оно взялось? Был ли секрет этого золота истинной причиной негодования Испании против всех незваных гостей? Дрейк побывал на побережье Флориды и Вест-Индии. Он знал, что они не собрали такого урожая. Тогда он должен поступать из одного из трех других регионов — Южной Америки, Центральной Америки, Мексики.

В течение двух лет Дрейк искал источники этого золотого богатства. На *Dragon* и *Swan* он совершил круиз по Испанским Майнам в течение 1570 года. В 1571 году он снова вышел в море на *Лебеде*. К 1572 году он знал секрет этого золота — золота, загруженного кораблями, в караванах из тысячи мулов, в массах, заполнивших от подвала до чердака Королевскую сокровищницу, где собиралась дань в размере одной пятой для королевской семьи. Он шел из покоренного Королевства Перу, на лодке вверх по Тихому океану в порт Панама, вьючным обозом через перешеек — гористый, суровый, с мангровыми лесами, опутанными лианами, с

бездонными болотами — в Номбре-де-Диос, испанский форт на берегу Атлантики, который стал хранилищем всей Новой Испании. Дрейк ни с кем не советовался.

В следующем году он вернулся на Испанский материк, на "Паше", в составе сорока семи человек; его брат Джон командовал "Лебедем" с двадцатью шестью членами экипажа, только один мужчина старше пятидесяти, остальные - простые мальчишки с ненавистью в сердцах к испанской крови, любовью в сердцах к испанскому золоту. Заглянув в укромную бухточку за оставленной годом ранее провизией, Дрейк обнаружил следующее предупреждение от бывшего товарища, приколотое охотничьим ножом к коре дерева: —

"Капитан Дрейк, если вам повезет в этом порту, поспешите прочь; ибо испанцы предали это место и забрали все, что вы здесь оставили, — вашего любящего друга Джона Гаррета."

Вняв предупреждению, Дрейк поспешил на остров Пинос, недалеко от перешейка, оставил корабли здесь в укромной бухте, вооружив пятьдесят три самых отважных своих товарища мушкетами, арбалетами, пиками и гранатометами. Затем он позвал барабанщиков и трубачей и поплыл на маленькой лодке в Номбре-де-Диос, сокровищницу Новой Испании. Маленькая лодка держалась в море до темноты, затем была отправлена на берег за несколькими индейцами—полукровками, которых жестокость испанцев довела до восстания. Таким образом, силы Дрейка увеличились до ста пятидесяти человек. Бесшумно, как только луна вышла из-за облаков, осветив гавань и город, баркас скользнул в Номбре-де-Диос. Перед водой возвышалась высокая платформа с медной пушкой. Позади виднелись тридцать домов с соломенными крышами, побеленных, обнесенных частоколом, окруженных внутренними дворами с почти европейской пышностью. Королевская сокровищница стояла на одном конце рынка. Рядом с ним находилась часовня с высоким деревянным шпилем.

В порту лежал свернутый испанский корабль. Из него выплыла плоскодонка, которой испанец, как сумасшедший, управлял шестом, стремясь достичь платформы первым. Дрейк преградил парню путь, сбил его с ног, заглушил его крики и оказался на платформе прежде, чем сонный стрелок на посту окончательно проснулся. Часовой остановился только для того, чтобы убедиться, что люди, карабкающиеся по форту, не призраки. Затем он со всех ног помчался к набатному колоколу часовни и, захлопнув дверцу люка на шпиль лестницы перед носом преследующих его англичан, зазвонил в колокола, как одержимый демоном.

Оставив двенадцать человек удерживать платформу на случай отступления, Дрейк послал шестнадцать человек атаковать Королевскую сокровищницу как раз в тот момент, когда ему самому со своей сотней человек должно было удастся втянуть весь испанский гарнизон в фиктивное сражение на рыночной площади. Пушки на платформе были утыканы шипами и опрокинуты. Били барабаны, трубили трубы, горели факелы, английские флибустьеры маршировали прямо к рынку. Наверху, в Сокровищнице, Джон Дрейк и Оксенхэм распахнули двери кладовой как раз в тот момент, когда прискакали оседланные мулы, чтобы унести добычу за пределы опасности. В свете зажженной свечи на лестнице в подвал были видны сложенные слитки серебра стоимостью в миллион фунтов стерлингов. Внизу, на рынке, лежал мертвый английский трубач. Дрейк упал от удара мечом и, подхваченный товарищами, с перевязанной шарфом раной, был отнесен обратно на лодку, где налетчикам удалось спастись, став богаче на миллион фунтов, потеряв всего одного человека.

Дрейк курсировал по Испанским материкам еще шесть месяцев. От индейцев он узнал, что караваны мулов с ежегодной добычей перуанского золота покинут Тихий океан в середине зимы, чтобы пересечь сушу в Номбре-де-Диос. Бесполезно пытаться снова совершить набег на форт! Во второй раз Испанию не застигнут врасплох. Но Педро, индеец из Панама, вызвался проводить небольшой отряд легко вооруженных англичан вглубь страны за Номбре-де-Диос, к перевалочному пункту, где останавливались караваны с золотом. Смелость проекта не имеет себе равных. Восемнадцать юношей под предводительством мужчины, которому еще не исполнилось тридцати, в сопровождении индейцев должны были вторгнуться в непроходимую чащу враждебной страны, отрезанные от путей отступления, форты врага — самого жестокого врага в христианском мире — с каждой стороны, без провизии, кроме того, что каждый нес в своем ранце!

Ведомые индейцем Педро, флибустьеры пересекли местность, вышли на след за Номбре-де-Диосом, шли ночью, прятались днем, индейские разведчики сообщали о появлении испанца, англичане устраивали засаду в густом лесу. Они шли двенадцать дней и ночей. В десять утра 11 февраля они были на Великом Водоразделе. Педро повел Дрейка на вершину холма. По стволу огромного дерева индейцы вырубили ступени, ведущие к своего рода беседке или наблюдательному пункту. Наверх взобрался Фрэнсис Дрейк. Затем он посмотрел на запад.

Горы, холмы, поросшие лесом долины катились у его ног на запад. За ними — что? Сияющие просторы легендарного Южного моря! Тихий океан серебрился в утреннем свете! Новый Мир Вод, где солнечный след, казалось, прокладывал новый путь, золотой путь к мистическому Востоку! Никогда прежде глаза англичан не видели этих вод! Никогда еще английский нос не рассекал таких волн! К чему они привели — бесконечно накатывающие валы? Для Дрейка они, казалось, вели в Новый Мир Грез — грез о золоте, славе, бессмертной славе. Он спустился со смотровой площадки, настолько переполненный великим вдохновением, что не мог говорить. Затем, как и в случае с Бальбоа, огонь великолепного энтузиазма возвысил низменные намерения авантюриста до уровня зрелости. Перед своими последователями он упал на колени и взмолился Всемогущему Богу даровать ему высшую честь плавать на английском корабле по этому морю!

В ту ночь индеец вернулся с известием, что караван мулов, груженный золотом, уже близко по следу. Дрейк расставил своих людей по обе стороны дороги, уткнув их лица в высокую траву. Богатство было почти у них в руках. Надежда буйствовала в молодой крови. Ни звука, кроме жужжания крыльев огромных тропических насекомых, порхающих в темноте со вспышками огня; или лязга солдата, расстегивающего вещмешок, чтобы придать себе храбрости глотком грога! Прошел час! Прошло два часа, прежде чем жадные уши, прижатые к земле, уловили мягкий стук копыт по траве. Затем звякнул колокольчик, и в поле зрения появился вожак стаи. Опьяненный великолепием дня или перебрав грога, какой-то глупый матрос подпрыгнул в воздухе с ликующим воплем! Через секунду караван мулов обратился в паническое бегство.

К тому времени, когда Дрейк добрался до дома на полпути, [3] золото было спрятано в лесу, а испанцы спасались бегством; хотя в старой хронике говорится, что "генерал" ходил от дома к дому, заверяя испанских дам, что они в безопасности. Испанцы с Огненной земли были просто парализованы страхом при появлении пиратов в центре королевства. Затем разведчики донесли о двойной опасности: со стороны Атлантики испанские фрегаты искали корабли Дрейка; с Тихого океана двести всадников продвигались по горячим следам. Между этими

двумя — был ли он в ловушке?— Не он! Оверленд отправил разведчика к кораблям — золотую зубочистку Дрейка в качестве жетона, — приказав им держаться подальше от берега; он найдет способ выйти к ним. Затем он молниеносно отступил по тропе, спал только в засаде, ел урывками, выходя на побережье, далеко удаленное от Номбре-де-Диос и испанских фрегатов. Связав плавник в плот, Дрейк поднял парус из мешков с мукой. Прощаясь с индейцем, флибустьер заметил, что взгляд Педро скользнул по турецкому кинжалу с золотым тиснением в его собственной руке, и сразу же протянул изумленному дикарю ножны и клинок. В благодарность индеец бросил три золотых клинья на плот, который сейчас уходил с отливом в море. Дрейк раздал их своим людям. Шесть часов плот дрейфовал под парусами, и такие волны захлестывали затопленные коряги, что люди были по пояс в воде, когда на помощь пришли парусники.

Утром в воскресенье, 9 августа 1573 года, корабли снова были в Плимуте. По собравшимся прихожанам церковью пробежал шепот, что Дрейк, отважный морской разбойник, входит в порт, нагруженный иностранными сокровищами; и все мужчины, женщины и дети бросились вон, оставив возмущенных проповедников с грохотом бросаться к пустым скамьям.

Теперь Дрейк был одним из богатейших людей Англии. За свой счет он снарядил три фрегата для службы под командованием Эссекса в Ирландии и через молодого графа был введен в круг советников Елизаветы. Королеве он рассказал о своих планах плавания на английском корабле по Южному морю. Ей, без сомнения, он рассказал истории об испанском золоте, перевозимом по этому морю, закрытому для остального мира. Хороший повод для Англии — врага Испании — доказать, что океан, как воздух, свободен для всех наций! Булла папы Римского, разделяющая южное полушарие между Португалией и Испанией, мало что значила для воинственно настроенной протестантской нации и еще меньше для моряка, чья бесстрашная отвага превратила его из портовой крысы в советника королевы. Елизавета еще не могла нанести Испании открытый удар, но она приняла Дрейка на аудиенции и подарила ему великолепный меч со словами: "Кто поражает тебя, Дрейк, поражает и нас!"

Queen Elizabeth knighting Drake.

[Иллюстрация: королева Елизавета посвящает Дрейка в рыцари.]

На этот раз пять кораблей он вывел из Плимута в ноябре 1577 года. Штормы отбросили его назад. Только в декабре его флот вышел в море — "Пеликан водоизмещением в сто тонн и двадцатью или тридцатью пушками под командованием Дрейка, "Томас Даути", второй придворный после Дрейка, "Элизабет водоизмещением в восемьдесят тонн, "Лебедь, "Кристофер" и "Мэриголд" не крупнее рыбацкой шхуны; всего сто шестьдесят матросов, в основном мальчишек.

Миру сообщили, что корабли направлялись в Египет для торговли, но как торговые суда, они были по—королевски экипированы - Дрейк в бархате и золотой тесьме, прислуживал десяти молодым джентльменам благородного происхождения, которые никогда не садились и не накрывали в его присутствии без разрешения; сервировка золотой посудой за обеденным столом, где Дрейк ужинал в одиночестве, как король, под музыку виол и арф; военные учения в каждом порту, а на борту достаточно провизии, чтобы совершить кругосветное путешествие, а не только в Египет.

В январе флот находился достаточно далеко от Египта, у островов у западного побережья Африки, где были затоплены три судна, все экипажи высадились на берег, но одного португальского лоцмана взяли с собой в Бразилию в качестве проводника. Томас Даути теперь попал в немилость, открыто действуя как равный Дрейку командир. Не в Египте, а в Порт-Сент—Джулиане - южной гавани Южной Америки — бросил якорь флот Дрейка. Эшафот, на котором Магеллан казнил мятежников полвека назад, все еще стоял в песках.

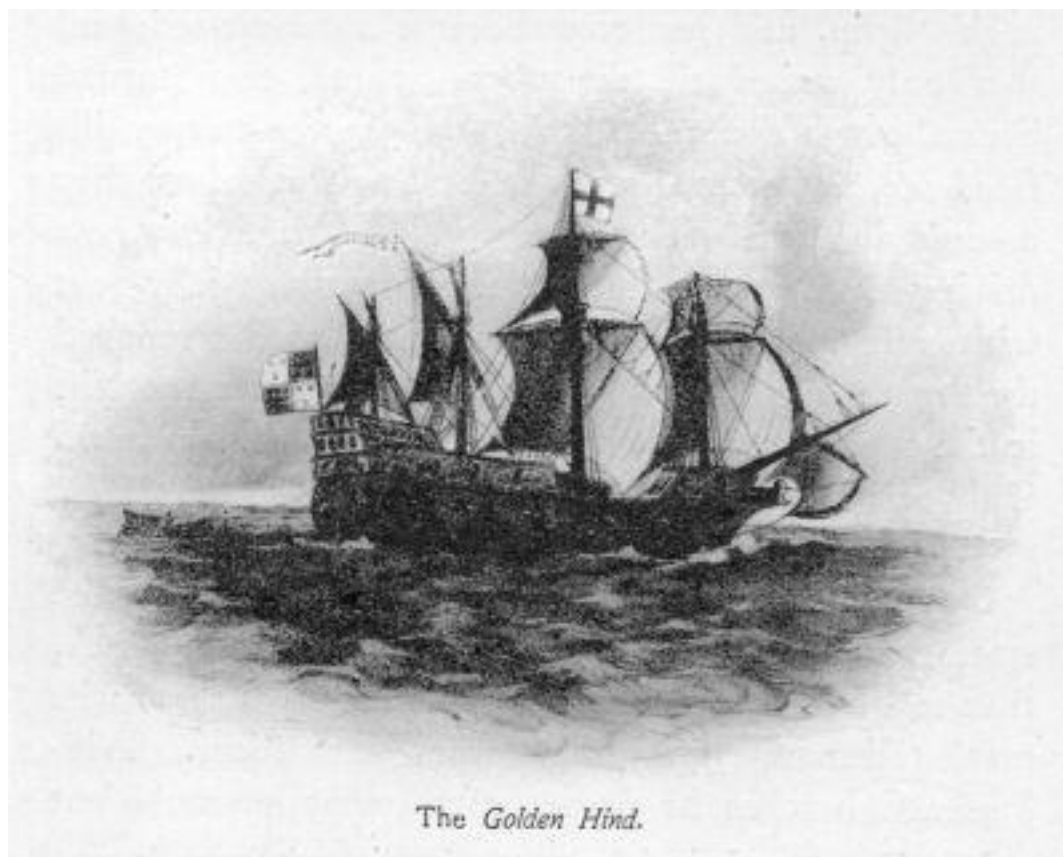
"Кристофер" уже был отправлен по течению за ненадобностью. "Лебедь" был списан как непригодный для плавания, остались только "Пеликан", "Элизабет" и "Мэриголд". Оставалось сделать еще одно — нанести самое большое пятно на славу Дрейка. Даути вел себя вызывающе, партия росла в его пользу. Когда его отправили в качестве пленника на "Мэриголд", он разозлил каждого члена экипажа своим своеволием. Дрейк не осмеливался отправляться в неизвестные, враждебные моря из-за мятежа или вероятности того, что мятеж назревает. Справедливо или нет, но Даути предстал перед судом в Порт-Сент-Джулиане под сенью старого эшафота Магеллана за неуважение к своему командиру и мятеж; и присяжные из двенадцати человек признали его виновным. Совет из сорока человек проголосовал за его смерть. Свидетели противоречили сами себе, словно опасаясь неудовольствия Дрейка; а некоторые прямо утверждали, что ревнивая команда "Мэриголд" приговорила к смерти ни в чем не повинного джентльмена. Единственное, чего Дрейк не стал бы делать, так это брать с собой в путешествие смутьяна. Подобно доминирующим духам по всему миру, он не позволял жизни более или менее препятствовать его цели. Он предоставил Даути выбор судьбы — быть заброшенным в Патагонию или умереть на месте. Заявляя о своей невинности, Даути отверг малейшее одолжение своего соперника. Он отказался от этого выбора.

Эти двое, обвинитель и обвиняемая, торжественно приняли Святое Причастие вместе. Каждый торжественно призвал Бога в свидетели истины. Каждый из этих пиратов провел по дню в молитве, которые смешивали свою религию с грабежом, возможно, используя благочестие как приукрашивание своих злодеяний. Затем они вместе поужинали в палатке командующего — Флетчер, перепуганный капеллан, наблюдал за происходящим, — весело выпили за здоровье друг друга, за путешествие друг друга, каким бы ни был конец, смотрели друг другу в глаза, не дрогнув, беспечно разговаривали, никогда не теряя мужества и не останавливаясь перед мрачной тенью собственного упрямого нрава. Затем Даути поднялся на ноги, допил свой последний бокал, любезно поблагодарил Дрейка за былую доброту, спокойно подошел к старому эшафоту, положил голову на плаху и принял смерть. Ужас охватил команду. Даже Дрейк утратил свое обычное спокойствие; он сидел в стороне, откинув бархатный плащ, хлопал себя по скрещенным коленям и ругал защитников мертвеца. [4] Чтобы подбодрить людей, он отслужил торжественную службу для экипажа и впервые раскрыл им свой проект путешествия по Тихому океану. Расписав славу кампании против испанских портов Южных морей, он завершил вдохновляющую речь воодушевляющей уверенностью в том, что после этого путешествия *"самый плохой парень на борту никогда больше не выйдет в море, но сможет жить в Англии как подобает хорошему джентльмену"*. Флетчер, капеллан, который тайно защищал дело покойного, был привязан к столбу мачты в Бильбоусе, а на его шее висела надпись: *"Самый лживый негодяй на свете"*.

17 августа они отправились из "проклятого порта" в Магелланов пролив, который должен был привести к испанским богатствам на Тихом океане. [5]

Опасения суеверных экипажей о катастрофе из-за гибели "Даути", казалось, стали вполне реальными в ужасающих штормах, обрушившихся на три корабля, когда они вошли в пролив. Штормовые волны достигали высоты тридцати футов, угрожая затопить маленькое суденышко. На юге сквозь туман темнели горы. Бурлящие воды встречались с носами кораблей от конца до конца пролива. 6 сентября, когда корабли вышли с западной стороны в Тихий океан, были спущены марсели, пропеты благодарственные псалмы и вознесены молитвы. В честь первого английского судна, вошедшего в этот океан, Дрейк переименовал свой корабль в "Золотую

лань". Штормы продолжались с такой яростью, что Дрейк в шутку назвал море *Mare Furiosum* вместо Тихого. В первую неделю октября штормы вынудили суда встать на якорь. В бушующей темноте той ночи за кормой "Голден Хинд" раздался взрывной треск рвущегося троса. Из волн донеслись страшные крики о помощи. Темный силуэт призрачного корабля, покачиваясь, пронесся мимо в бурном море — "Мэриголд" дрейфовал, сорвавшись с якоря, направляясь в открытый шторм; страшный приговор — как подумали слушатели — за ложные показания команды против Даути; ибо, как говорится в одной старой записи, "они никоим образом не могли удержаться от того, чтобы не броситься в море"; и "Мэриголд" больше никто не видел.

[Иллюстрация: Золотая лань.]

Тем временем на "Золотую лань" обрушилась настоящая катастрофа, трос оборвался, слабый, как нить, под напором прилива и ветра. Только "Элизабет" удержалась на якоре, и ее команду охватила такая паника, что они только дождались, пока шторм утихнет, затем повернули обратно через пролив, стремительно устремившись в бурное, злополучное море, и взяли курс прямо на Англию, где они пришвартовались в июне. На буксире у "Золотой лани", направлявшейся сейчас на юг перед бурей, была карусель с восемью матросами. Горные моря в конце концов оторвали буксирный трос от большого корабля, и люди плыли по течению в открытой лодке. Их судьба - это целая история сама по себе. Только один из восьми выжил и добрался до Англии после девятилетних скитаний по Бразилии. [6]

Вперед, свернув паруса, натянув голые шесты навстречу шторму, плыл Дрейк на *"Золотой лани"*. Удача, которая так часто благоприятствует смелости, или отвага, которая является его собственным талисманом, уберегла его от скал. С задраенными люками он гнал то, чему не мог помешать, все южнее и южнее, туда, где Атлантический и Тихий океаны соединялись у мыса Горн, теперь впервые увиденного штурманом. И вот, наконец, 30 октября наступило затишье. Дрейк высадился на берег и завладел этим краем земли для Королевы. Затем он направил свой нос на север, к запретным водам Тихого океана, граничащим с Новой Испанией. Ни одного испанца не видели вплоть до залива Сан-Филипе у берегов Чили, где к концу ноября Дрейк наткнулся на индийского рыбака. Решив, что судно испанское, парень предложил провести его обратно за восемнадцать миль до гавани Вальпараисо.

Испанские суда покачивались на волнах, когда Дрейк заскользил в порт. Считалось настолько невозможным, чтобы какой-либо иностранный корабль вошел в Тихий океан, что испанский командующий флотом, стоявшим на якоре, приспустил знамена в знак приветствия пирату-еретику, приняв его за посланца из Испании, и ударил в барабан, приветствуя его, когда *"Золотая лань"* столкнулась килем с испанским барком. Дрейк, несомненно, улыбнулся и ответил на приветствие взмахом своей шляпы с плюмажем. Испанцы действительно достали кувшины с вином, чтобы утопить прибывших на берег, когда быстрое защелкивание железных крюков заключило испанское судно в смертельную схватку с *"Золотой лонгой"*. Английский матрос перепрыгнул через палубу на испанский галеон с криком *"Даун, испанские собачонки!"* Команда из шестидесяти английских пиратов набросилась на судно, как шершни, прежде чем бедный идальго понял, что произошло. Изумленные доны кубарем скатились в люк. Дрейк захлопнул люки и заманил испанцев в ловушку, пока его люди высаживались на берег, чтобы разграбить город. Одному испанцу удалось переплыть, чтобы предупредить порт. [7] Когда Дрейк высадился, все население бежало в горы. Из форта была вывезена богатая добыча в виде клиньев чистого золота и драгоценных камней. Не было пролито ни капли крови. Экипажи затонувших судов были высажены на берег, разобранные корабли отправлены дрейфовать в открытое море. Все это фиаско было разыграно безобидно, как мелодрама, с добавлением морали; ибо разве эти ревностные протестанты не грабили этих ревностных католиков, чье рвение, в свою очередь, привело их к ограблению индейца? Мораль была, но она носила многоцветный окрас.

Francis Drake.

[Иллюстрация: Фрэнсис Дрейк.]

Индеец был вознагражден, и греческого лоцмана заставили сесть на борт, чтобы он направился в Лиму, великую сокровищницу перуанского золота. Потеряв всякую надежду на то, что к нему присоединятся другие английские суда, Дрейк остановился в Кокимбо, чтобы собрать небольшой шлюп, когда на него набросились пятьсот испанских солдат. В дикой схватке за "Золотую лань" один моряк остался позади. Испанцы разорвали его на куски на глазах у команды Дрейка. Нортлинг снова отплыл на Дрейке, который грек вел от берега до Тарапаки, где испанские сокровища были отправлены за холмы в ожидании вызова корабля; и действительно, крепко спящий на солнце, утомленный путешествием, лежал испанский перевозчик, а рядом с ним на песке были сложены тринадцать слитков серебра. Когда этот перевозчик проснулся, его

позвал корабль! Чуть дальше англичане пришвартовались и отправились в глубь материка, чтобы посмотреть, не прибудут ли из-за холмов ещесокровища. По овечьим тропам шел парень, насвистывая, он гнал восемь перуанских овец, нагруженных черными кожаными мешками, полными золота.

Люди Дрейка были опьянены своим успехом. Было невозможно напасть на Панаму, имея только *"Золотую лань"*; но что, если *"Золотая лань"* смогла бы захватить *"Славу Южных морей"*— великолепный испанский галеон, который ежегодно доставлял перуанское золото в Панаму? Дрейк получил первые известия о корабле с сокровищами, находящемся на плаву, когда он грабил три барки в Арикаре ниже Лимы; но он знал, что курьеры уже мчались по суше, чтобы предупредить столицу о *Золотой лани*. Дрейк поднял паруса, чтобы опередить *"Сухопутный вестник"*, и заскользил в Кальяо, порт Лимы, прежде чем тридцать разобранных кораблей успели заподозрить его присутствие.

Вице-король Лимы Дон Франсиско де Толедо счел сухопутного курьера сумасшедшим. Пират-еретик в Южных морях! Нелепо! Какой-то испанский негодяй превратился в пирата; поэтому губернатор собрал две тысячи солдат, чтобы со всей скоростью двинуться на Кальяо, разгневанный и быстро наказавший виновного. Дрейк уже разграбил Кальяо, но он опоздал на корабль с сокровищами. Он только что отплыл в Панаму. *"Золотая лань"* стояла за пределами порта, охваченная штилем, когда дон Толедо высадил на причалы свои две тысячи солдат. Испанцы с диким криком бросились на разграбленные корабли! Он успокоился, мерзавец— пират, — кем бы он ни был, - они возьмут его на буксир! Божественное Провидение, несомненно, отдало его в их руки; но как только они начали грести вовсю, свежий ветер взъерошил воду. *Золотая лань* расправила крылья по ветру и улетела, как птица! Дрейк знал, что ни один корабль на плаву не сможет обогнать его быстроходное суденышко, а испанцы погрузились на корабль в такой спешке, что пришли без провизии. Голод заставил преследователей вернуться к экватору, и возмущенный вице-король поспешил снарядить фрегаты, которые поймали бы английского пирата, когда голод вынудит его направиться на юг.

Дрейк ослабил паруса, чтобы захватить еще один груз золота. Экипаж этой каравеллы был так благодарен за то, что его высадили на берег вместо того, чтобы перерезать им глотки, что поведал Дрейку волнующий факт: *"Слава Южных морей"*, корабль с сокровищами, всего на два дня опередил его, груженный несметными золотыми сокровищами.

Теперь началась дикая гонка за золотом — за золотом, достаточным, чтобы обогатить каждого члена команды; за сокровищами, на которые можно было купить полдюжины европейских королевств и сделать покупателя богатым; за золотом в огромных слитках в форме легендарных клиньев, давным-давно подаренных правителям инков потомками богов; за золотом, которое можно было добыть, нанеся один верный удар врагу Англии! Дрейк призвал команду вести себя по-мужски. Матросы ответили криком. Был натянут каждый дюйм парусов. Старые мушкеты и сабли были вычищены до блеска, как солнце. Люди вскарабкались на мачты, чтобы посмотреть в сторону моря и увидеть парус на носу. Каждый нерв был напряжен. Теперь они пересекали экватор. Еще несколько сотен миль, и *Слава Южных морей* будет в безопасности внутри мощной гавани Панамы. Дрейк приказал приготовить к бою тридцать пушек и громким голосом предложил свою золотую цепь тому, кто первым увидит паруса *"Испанского сокровища"*. На этот раз удача отвернулась от него. Ветер внезапно стих. Прежде чем Дрейку понадобилось отдать приказ, его "храбрые парни" были на палубах и в маленьких лодках гребли изо всех сил,

буксируя *"Золотую лань"*. Начиная с двадцать четвертого февраля, ни днем, ни ночью они не расслаблялись, почти не останавливаясь, чтобы поесть или поспать. Чтобы не упустить грандиозный приз, увидев, как *"Слава Южных морей"* входит в Панамский залив на последнем круге отчаянной гонки, эти отважные пираты пропахали борозду вокруг света, бросая вызов смерти или дьяволу!

В три часа пополудни 1 марта Джон Дрейк, брат командира, крикнул с верхушки мачты, за которую он цеплялся: "Эй, паруса!" - и кровь каждого англичанина на борту вскипела от этих слов! В шесть часов вечера, недалеко от мыса Франциско, они были так близко от *"Славы Южных морей"*, что могли видеть, что судно вынуждено плыть медленно из-за веса своего груза. Капитан настолько не подозревал об опасности, что принял Дрейка за посланца, посланного вице-королем, и вместо того, чтобы привести в готовность оружие и поднять паруса, он спустил паруса, встал на якорь и стал ждать! [8] Заявление Дрейка прозвучало под оглушительную канонаду, которая снесла мачтовые столбы с испанского корабля, покалечив его, как птицу со сломанными крыльями. В остальном сцена была такой, какая разыгрывалась везде, где пираты играли в свои игры — яростная пальба из жерл пушек, изрыгаемых с палуб и иллюминаторов, невредимый корабль, несущийся на шатающуюся жертву, как зверь на свою добычу, хлопки абордажных крюков, которыми пленник был привязан к бортам своего победителя, бег по палубам, блеск обнаженного меча, палубы, залитые кровью, и быстрая капитуляция. Добыча с этого корабля-сокровищницы была приблизительно оценена в двадцать шесть тонн чистого серебра, тринадцать сундуков с золотой посудой, восемьдесят фунтов чистого золота и драгоценные камни — изумруды и жемчуг, — что в современных деньгах составляет семьсот двадцать тысяч долларов.

Теперь Дрейк понял, что не осмелится вернуться в Англию Магеллановым проливом. Все испанские фрегаты Тихого океана были начеку. *"Золотая лань"* была так нагружена сокровищами, что пришлось облегчить балласт, выбросив за борт пряности и шелка. Нетрудно догадаться, что в ту ночь оркестр сыграл волнующий припев у мыса Франциско. Северо-Восточный проход из Азии в Европу все еще оставался мифом географов. Друг Дрейка, Фробишер, думал, что нашел его на берегу Атлантического океана. Посоветовавшись со своими десятью избранными советниками, Дрейк решил ускользнуть от испанских фрегатов, вернувшись через мифический Северо-Восточный проход. Была сделана остановка в Гуаталько, у западного побережья Новой Испании, для ремонта. Здесь бедный португальский лоцман, доставленный аж с островов у западного побережья Африки, был высажен на берег. [9] Испанцы пытали его за то, что он вел "Дрейк" в Южные моря. В ходе обыска порта и корабля в Гуаталько были найдены карты Филиппин и Индийского океана; так что, даже если путешествие в Англию Северо-Восточным проходом окажется невозможным, *"золотая лань"* сможет следовать этим картам домой вокруг света по Индийскому океану и, надеюсь, в Африку.

Дрейку не было нужды грабить еще испанские корабли. У него было столько добычи, сколько он мог унести. Из карт он узнал, что испанцы всегда держали курс на север при попутном ветре. Держа курс на север, месяц за месяцем, *"Золотая лань"* плыла к берегу, который должен был вести на северо-восток, и это озадачивало моряков тем, что они все время отклонялись на запад; тысячу четырестот лиг она плыла вдоль покрытой листвою пустыни из переплетенных деревьев и вязких мхов, красоты и разложения, пены прибрежных волн колышутся у самых корней деревьев; дельфины носятся вокруг корпуса, как борзые; летучие рыбы со слюдяными крыльями порхают над палубами; леса морских водорослей предупреждают о более глубоких

водах. Затем внезапно наступили холода и туманы, которые пробирали мореплавателей тропических морей до костей. Извилистое побережье отбросило их дальше на запад, далеко к северу от того, что показывали испанские карты. Вместо летучих рыб теперь были киты, многотысячные стаи китов, которые резвились вокруг *Золотой лани*. Когда северные ветры — "ледяные нимфы", как их называют в записях, — разогнали холодные арктические туманы, люди Дрейка решили, что они определенно приближаются к арктическим регионам. Где они были? Очевидно, потерялись, затерялись где-то на территориях, известных сейчас как Мендосино, Бланко и Флэттери. Одним словом, вплоть до Орегона и Вашингтона. В одной записи говорится, что они отправились на 43-ю широту. В другой записи, якобы более точной, говорится о 48-й. Испанцы побывали на севере вплоть до Калифорнии, но за ее пределами, как бы далеко он ни зашел, Дрейк был первооткрывателем в истинном смысле этого слова. Они видели горы, покрытые снегом, и белые утесы, и низкие пологие берега, что больше подходит для Орегона и Вашингтона, чем для Калифорнии; но только внезапный переход от тропической жары к ледяным северным туманам может объяснить преувеличенное представление экипажа о холоде на тихоокеанском побережье. Земля была замечена в точке 42, к северу от Мендосино, и была предпринята попытка встать на якорь дальше на север; но встречный ветер и каменистое дно сделали швартовку ненадежной. Это было неудивительно, поскольку именно на этом побережье Куку и Ванкуверу не удалось найти хорошую гавань. Казалось, что побережье все еще тянется на запад, развеивая надежды на Северо-Восточный проход, и если бы мир мог согласиться с выводами Дрейка по этому вопросу, можно было бы сэкономить много человеческих жизней и усилий.

За два столетия до смертей Беринга и Кука, пытаясь найти этот проход, хронист Дрейка писал: *"Причиной этого экстремального холода, как мы полагаем, является широкое распространение азиатского и Американского континентов, если они не соединены полностью, но, по-видимому, они приходят очень близко, с высоких и покрытых снегом гор, северные и северо-западные ветры разносят свои замерзшие ветры, заражая весь воздух — отсюда и происходит, что в середине лета снег с этих холмов вообще почти не сходит; отсюда и то, что растут на этих холмах". густые туманы и самые вонючие туманы ... по этим причинам мы предполагаем, что либо вообще нет прохода через эти северные побережья, что наиболее вероятно, либо, если он есть, он не судоходен.... Добавим к этому, что, хотя мы усердно обыскивали побережье вплоть до 48-го градуса, все же не обнаружили, что земля где-либо отклоняется к Востоку, а, скорее, постоянно тянется на северо-запад, как будто она идет прямо на встречу с Азией из чего мы безошибочно заключили, а не предположили, что таковой нет."*

Отказавшись от всякой идеи о Северо-Восточном проходе, Дрейк повернул на юг и 17 июня бросил якорь в бухте, которая теперь полностью идентифицируется как залив Дрейка, к северу от Сан-Франциско.

На следующее утро, когда англичане еще были на *"Золотой лани"*, приплыл на каноэ индеец, выкрикивая приветственные речи, пуская в воздух перья в знак голубинового мира и, наконец, после трехкратной пробы храбрости, приблизился к англичанам настолько, что забросил на корабль тростниковую корзину, полную табака. Напрасно Дрейк разбрасывал подарки, чтобы привлечь индейца на борт. Перепуганный парень бросился на берег, отказавшись от всего, кроме великолепной шляпы, которая плавала по воде. В течение многих лет легенда о корабле Дрейка передавалась как традиция среди индейцев этой бухты. [10]

К 21-му были установлены палатки и сооружено грубое каменное укрепление для защиты, где можно было хранить драгоценный груз золота, пока корабль нужно было разбирать. У подножия холма собрались бедные индейцы и зачарованно смотрели на эту огромную океанскую птицу с крыльями, которая выбросила на берег тридцать пушек, а сама начала подниматься из прилива на сваях и строительных лесах. Когда Дрейк разослал собравшемуся племени подарки, индейцы сложили свои луки и копья. Так чудесно выросли чудеса белых людей — палки, испускающие клубы огня (мушкеты), корабль, такой большой, что мог бы вместить их племя, одежда из бархата и золотой тесьмы, великолепная, как птичье оперение, стальные абордажные сабли, — что к 23-му часу огромные толпы индейцев стояли на коленях у подножия холма, принося жертвы чудесным существам в форте. Каковы бы ни были недостатки английского пирата, он заслуживает похвалы за то, что отнесся к индейцам с почетом, который посрамил более поздних мореплавателей. Когда он увидел, как они терзают тела приносимых в жертву, его суеверие воспламенилось страхом Божественного гнева за святотатство; и человек, который не стеснялся обращаться с черными рабами, нахватавшись у испанцев подлости, как он обращался бы с собаками, и теперь, как говорится в старой хронике, "принялся за молитвы", читая вслух Библию, и заставляя свою команду петь псалмы, и указывая на небо, при виде которого индейцы одобрительно хрюкали "хо—хо!"

Через три дня пришли послания от "короля индейцев" — вождя — с приказом чужеземцам готовиться к визиту великого сахема. Курьеры продвигались, кружась и распевая; так что англичане увидели в этом странном народе кочевников, подобных расам Священного Писания, чья церемония состояла из песен и танцев. Воины, стоявшие перед вождем, несли то, что англичане называли "скипетром", но мы, современные люди, назвали бы трубкой мира. Цепи в их руках, вероятно, были нитками из медвежьих когтей или чем-то вроде вампума; "короны из перьев" - головные уборы с плюмажами; подарки в корзинах из тростника, которые женщины несли в тыл, - маис и табак.

Дрейк выстроил своих солдат в шеренгу и под звуки труб в блестящих доспехах выступил навстречу индейскому вождю. Затем вся компания дикарей разразилась пением и танцами. Дрейку сделали знак сесть в центре. Едва он подчинился, как под крики и пляски толпы ему на шею накинули "цепь", на голову надели "корону", а в руку вложили "скипетр". Согласно индейскому обычаю, Дрейка приветствовали церемонией принятия в племя: "скипетр" - это трубка мира; "корона" - головной убор индейского воина. Совсем иначе церемония представлялась романтичным охотникам за сокровищами. *"Во имя и на пользу Ее Превосходнейшего Величества, — записывает капеллан, -он (Дрейк) взял в свои руки скипетр, корону и достоинство страны сайд;"* хотя, добавил благочестивый капеллан пиратов, когда он стал свидетелем того, как индейцы приносили больных, чтобы те исцелились от прикосновения мастера пиратов, - *"мы стонем духом, видя, как власть Сатаны до сих пор торжествует"*.

[Иллюстрация: Коронация Дрейка в Калифорнии.]

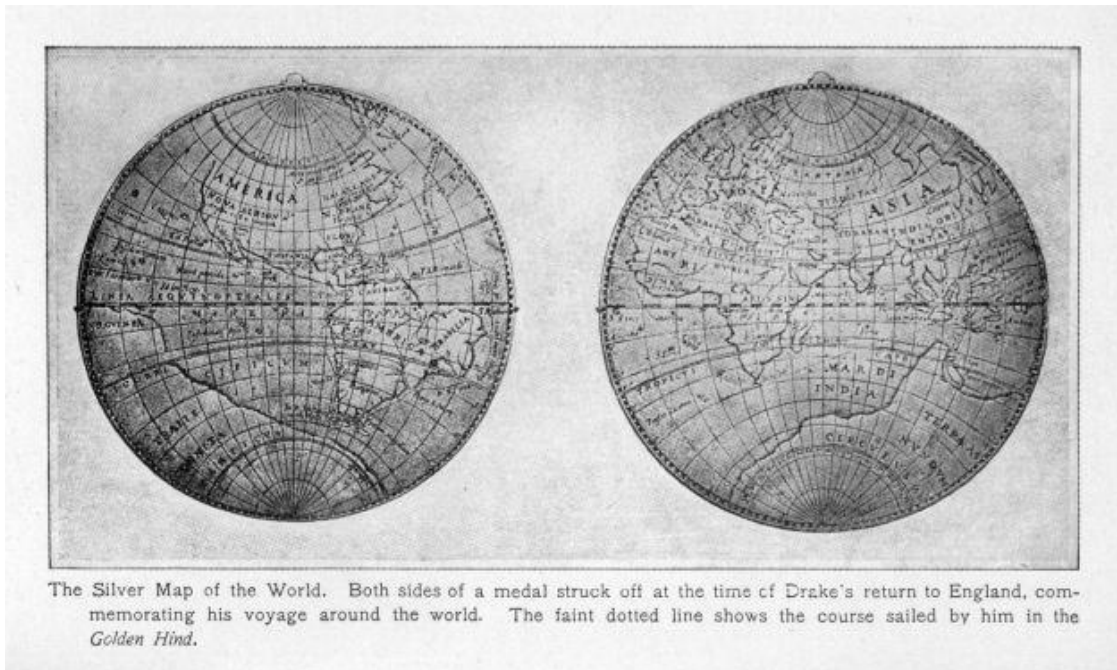
Чтобы предотвратить катастрофу из-за кощунственного отношения к священному прикосновению исцеления, Дрейк добавлял к своим молитвам сильные лосьоны и хорошие имбирные пластыри. Где-то в течение следующих пяти недель Дрейк путешествовал вглубь страны вместе с индейцами и из-за патриотизма к своей родной земле и сходства белых песчаных утесов с этой землей назвал этот регион "Новым Альбионом". "Новый Альбион" был бы заменой "Новой Испании". Дрейк вообразил себя вторым Кортесом и прибил к дереву медную табличку, на которой были выгравированы имя королевы, год добровольной сдачи страны королеве и собственное имя Дрейка; ибо, по словам капеллана, совершенно незнакомого с испанскими путешествиями, *"испанцы никогда не вели никаких дел и даже не ступали ногой в эту страну, максимум их открытий простирался всего на много градусов южнее этого места"*.

Неправильное понимание Дрейком индейской церемонии было бы комичным, если бы не тот факт, что более поздние историки торжественно спорили о том, должен ли акт владения оружием пиратом соответствовать международному праву.

23 июля английский пират попрощался с индейцами. Когда он оторвал взгляд от моря, они бежали по вершинам холмов, разжигая новые костры, которые он принял за жертвоприношения.

Следуя карте, взятой с испанского корабля, Дрейк взял курс на Филиппины, оттуда на юг через Ост-Индию в Индийский океан и, миновав Добрую Надежду, вернулся в Плимут, где бросил якорь 26 сентября 1580 года. Зазвонили колокола. Почта помчалась в Лондон с известием, что Дрейк, корсар, перевернувший испанский мир с ног на голову, вернулся домой. Целую неделю маленький мир Англии предавался пиршествам. В балладах звучала слава Дрейка. Его имя было у всех на устах. Одним из первых его действий было посещение своих престарелых родителей. Затем он повел *"Золотую лань"* вокруг Ла-Манша, чтобы поставить ее в сухой док в Дептфорде.

В кои-то веки тактичная королева оказалась в затруднительном положении. Из Испании посыпались жалобы. Испанский посол был в ярости и предъявил Дрейку векселя о наложении ареста, но поскольку сумма, наложенная на арест в ожидании расследования, составляла всего пятьдесят шесть тысяч фунтов стерлингов, можно заподозрить, что Елизавета позволила Дрейку по-своему защищать то, что он захватил по-своему. В течение шести месяцев, пока мир гремел его славой, суд отказывал в одобрении. Ревнивые придворные "считали Дрейка главным вором неведомого мира", пока Елизавета не разрубила Гордиев узел одним из своих дерзких взмахов. 4 апреля она торжественно отправилась обедать на *"Золотой лани"* под музыку тех струнных инструментов, которые прогнали страх Дрейка перед смертью или дьяволом, когда он бороздил на английском киле кругосветное плавание. После ужина она велела ему упасть на колени и легким касанием меча присвоила ему титул, который был печатью одобрения двора. *Золотая лань* хранилась как общественная реликвия, пока не развалилась на куски в Темзе, а из дерева сделали мемориальную кафедру Оксфорда.

The Silver Map of the World. Both sides of a medal struck off at the time of Drake's return to England, commemorating his voyage around the world. The faint dotted line shows the course sailed by him in the *Golden Hind*.

[Иллюстрация: Серебряная карта мира. Обе стороны медали отчеканены во время возвращения Дрейка в Англию в память о его кругосветном путешествии. Слабая пунктирная линия показывает курс, пройденный им на "*Золотой лани*".]

После всех опасностей, которые Дрейк повидал в последующей войне — Кадисе и Армаде, — кажется странным, что он вернулся на место своих прошлых подвигов, чтобы умереть. Он был с Хокинсом в кампании 1595 года против Испании в Новом Свете. Дела шли неважно. Он не одобрял планы Хокинса по нападению, и предприятие проваливалось. Заболев экваториальной лихорадкой или от огорчения из-за неудачи, Дрейк умер в Порту-Белло на пятьдесят первом году своей жизни. Его тело положили в свинцовый гроб и торжественно погрузили в то море, где он снискал свою первую славу. [11]

[1] Это лишь краткое изложение громких слов испанца. В заявлении Испании не было указано только о Небесах над головой.

[2] Точное положение англичан по отношению к порту дать трудно, на участке Вера-Крус оно менялось трижды.

[3] Эта промежуточная станция была известна как Вента-Крус. Семеро торговцев погибли в результате нападения Дрейка.

[4] В *Материалах общества Хаклюйт*, 1854 г., приведены все подробности этого ужасного преступления. Флетчер, капеллан, считал Даути невиновным, но Дрейк считал капеллана "самым лживым негодяем на свете".

[5] Дон Франсиско де Сарате, командир испанского корабля, затопленного Дрейком у берегов Гватемалы, так описывает испанскому правительству экипировку англичанина: "Генерал англичан - тот же самый, который пять лет назад захватил Номбре де Диос, около тридцати пяти лет, невысокий, с рыжеватой бородой, один из величайших моряков на море, известный своим мастерством и силой командования. Его корабль - галеон водоизмещением в четыреста тонн, очень быстроходный парусник, и на борту его находится сотня человек, все умелые руки и воинственного возраста, и все так хорошо обучены, что могут сойти за старых солдат — они держат свои аркебузы в чистоте. Он относится к ним с любовью, они к нему - с уважением. Он возит с собой девять или десять джентльменов-кадетов из знатных семей Англии. Это его совет. Он созывает их вместе, хотя ни с кем не советуется. У него нет любимчиков. К его столу допускаются они, а также португальский пилот, которого он привез из Англии. (?) Он подается с большой плиты с золочеными границами с гравировкой руки и всевозможные деликатесы и ароматы, которые ... королева подарила ему. (?) Ни один из джентльменов не садится или не прикрывается в его присутствии без предварительного приказа один или даже несколько раз. Галеон перевозит тридцать единиц тяжелой артиллерии, фейерверки и боеприпасы. Они обедают и ужинают под музыку скрипок. Он возит плотников, конопатчиков, чистильщиков. Корабль обшит. Людям платят, они не обычные пираты. Никто не берет добычу, и малейшая

вина карается". Далее дон говорит, что больше всего его беспокоило то, что Дрейк захватил испанские карты Тихого океана, которые могли бы служить ориентиром для других незваных гостей на Тихом океане.

[6] Восьми потерпевшим кораблекрушение на отмели удалось пройти обратно через пролив. В Плате на них напали индейцы; четверым, раненым, удалось спастись бегством. Остальные были захвачены в плен. Достигнув островов у побережья Патагонии, двое из раненых скончались. Двое оставшихся потерпели кораблекрушение на бесплодном острове, где единственной пищей были фрукты; единственным напитком - фруктовый сок. Соорудив плот из плавучих досок длиной в десять футов, они посвятили себя Богу и направились к материку. Здесь Пилчер умер через два часа после того, как они высадились, выпив слишком много воды. Выживший, Питер Кардер, прожил среди дикарей Бразилии восемь лет, прежде чем сбежал и добрался до Англии, где рассказал о своих приключениях королеве Елизавете. Королева дала ему двадцать два ангела и отправила его на работу к адмиралу Говарду. *"Паломники-закупщики"*, Том IV.

[7] Награбленное в этом порту составило 60 000 песо золота, драгоценностей и товаров (около 8 шиллингов, 2 доллара); 1770 кувшинов вина вместе с серебром алтаря часовни, которое было передано Флетчеру.

[8] Капитаном был бискайец, некто Хуан де Антон.

[9] Нуно Сильва - имя этого пилота. Именно из его рассказа почерпнуты многие подробности этой части путешествия.

[10] См. Брошюру профессора Джорджа Дэвидсона о *Дрейке*.

[11] Дать даже краткий отчет о жизни Дрейка - значит заполнить небольшую энциклопедию. История его первого крушения у Веракруса, его кампании возмездия, его пиратского путешествия в Тихий океан, его отношений с калифорнийскими индейцами, его сражения в составе Армады — любая из них заняла бы обычный том. Здесь представлена только та часть его жизни, которая связана с исследованиями Америки, и она принесена в жертву деталям, чтобы не усложнять ход его приключений. Не было предпринято никаких попыток вынести суждение о характере Дрейка. Подобно Баранову более поздних времен, он представлял собой любопытную смесь в высшей степени эгоистичного эгоиста и религиозного энтузиаста, попеременно использующего свой эгоизм как поддержку своей религии, а свою религию как поддержку своего эгоизма; и каждый читатель, вероятно, вынесет суждение о Дрейке в зависимости от того, является ли идеал читателя мужественным альтруистом или эгоисткой, типом Христа или "великой белокурой бестией" современной философской мысли, человеком, в высшей степени равнодушным ко всему, кроме себя, торжествующим триумф, даже если он по колено в крови. Мы, современные люди, также не должны слишком лицемерно судить о героях типа Дрейка. Дрейк вложил капитал в свое предприятие. У него было благословение Церкви и государства на то, что он собирался сделать, и то, что он сделал, - это *взял* то, на что у него хватило сил и ловкости, независимо от Десяти заповедей, что не так уж сильно отличается от многих современных коммерческих методов. Будущим судьям наши методы могут показаться такими же безнравственными, какими кажется нам Дрейк. Точно так же, как не было предпринято никаких попыток проанализировать характер Дрейка - уравновесить отсутствие у него морали с его мужеством, — были опущены незначительные детали, которые могли бы увести в сторону от основного течения событий. Например, Дрейк пролил очень мало

испанской крови и был христианином в своем обращении с индейцами; но разве эти заслуги компенсируются его жестокостью по отношению к чернокожим слугам, которых пираты подобрали среди испанцев, из которых одна бедная цветная девушка была выброшена на тихоокеанский остров жить, умирать или гнить? Безусловно, с португальским лоцманом, захваченным с затонувшей каравеллы у западного побережья Африки на обратном пути и вынужденным вести Дрейка в Тихий океан, хорошо обращались во время плавания. По крайней мере, нет никаких упоминаний об обратном; но когда Дрейк покончил с этим парнем, хотя англичане, возможно, очень хорошо знали, какая ужасная месть постигнет Испанию, лоцмана выбросили на побережье Новой Испании, где, как гласит одно старое свидетельство, его пытали, почти разорвав на куски, за то, что он руководил Дрейком.

Великими, действительно, главными и единственными авторитетами в "Приключениях Дрейка" являются, конечно, Hakluyt, Vol. III; о судьбе погибших экипажей, *"Пилигримы Перчаса"*, том. III и том. I, книга II, и том. IV; и *Труды общества Хаклюит*, 1854 год, которые на самом деле являются перепечаткой книги *"Объятый мир"* Фрэнсиса Флетчера, капеллана, 1628 года, с добавлением документов, современных Флетчеру, неизвестными авторами. Титульный лист книги *"Объятый мир"* читается почти как старинная баллада - *"за пробуждение героического духа на благо своих стран и увековечение их имен подобными попытками"*. *Отчеты Коля и Дэвидсона о береговой и геодезической съемках* 1884 и 1886 годов также бесценны для установления обрушения суши Дрейка в Калифорнии. Серебряная карта мира Миллера Кристи представляет собой великолепное факсимиле медали, выпущенной в ознаменование возвращения Дрейка, оригинал которой находится в Британском музее. Среди биографов Дрейк Корбетта и *Жизнь сэра Фрэнсиса Дрейка* Барроу дают полные подробности его ранней и личной жизни, включая, конечно, его большие заслуги в Армаде.

Яростные споры разгорелись вокруг Дрейка по двум пунктам: убил ли он Даути? Заходил ли он так далеко на север западного побережья Америки, как 48 градусов? В отчете Хаклюта говорится о 43 градусах; *"Мир, охватываемый"* Флетчером, капелланом, говорится о 48 градусах, хотя все источники сходятся на том, что он вошел в гавань при 38 градусах. Я не касался ни того, ни другого спора, излагая голые факты, оставляя каждого читателя делать свои собственные выводы, хотя мне кажется немного глупым утверждать, что утверждение о 48-м градусе было запоздалой мыслью автора, вставленной для расширения британских владений на более широкую полосу; ибо даже через двести лет после выхода Серебряной карты мира, когда Кук был на этом побережье, англичане так мало знали о западных берегах Америки, что люди все еще искали Гамаленд, или воображаемый континент посреди Тихого океана.

Слова повествования, относящиеся к Америке, таковы: "Мы достигли 42 градуса Северной широты, где следующей ночью (3 июня) мы обнаружили такие перепады температуры, переходящие в экстремальный и пронизывающий холод, что наши люди в целом сильно жаловались на это, некоторые из них чувствовали, что это сильно подорвало их здоровье; и не то, чтобы это произошло только ночью, но следующий день принес с собой не только отметины, но и укусы и силу ночи ...; кроме того, колючий воздух не изменился, сами канаты нашего корабля были жесткими, а ветер - холодным". а дождь, который шел, был неестественной застывшей и замерзшей субстанцией, так что мы, казалось, находились скорее в Зоне замерзания, чем где-либо еще, столь близком к солнцу или этому более жаркому климату ... дело дошло до того, что в сейлинге, всего на два градуса севернее по нашему курсу, наступила такая крайность, что, хотя моряки и не испытывают недостатка в хороших желудках ... это был

вопрос о том, должны ли руки кормить их рты или, скорее, уберечь от пронизывающего холода, который охватил их ... наше мясо, как только его снимали с огня, вскоре в некотором роде замораживалось, а наши веревки и снасти за несколько дней привыкали к такой жесткости ... и все же наш генерал был бы обескуражен не только приятными речами о божественном провидении и о любящей заботе Бога о своих детях, почерпнутыми из Священных Писаний ... Земля в этой части Америки простирается дальше на Запад, чем мы себе представляли, мы были ближе к ней, чем осознавали; и все же, чем ближе мы подходили к ней, тем сильнее нас охватывал сильный холод. На пятый день июня встречный ветер вынудил нас подойти к отмели, которую мы тогда впервые заметили, и бросить якорь в плохой бухте, лучшем месте, которое мы могли пока встретить, где мы были не без некоторой опасности из-за множества сильных порывов и порывистых ветров, которые обрушивались на нас, если они прекращались и продолжались в любое время. ... последовали самые мерзкие, густые и вонючие туманы, против которых море ничего не могло противопоставить ... Идти дальше на Север нам не позволяли экстремальные холода, а ветры, направленные прямо против нас, однажды приведшие нас под сейл агейн, приказывали нам двигаться на юг, хотим мы того или нет.

"С высоты 48 градусов, на которой мы сейчас находились, до 38, мы обнаружили, что земля, двигаясь вдоль нее, была лишь низкой и плоскогорной — каждый холм, которых мы видели много, но ни один не был высоким, хотя это было в июне, и солнце при ближайшем приближении ... было покрыто снегом При 38 градусах 30 мин. мы подошли к удобному и пригодному для плавания харбору и 17 июня бросили там якорь, где оставались до 23 июля следующего года. ... и ни разу за все четырнадцать дней, проведенных вместе, мы не могли найти воздух настолько чистым, чтобы подняться на высоту солнца или звезды ... после нашего отъезда с жары мы всегда находили наши тела не губчатыми, а сильными и закаленными, более способными переносить холод, хотя мы и вышли из избытка жары, тогда могли бы быть чемпионы камерного зала, которые нежатся в своих перинах, пока не уйдут в море.

"... Деревья без листьев и земля без зелени в эти месяцы июнь и июль ... что касается причины этой крайности, они кажутся ... главным мы считаем обширное распространение азиатского и Американского континентов, которые (несколько севернее этих частей) если и не полностью соединены, то все же кажутся очень близкими друг к другу. С чьих высоких, покрытых снегом гор северные и северо-западные ветры (постоянные гости этих побережий) разносят свои замерзшие ветры, заражая весь воздух этой невыносимой резкостью.... Отсюда общая убогость и бесплодие страны, отсюда то, что в разгар лета снег почти не сходит ... от их холмов вообще исходят те густые туманы и самые вонючие туманы, которые усиливаются тем сильнее, чем выше поднят полюс ... также по этим причинам мы приходим к выводу, что либо вообще нет прохода через эти северные побережья, что наиболее вероятно, либо, если и есть, то все же он не судоходен Добавим сюда, что, хотя мы усердно обыскивали побережье, даже до 48 градуса, все же мы обнаружили, что суша не отклоняется ни на одну точку в любом месте к Востоку, а, скорее, постоянно течет на северо-запад, как если бы она шла прямо на встречу с Азией; и даже на этой высоте, когда у нас был сильный ветер, который должен был перенести нас, если бы там был проход, все же мы обнаружили, что было более гладкое и спокойное море с обычным течением и обновлением, чего не могло бы быть, если бы было волнение; из чего мы довольно безошибочно заключили, а затем предположили, что его не было.

"На следующий день, после того как мы бросили якорь в вышеупомянутой гавани, жители страны объявились, отправив к нам человека с большой охотой на каноэ, который, находясь еще недалеко от отмели и на большом расстоянии от нашего корабля, постоянно разговаривал с нами, подплывая на веслах. И, наконец, на разумном расстоянии, оставаясь самим собой, он начал более торжественно длинную и утомительную речь в своей манере, используя при ее произнесении множество жестов и знаков, размахивая руками, многократно поворачивая голову и туловище, и после того, как его речь закончилась, с большим почтением и покорностью баке снова вернулся в шоаре. Вскоре он вернулся во второй раз подобным образом, и так же было и в третий раз, когда он принес с собой (в подарок от остальных) пучок перьев, очень похожих на перья черного кроу, очень аккуратно и искусственно собранных на веревочке и стянутых в круглый пучок, очень чистых и тонко вырезанных, и имеющих одинаковую пропорцию по длине друг к другу, что является особым признаком (как мы впоследствии заметили) того, что они были очень тонкими. ... одежда у них на головах. С этим он также принес маленькую корзинку, сделанную из тростника и наполненную травой, которую они называли Тоба. И то, и другое, привязав к короткому стержню, он забросил в нашу лодку. Наш генерал намеревался немедленно вознаградить его многими хорошими вещами, которыми он хотел бы его одарить; но, войдя в лодку, чтобы передать то же самое, он никакими способами не мог заставить себя принять их, за исключением одной шляпы, которую он бросил в воду с корабля, но поднял (категорически отказываясь вмешиваться в какие-либо другие вещи), хотя она лежала на доске, предоставленной ему, и таким образом вскоре вернулся. После этого наша лодка уже не могла грести, но, удивляясь на нас, как на богов, они с восхищением следили за тем же...

На третий день после этого, а именно 21-го, наш корабль, получивший течь в море, был поставлен на якорь недалеко от отмели, чтобы, выгрузив свои товары, отремонтировать их; но для этого мы должны были предотвратить любую опасность, которая могла бы угрожать нашей безопасности, наш генерал прежде всего высадил своих людей со всем необходимым провиантом, чтобы построить палатки и форт для защиты нас самих и наших товаров ... что, когда жители страны увидели, что мы делаем, как люди, разжигающие огонь войны в защиту своей страны, в большой спешке и компании, с таким оружием, какое у них было, они спустились к нам, и все же без враждебного намерения причинить нам вред; стоя, когда они приблизились, как люди, восхищенные своими мыслями, при виде таких вещей, каких они никогда не видели и о которых не слышали до того времени: их поручение состояло скорее в том, чтобы с покорностью и страхом поклоняться нам как Богам, чем воевать с нами как со смертными людьми; что, как известно, было частично это проявилось в тот момент, так же как и все больше и больше проявлялось впоследствии, в течение всего времени нашего пребывания среди них. В это время, будучи завуалированы знаками отложить в сторону свои луки и стрелы, они поступили так, как им было приказано, и так поступали все остальные, поскольку они подходили к нему все большими и большими группами, увеличиваясь за короткое время до большого числа, как мужчин, так и женщин.

"... Наш генерал со всей своей компанией мягко использовал все возможные средства, чтобы заинтересовать их, щедро одаривая каждого из них хорошими и необходимыми вещами, чтобы прикрыть их наготу, показывая им, что мы не Боги, а люди, и нуждаемся в таких вещах, чтобы прикрыть наш собственный стыд, уча их использовать их для тех же целей, по этой причине мы также ели и пили в их присутствии ... они одарили нашего Генерала и разнообразную нашу компанию такими разнообразными вещами, как перья, плетения из сетей, колчаны из их стрелы

были сделаны из шкур фавнов и тех самых звериных шкур, которые их женщины носили на своих телах ... они с радостью разошлись по своим домам, которые вырыты по кругу в земле и имеют от самых верхних краев круга деревянные щели, установленные и плотно соединенные друг с другом наверху, подобно нашим шпилям на церковной колокольне, которые, будучи засыпанными землей, ... очень теплые; дверь в большинстве из них выполняет также функцию дымохода для выпуска дыма; она сделана по размеру и фасону, как обычный люк на корабле, и стоит наклонно; кровати сделаны из дерева. твердая земля, только с разбросанным по ней тростником, лежащим вокруг дома, в самой середине разведен костер ... Со всей поспешностью мы поставили наши палатки и укрепились каменными стенами.... К концу двух дней собралось большое собрание мужчин, женщин и детей, которые принесли с собой, как и раньше, перья и мешочки с Табаком в подарок, или, скорее, для жертвоприношений, исходя из убеждения, что мы Боги.

"Когда они взошли на вершину холма, у подножия которого мы построили нашу крепость, они остановились"; ... "когда это кровавое жертвоприношение (против нашей воли) было совершено таким образом, наш генерал и его спутники в присутствии этих незнакомцев пали в молитвах; и знаками вознесения наших глаз и рук к небу мы показали им, что тот Бог, которому мы служили и которому они должны поклоняться, был наверху: умоляя Бога, если ему будет угодно, каким-либо образом открыть их ослепленные глаза, чтобы они могли видеть нас". мог бы в свое время быть призван к познанию Его, истинного и вечно живущего Бога, и Иисуса Христа, которого он послал для спасения язычников. Во время молитв, пения Псалмов и чтения определенных глав из Библии они сидели очень внимательно и, наблюдая за концом каждой паузы, все в один голос восклицали "о!", очень радуясь нашим упражнениям ".

"Наш генерал распорядился установить памятник нашему пребыванию там, а также правам и титулам ее величеств и наследниц на это королевство, а именно бронзовую табличку, крепко прибитую к большому и прочному столбу; на которой выгравировано имя ее светлости, день и год нашего прибытия туда и добровольной передачи провинции и королевства, как королем, так и народом, в руки ее величеств: вместе с портретом ее высочества и гербом, монетой в шесть пенсов английской валюты, изображающей ее величество". само по себе отверстие, специально проделанное в пластине; под ним также было выгравировано имя нашего Генерала

"Испанцы никогда не вели никаких дел и даже не ступали ногой в эту страну, максимум их открытий простирался на много градусов южнее этого места".

Испанская версия похорон Дрейка заключается в том, что тело утяжелили дробью по пяткам и сбросили в море без гроба и церемоний.

ГЛАВА VII

1728-1779

КАПИТАН КУК В АМЕРИКЕ

Английский мореплаватель, отправленный Двести лет спустя на поиски Нового Альбиона Открытий Дрейка — Он пропускает оба пролива Фука и устье Колумбии, но бросает якорь в Нутке, месте встречи будущих торговцев—Северо—Восточный проход через Аляску не найден —Истинная причина убийства Кука на Гавайях, рассказанная Ледьярдом -Россия начинает завидовать его исследованиям

Кажется невозможным, чтобы после всех его тяжелых трудов и смерти, направленных на доказательство его убеждений, выводы Беринга были отвергнуты ученым миром. Несомненно, его плавание вдоль побережья на запад, юго-запад, вдоль длинного рукава полуострова Аляска на протяжении тысячи миль должно было доказать, что здесь, между Азией и Америкой, нет открытого моря — нет Северо-Восточного прохода. Но нет! ученый мир сказал, что наблюдения Беринга были скрыты туманом. То, что он принял за материковую часть Америки, оказалось всего лишь цепочкой островов. К северу от этих островов между Азией и Европой было открытое море, которое могло обеспечить прямой проход между Востоком и Западом без кругосветного плавания. На самом деле, сказал доктор Кэмпбелл, один из самых образованных английских писателей того времени, "Нет ничего более очевидного, чем то, что его (Беринга) открытие не оправдывает никаких предположений о том, что он коснулся огромного континента, составляющего часть Северной Америки".

Сомнение ученых мужей Франции и России было еще более диким. Они определенно доказали, что *даже если бы не существовало Гамалендии* - как показало путешествие Беринга, — то где-то должен быть южный континент, чтобы поддерживать баланс между северным и южным полушариями; иначе мир перевернулся бы с ног на голову. И между северной Европой и северной Азией также должен быть океан, иначе мир был бы перегружен и перевернулся бы с ног на голову. Это была эпоха, когда мир принимал вероучения за благочестие и изучал самогон вместо научных данных; когда, одним словом, люди отказывались склоняться перед фактами!

Ходили всевозможные дикие слухи. На юге был огромный континент. На севере было огромное море. Где-то был Новый Альбион, который Фрэнсис Дрейк нашел к северу от Новой Испании. К

северу от испанских владений в Америке находился широкий залив, ведущий прямо из Тихого океана в Атлантический, который, по словам старого греческого лоцмана по имени Хуан де Фука, он пересек по заданию вице—короля Новой Испании.

Даже флегматичная Англия была заражена страстью к воображаемым океанам и континентам. Меховая компания Гудзонова залива оказалась под угрозой отзыва своего устава из-за того, что ей не удалось найти Северо-Западный проход из Атлантики в Тихий океан. Всего через четыре года после смерти Беринга парламентским актом было объявлено вознаграждение в размере двадцати тысяч фунтов стерлингов офицерам и экипажам любых кораблей, обнаруживающих проход между Атлантикой и Тихим океаном севернее 52 градуса. Были даже изобретательные ребята с грамотами Королевского общества за своими именами, которые притворялись, что большое озеро Атабаска, которое обнаружил Хирн, когда шел вглубь материка от Арктики и реки Коппермайн, было проливом, ведущим в Тихий океан. Озеро Атабаска могло быть воображаемым проливом греческого лоцмана Хуана де Фука. Безусловно, команды двух кораблей Компании Гудзонова залива — под командованием Найта и Барлоу — полностью пропали за пятьдесят лет до того, как Хирн отправился вглубь суши в 1771 году, пытаясь найти тот самый мифический пролив Хуан-де-Фука к западу от Гудзонова залива.

Но общественное мнение пришло в такую ярость по поводу Северо-Западного прохода в то самое время, когда бедняга Беринг умирал в Северной части Тихого океана, что капитан Миддлтон был отправлен в Гудзонов залив в 1741-1742 годах, чтобы найти путь в Тихий океан. И когда Миддлтону не удалось найти воду там, где Создатель поместил сушу, Доббс, покровитель экспедиции и поборник Северо—Западного прохода, сразу же призвал общественность отправить еще два корабля - *Dobbs* и *California*. Снова провал! Теории еще никогда не становились фактом, никогда даже на волосок не придавали значения Факту! Эллис, находившийся на борту, притворялся, что бухта Честерфилд - большой морской рукав к западу от Гудзонова залива — может вести в Тихий океан. Это предположение было немедленно опровергнуто Меховой компанией Гудзонова залива, отправившей капитана Кристофера и Мозеса Нортон, местного управляющего компании, вверх по заливу Честерфилд на двести миль, где они обнаружили не Тихий океан, а узкую реку. Тогда ученые теоретики подняли шумиху— Северо-Западный проход лежит к северу от Гудзонова залива. Хирна отправили бродить вглубь страны, чтобы найти — не море, а сушу; и когда он вернулся с отчетом о большом озере Атабаска в районе реки Маккензи, озеро было фактически использовано в качестве доказательства существования водного пути к Тихому океану. Затем был задуман блестящий план отправить корабли как по Атлантике, так и по Тихому океану, чтобы найти этот мифический проход из Европы в Азию. Пикерсгилл, побывавший на Тихом океане, должен был выйти к северу от Гудзонова залива и двигаться на запад. Для работы на восток от Тихого океана до Атлантического был выбран человек, который уже доказал, что на юге нет большого континентального массива и что мир не перевернулся с ног на голову, и которому было суждено доказать, что на севере нет большого открытого океана, и все же мир не перевернулся с ног на голову. Он был человеком, вся жизнь которого была основана на Фактах, а не на Теории. Он был человеком, который принимал Истину такой, какой ее дал ему Бог, а не такой, какой, по его теории, она *должна* быть; человеком, который поднялся из глинобитного домика до положения величайшего мореплавателя в мире — поднялся на вершину усвоенных фактов, а не школьничьего самогона или теорий из кабинета. Этим человеком был капитан Джеймс Кук.

Жизнь Кука представляет все контрасты истинного величия во всем мире. Подобно Петру Великому из России, чье слово положило начало освоению северо-западного побережья Америки, характер Кука состоял из элементов, которые неизменно вели к славе или разорению, а часто и к тому, и к другому. Слова "невозможно" не было в его словаре. Он просто не признавал никаких ограничений на то, что человек *мог бы* сделать, если бы попытался; и это означает, что под давлением риска, искушения или противодействия осторожность человека улетучивается. У Кука именно риск привел к разорению. У русского царя это было искушение.

Родившийся в Мартоне, небольшом приходе норт-Райдинг в графстве Йорк, 27 октября 1728 года, Джеймс Кук был сыном поденщика в эпоху, когда ручной труд оплачивался из расчета несколько пенни в день. В семье было девять человек. Дом представлял собой глинобитный коттедж с соломенной крышей. Через два года после рождения Кука отец был назначен судебным приставом, что немного улучшило финансы семьи; но Джеймсу было тринадцать лет, прежде чем его можно было отправить в школу. Там прогресс в его обучении был стремительным. У него был настоящий гений в области цифр. За три коротких года он освоил все, чему могла научить его школа Эйтон. В шестнадцать лет его учеба закончилась. Самой большой мечтой отца, по-видимому, было то, чтобы сын стал преуспевающим владельцем магазина в одном из маленьких городков. Будущий штурман поступил учеником в деревенскую лавку, но амбиции Кука не заключались в том, чтобы сидеть в клетке за прилавком.

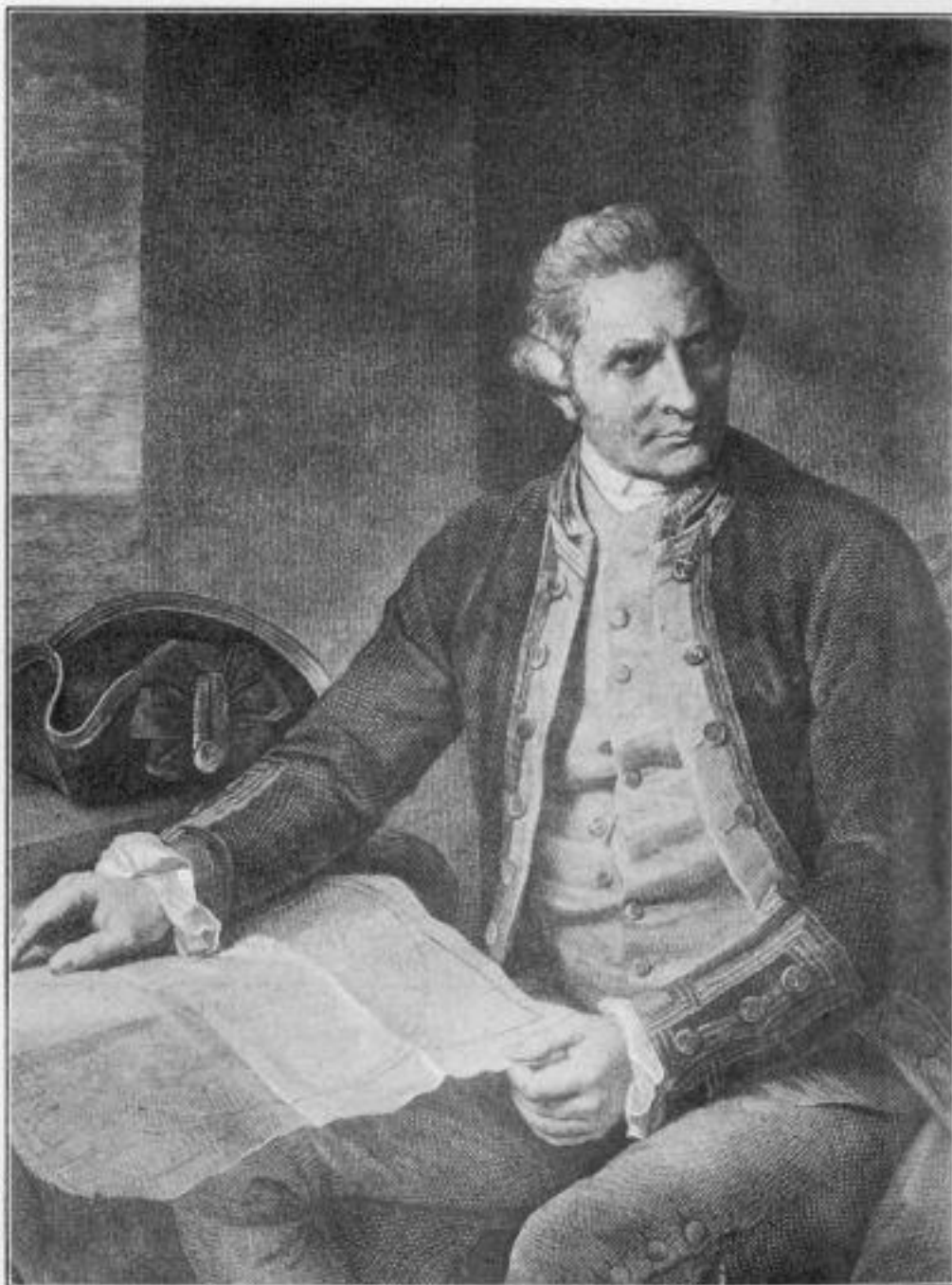
На восток катилось Северное море. Внизу, в Халле, были слышны рассказы моряков, от которых у мальчика кровь стыла в жилах. Шел 1746 год. Мир звенел рассказами о Беринге в Тихом океане, о южном континенте, которого не существовало, о безграничных владениях Меховой компании Гудзонова залива на севере, о чудесных открытиях Ла Верендри, открывших почти безграничный регион к западу от Новой Франции, к неизведанному Западному морю. Через полтора года Кук был сыт по горло работой в магазине. То ли он сбежал, то ли служил своему хозяину так хорошо, что тот охотно отказался от трехлетнего ученичества, но теперь Кук последовал своей судьбе и отправился в море. По мировым стандартам, изменения казались обратным ходом. Он был зачислен на работу к судовладельцу из Уитби простым матросом на угольном судне, курсирующем между Ньюкаслем и Лондоном. Такие угольщики можно увидеть в любой день — черные, как сажа, закопченные от носа до кормы, с почти черными рабочими, разгребающими уголь лопатами или поднимающими снасти, — они снуют туда-сюда среди более величественных судов любого морского порта. Именно этот этап в карьере великого человека является испытанием. Достаточно ли человек уверен в себе, чтобы оставить все позади и прыгнуть через пропасть в неизвестность? Если когда-нибудь он захочет вернуться к тому, что он оставил, у него будет достаточно высоты этого прыжка, чтобы взобраться обратно на старое место. Старое место - это определенность. Неизвестное может поглотить неудачей. Он должен рискнуть, и все ради веры в себя, которая еще не оправдалась; ради смутной звезды, ведущей в туманную неизвестность. Он знает, что мог бы добиться успеха на старом месте. Он не знает, что, возможно, не потерпит неудачу на новом месте. Искусство, литература, наука, коммерция — во всем - именно мужчины и женщины, осмелившиеся рискнуть потерпеть неудачу, оказались главной движущей силой прогресса. Кук был достаточно уверен в себе, чтобы обменять белое лавочника на голубые джинсы грузчика угля, рискнуть последовать за звездой своей судьбы к морю.

В настоящее время обычные, грязные обязанности, которые он должен выполнять, приводят его в Дублин, в Ливерпуль, в Норвегию; и к тому времени, когда ему исполняется двадцать два, он

хорошо знаком с торговлей на Балтике и слышал все "за" и "против" яростного гогота, поднятого в школах по поводу экспедиции Беринга к западному побережью Америки. К двадцати четырем годам он становится первым помощником на угольных судах. Наступает еще одно важное изменение! Когда он покидал магазин, он чувствовал, что все, что ему нужно сделать, чтобы следовать своей судьбе, - это отправиться в море. Теперь звезда привела его к глухой стене. Единственное повышение, которое он может получить на этих торговых судах, - это звание капитана; а звание капитана на небольшом торговом судне будет означать в значительной степени монотонные рейсы взад и вперед, как челнок, между портами Европы и Англии.

Кук принял решение, которое стоило бы мучительных усилий любому человеку, кроме человека с абсолютной целеустремленностью. В возрасте двадцати семи лет он решил поступить на службу в Королевский военно-морской флот. Сейчас, в век демократии, мы не говорим о таких вещах; но неписанные законы и невидимые границы все равно существуют. Не так давно, стоя на капитанской палубе американского военного корабля и наблюдая, как матросы внизу наводят порядок, я спросил офицера: "Есть ли у этих людей хоть какой-то шанс подняться?"

"Да, некоторые, - ответил он неуверенно, - но, с другой стороны, есть разница между людьми, прошедшими подготовку для определенной должности, и теми, кто дослужился до нее". Если эта разница существует в демократической стране и в эпоху, то чем она была для Кука в стране и в то время, когда кастовые границы были четко очерчены? Но он поступил на флот на *Eagle* под командованием сэра Хью Паллисера, который почти сразу перевел его с бака на квартердек. Чем объясняется такое быстрое признание? В этом разница между человеком, который пытается и добивается успеха, и человеком, который пытается и терпит неудачу. Кук получил квалификацию для повышения. Он был настолько приспособлен для более высокого положения, что более высокое положение не могло обойтись без него. Качаясь на Балтике или ожидая, пока кочегары выгрузят уголь в Ливерпуле, каждую свободную от обязанностей моряка минуту Кук заполнял самосовершенствованием, повышением своей полезности, оттачиванием своего мозга, чтобы мозг мог лучше руководить руками, изучением математики, астрономии, географии, естественных наук и навигации. Как кто-то сказал, есть много людей с руками и без мозгов; и есть много людей с мозгами и без рук; но наивысшую награду за свои заслуги перед миром получают те, у кого лучше всего сочетаются мозги и руки.

Captain James Cook.

[Иллюстрация: капитан Джеймс Кук.]

Через четыре года после того, как Кук поступил на флот, он был капитаном на *Меркурии* с флотом до Квебека, составляя карту реки Святого Лаврентия для Вулфа, чтобы тот отвел войска к высотам Абрахама, пилотируя лодки для атаки на Монморанси и руководя посадкой войск, которым предстояло выиграть знаменитое сражение, изменившее облик Америки.

Теперь Королевское общество пожелало послать в Южные моря кого-нибудь, чья надежность была бы настолько признана и непоколебима, что его выводы были бы приняты общественностью. Всего через двадцать лет после того, как он покинул магазин, Кук был выбран для этой важной миссии. Что за человек он был, который за это время прошел путь от жизни в глинобитной хижине до звания командира Королевского военно-морского флота? В манерах он был прост, незатейлив и прямолинейен, без витиеватости, без ненужной болтовни эффектных слов, ни одного слова, которое он не имел в виду. По фигуре он был шести футов ростом, идеальной пропорции, с каштановыми волосами и пронизательными глазами, с чертами лица, резкими скорее по привычке или от мысли, чем от природы.

С этой миссией он покинул Англию в 1768 году, весной 1769 года бросил якорь у островов Общества в Южных морях, осенью того же года исследовал Новую Зеландию, обогнул Австралию в 1770 году и вернулся в Англию в 1771 году, в тот самый год, когда Хирн пытался пересечь ее по суше в поисках Северо-Западного прохода. И он не привез никаких доказательств существования того огромного южного мира, который географы нанесли на свои карты. Вскоре его отправили во второе плавание, чтобы найти или уничтожить этот мифический континент в южном полушарии; и он полностью разрушил миф о южном континенте, вернувшись из кругосветного плавания как раз в то время, когда шумиха вокруг Северо-Западного прохода к северу от Гудзонова залива, даже к северу от курса Беринга в Тихом океане, была в самом разгаре.

Третье путешествие должно было окончательно определить границы западной Америки, возможности прохода между Европой и Азией через Тихий океан. Два корабля — *"Резолюшн"*, четыреста шестьдесят тонн, сто двенадцать человек, которым Кук пользовался раньше, и *"Дискавери"*, триста тонн, восемьдесят человек, — были приобретены в Халле, старом порту детских грез Кука. Чтобы заручиться доброй волей экипажей, заработная плата за два месяца была выплачена вперед. Капитан Клерк командовал *"Дискавери"*; и в двух экипажах были люди, о которых миру еще предстояло услышать в связи с северо—западным побережьем Америки - молодой гардемарин Ванкувер, которому еще предстояло поставить мат Испании; молодой американец, капрал морской пехоты Ледьярд, которому предстояло столкнуться с Россией; и другие амбициозные молодые моряки, которым суждено было стать известными торговцами на западном побережье Америки.

Два корабля покинули Англию в середине лета 1776 года, пересекли экватор в сентябре, когда все, кто был новичком в этом эпизоде, были пойманы и нырнули за поручни в экваториальных водах, обогнули Добрую Надежду, причалили к островам Общества в ходе первого рейса, а к весне 1778 года исследовали Сандвичевы острова и бросили якорь у них. Оказавшись в Тихом океане, Кук собрал свою команду и посвятил ее в свои тайны; он собирался попытаться добиться вознаграждения в двадцать тысяч фунтов стерлингов команде, открывшей Северо-Восточный проход; и даже если он не получит награду, ему предстояла экспедиция на самой северной широте, которую когда-либо пробовал штурман, — 89 градусов; справятся ли они с этим? Команда зааплодировала. Независимо от того, достигли они 89 градусов или нет, они решили сохранить свой грег для сильных холодов, которые ожидали их на севере; так что теперь дневная норма была сокращена вдвое.

К марту корабли отплыли от Сандвичевых островов к длинной зыби Тихого океана, скользкие огни медузы всю ночь покрывали воды фосфоресцирующим огненным следом, днем мимо проплывали рябчик и морской лук-порей, рассказывая свою историю о какой-то далекой земле. Секретное поручение Кука было предельно ясным: "Вы должны следовать как можно более прямым курсом к побережью Нового Альбиона, стараясь соответствовать ему на 45 градусах Северной широты ... и им строго предписано не касаться какой-либо части испанских владений ... за исключением случаев, когда это произойдет случайно ... и быть очень осторожными, чтобы не нанести никакого ущерба подданным его католического Величества ... и если при дальнейшем продвижении на север ... вы нашли подданных европейского принца ... вы не должны давать повода для обид ... двигайтесь на север до 65 градусов, тщательно ищите такие бухты, которые, по-видимому, указывают на Гудзонов залив ... приложите все усилия, чтобы пройти через это ". Комиссия показывает, что Англия не знала, что Испания продвинулась севернее 45 градусов, а Россия - севернее 65 градусов; поскольку Испания ревниво хранила свои исследования в секрете, а российские не были приняты. Комиссия также предложила вознаграждение любому, кто приблизится к Полюсу на 1 градус. Это можно добавить — предложение все еще открыто.

В течение нескольких дней после отплытия с Сандвичевых островов не было видно ни одной птицы. Это было плохим предзнаменованием для суши. Земля, должно быть, действительно далеко; и Кук начал опасаться, что в этом северном полушарии может быть столько океана, сколько географы России и Франции, которые фактически обозначили открытия Беринга как остров, нанесли на карты. Но в первую неделю марта чайка проплыла над гребнем волны. Откуда она взялась? Затем над морем был замечен кружащий альбатрос. Затем, 6 марта, мимо проплыли два одиноких сухопутных тюленя, и были замечены киты. Несомненно, они приближались к региону, который Дрейк, английский флибустьер, увидел и назвал Новым Альбионом двести лет назад. Внезапно, утром 7 марта, в полумраке впереди показались тонкие, четкие линии. Линии поднимались все выше по мере приближения корабля. Они вырисовываются на фоне неба в виде гор и холмов с фиолетовым туманом, лежащим в долинах. Это был Новый Альбион на широте 44 градуса 33 минуты, который открыл Дрейк. День был туманный и теплый. Команда Кука недоумевала, почему Дрейк жаловался на такой холод. Ночью они узнали. Ревущий ураган вырвался из северной темноты со шквалами града, снега и слякоти, превратив берег в одну длинную полосу белесых утесов, выступающих прямо из моря. В память о первом выходе на берег они назвали мыс Фоулвезер; и, несмотря на приказ плыть на север, перед штормом прошли под голыми шестью до 43 градусов, назвав два проплывших мыса Перпетуей и Грегори. Только к третьей неделе марта шторм утих настолько, что они снова повернули на север. [1]

Итак, солгал ли старый греческий лоцман Хуан де Фука, или ему приснилось, или он просто пересказал историю, рассказанную ему каким-то индейцем, но именно вдоль этого побережья, по его словам, пролегали проливы, ведущие к восточной оконечности Америки; и два корабля Кука держались к берегу так близко, как только осмеливались, опасаясь ревущих волн и ветра, дующего с суши. 23 марта были замечены скалы, лежащие у высокой точки, поросшей деревьями, за которой, возможно, находился пролив; но шторм на берегу и набегающий прилив, с грохотом разбивающийся о скалы, заставили корабли стремительно удаляться от берега сквозь туман и дождь; и экипажи так и не смогли получить ни малейшего представления о проходе на восток. Кук назвал иллюзорную точку мысом Флэттери и добавил: "Именно на этой широте (48 градусов 15 минут) географы поместили воображаемый пролив Хуан-де-Фука; но мы

не видели ничего подобного; и нет ни малейшей возможности, что что-либо подобное когда-либо существовало". Но Кук находился слишком далеко, чтобы разглядеть узкий пролив — всего тринадцать миль в ширину — Хуан-де-Фука, по которому сегодня курсируют пароходы трех континентов; хотя пролив никоим образом не вел в Европу, как думали географы.

Всю ночь сильный шторм гнал их на север. Когда погода прояснилась, позволив им снова приблизиться к побережью, высокие горы, покрытые снегом и лесами, выступали из облаков, как шатровые вершины. Огромные буруны с ревом обрушивались на затонувшие скалы. Волнорезы, как назвал их Кук. Затем ветер внезапно стих, и корабли оказались в штиле прямо напротив узкого входа в двурогую бухту, защищенную горами. Все маленькие лодки были спущены на воду, чтобы отбуксировать два корабля, когда поднялся легкий бриз. Флотилия отплыла вглубь острова как раз в тот момент, когда три каноэ, вырезанные в причудливых формах птичьих голов и орлиных когтей, пересекли залив. В одной находилось трое дикарей, в другой - шестеро, в третьей - десять. Они медленно плыли над водой, распевая какую-то приветственную песню, отбивая такт своими веслами, разбрасывая в воздухе пушистые белые перья, время от времени вставая, чтобы поприветствовать вновь прибывших. Вскоре вокруг кораблей собралось тридцать каноэ, в каждом из которых находилось примерно по десять воинов. Они все прибывали, косяками, как рыбы, с почти обнаженными дикарями, гавань гладкая, как стекло, великий *тайи*, или великий вождь племен, стоял прямо, приветствуя их, с длинными эльфийскими локонами, струящимися по его спине. Теперь в каноэ появились женщины и дети. Это означало мир. Женщины трещали, как сороки; мужчины булькали и брызгали слюной, выражая свое удивление белыми посетителями. В целях безопасности орудия обоих кораблей были наведены на изготовку, но туземцы не знали страха перед ружьем. Был конец марта, когда Кук впервые бросил якорь у того места, которое, как он думал, было материковой частью Америки. Это был не материк, а остров, и гавань прославилась как место встречи тихоокеанских торговцев — Нутка!

Три вооруженные лодки под командованием мистера Кинга и одна под командованием Кука немедленно отошли от кораблей, чтобы исследовать и прозондировать залив. Вход находился между двумя скалистыми выступами, расположенными на расстоянии четырех миль друг от друга, за цепью затонувших скал. За исключением северо-западного угла бухты, с тех пор известной как Снаг-Коув, вода была слишком глубокой для якорной стоянки; поэтому два корабля пришвартовались к деревьям, мачты сняли, железная кузница заработала на берегу; и мужчины начали рубить лес для новых мачт. И все же крошечные точки, танцующие на волнах, перевозящих каноэ с дикарями на английские корабли, продолжали множиться, пока гавань не показалась кишашей воинами — к первой неделе апреля, после прибытия Кука, их было не меньше двух тысяч. Некоторые дикари носили ярко раскрашенные деревянные маски как часть своего праздничного наряда. Другие несли тотемы — куски дерева, вырезанные в виде птиц или зверей, чтобы символизировать маниту из семьи или клана. Чтобы продемонстрировать свою доблесть, некоторые даже предлагали белым людям человеческие черепа, с которых еще не была снята плоть. По этому Повар понял, что эти люди были каннибалами. У некоторых были замечены ложки европейского производства в качестве украшений на шее. Мы легко принимаем то, во что хотим верить. Белые люди не приписывали ложки торговцам из Новой Испании на юге или русским поселениям на севере; но думали, что это место должно быть в пределах торгового расстояния от Гудзонова залива, откуда индейцы, должно быть, получали ложки. И поэтому они лелеяли надежду на Северо-восточный проход от этого слабого знака. За несколько дней было добыто полторы тысячи бобров и морских выдр, шестьдесят девять

морских выдр, каждая из которых стоила в то время сто долларов в современных деньгах, за пригоршню старых гвоздей.

Для этих глубоководных путешественников из команды Кука гавань была словно сказочная страна. Вершины гор все еще покрывал снег, но по склонам холмов тянулся густой влажный лес с корнями, утопающими в морской ряби. Красный кедр, ель, пихта — огромного роста, шире телеги в обхвате, чем телега в длину, — кипарис со скрученными и узловатыми сучками, красными на фоне густой зелени; мхи, змеиными кольцами свисающие с ветки на ветку везде, где останавливались и отдыхали облака; острова, усеивающие море, как изумрудные драгоценные камни; куропатки, выводящие свою весеннюю песню в темном подлеске; куропатки матушки Кэри, кричащие ищелкающие над головой; снежные вершины, красные, как вино, в отблесках заката - все это составляло апрельскую картину, которую так долго лелеяли эти искатели приключений со всего мира. Север.

Однажды ранним апрельским утром мужчины, рубившие лес в глубине страны, были поражены, заметив, что подлесок кишит вооруженными воинами. Первым страхом была засада. Кук приказал людям отойти к изолированной скале, приготовившись к обороне; но великий *тайи*, или вождь, знаками объяснил, что его племя всего лишь отпугивает другое племя, которое хотело торговать с белыми людьми. Самая большая беда была связана с неумеренными воровскими наклонностями туземцев. Железо, гвозди, страховочные штыри, рули, якоря, обрывки парусов, шип, который можно было вытащить из гнилого дерева внешнего киля зубами вора, гребущего вниз, — все, абсолютно все было схвачено легкомысленными джентри. Мы также не можем осуждать их за это. Их моральным стандартом был Волчий Кодекс Существования, который белый человек выработал в ходе своей эволюции — брать все, на что у них хватало ловкости и силы, и сохранять. Когда их ловили на воровстве, они не проявляли такого сильного чувства вины, как собака, ворующая кость. Зачем им это? Их кодексом было брать. Вождь нутка подарил Куку плащ из морской выдры. Кук ответил мечом с медной рукоятью.

К концу апреля корабли были отремонтированы, и Кук был готов к отплытию. Морские свиньи носились по морю, как борзые, а "буревестники" - с грохотом, но Кука шторм не мог задержать. Едва два корабля вышли из гавани, как разразился такой шквал, что им ничего не оставалось, как устремиться в открытое море, повернуться хвостом по ветру и лежать беспомощными, как бревна, курсом на юг. Если бы не этот шторм, Кук, несомненно, обнаружил бы, что Нутка находится на острове, а не на побережье материка; но к тому времени, когда погода позволила снова приблизиться к суше, в пятницу, 1 мая, корабли были поравнялись с той группой островов ниже заснеженного конуса горы Эджкамб, Ситка, где русские Чирикова впервые ступили на американскую землю. Кук находился теперь на самой северной границе испанского плавания.

К 4 мая Кук заметил и миновал хребет Фейрвезер, повернул на запад по старому курсу, которым следовал Беринг, и прошел под сенью Святого Ильи, возвышающегося сквозь облака снежным куполом. 6-го числа корабли были в Киаке, где бросил якорь Беринг, и среди мириад уток и чаек приближались к широкому заливу в северном направлении. Точно так же, как Беринг не исследовал эту часть побережья из-за тумана, так и Кук не смог проследить этот длинный архипелаг островов от пролива Ситка на север; но здесь, где побережье поворачивает прямо на запад, было отверстие, которое пробуждало надежды на Северо-Восточный проход. В "*Резолюции*" произошла утечка; и на второй неделе мая в залив вошли в надежде найти укрытие

для устранения утечки и путь на северо-восток, в Атлантику. Едва корабли миновали пролив, как их окутал туман, стерший все очертания; в противном случае высокий берег ледниковых зарослей — местами двести футов и четыре мили шириной — можно было бы увидеть за горами, не выходящими к морю; но мистер Гор отплыл в маленькой лодке, держа курс на север сквозь дымку и прилив. Были замечены двадцать туземцев, одетых в шкуры морских выдр, по которым, как рассудили белые люди, ни один русский не мог прийти на этот звук, потому что русские не позволили бы индейцам хранить такую ценную одежду из морских выдр. Предполагалось, что стеклянные бусы, которыми владели туземцы, свидетельствовали о близости к торговцам Гудзонова залива. С почти животным простодушием индейцы пытались украсть маленькую лодку с *"Дискавери"*, размахивая копьями, пока не собралась белая команда. В другой раз, когда *"Дискавери"* стоял на якоре, на палубе оказалось несколько фонарей. Матросов видно не было. Было раннее утро, все спали, в лодке было темно. Туземцы кишели по бортам корабля, как муравьи, вторгшиеся в банку из-под сахара. Заглянув в люки и не увидев там белых, они сразу же выхватили ножи и начали грабить. Белые ворвались в люк и острием меча сбросили грабителей с поручней. С востока и севера маленькие лодки огибали окутанные туманом берега, возвращаясь в полночь с известием, что залив закрыт берегом. Северо-восточного прохода не было. Они называли паукообразную бухту проливом Принца Уильяма и в десять утра вышли в море.

Здесь их ждало новое разочарование. Уроженцы пролива Принс-Уильям-Саунд настолько походили на эскимосов Гренландии, что исследователи были готовы к тому, что окажутся на западной оконечности американского континента, готовые повернуть на север, в Атлантику. Длинный выступ суши выдавался в море. Они называли этот мыс Элизабет, прошли мимо него, заметили риф из затонувших скал, лежащий прямо напротив потрясающего приливного отверстия, и вот! не на край континента — нет, не на тысячу миль, — а прямо на запад, под дымящимся вулканом, окрашивающим туман в рубиново-красный цвет, высоким обнаженным отрогом в трех милях от моря, с гребнем, скрытым среди облаков, и скалистым основанием, омываемым грохочущими бурунами. Это место называлось мысом Дуглас. Между этими двумя мысами было приливное течение шириной около шестидесяти миль. Откуда оно взялось? Снова рухнули надежды на Северо-Восточный проход и двадцать тысяч фунтов стерлингов! Несмотря на плавники, и бурные воды, и наводнение, которое несло со скоростью десять миль в час, и приливную волну, высота которой достигала двадцати футов, они шли по проходу с востока на запад, с запада на восток, половину июня проливаясь дождями и слякотью, с тяжелой пеленой черного дыма, поднимавшейся от оставшегося далеко вулкана! Наконец стало видно, что проход резко поворачивает прямо на восток. По нему с грохотом плыли маленькие лодки. Они пробежали девять миль вверх по мутным водам, пока соленая вода не превратилась в пресную, и исследователи оказались на берегу реки. По иронии судьбы, это место получило название *"Поворот снова"*. Вся бухта теперь известна как залив Кука. мистера Кинга отправили на берег на южной стороне Терна - снова вступить во владение. Двадцать туземцев в шкурах морских выдр стояли рядом, наблюдая за церемонией спуска флага и провозглашением земли их отцов владением Англии. Эти туземцы явно были знакомы с использованием железа, но *"я возьму на себя смелость заявить, - рассказывает Кук, - что они не знают русских, иначе они не носили бы этих ценных шкур морской выдры"*.

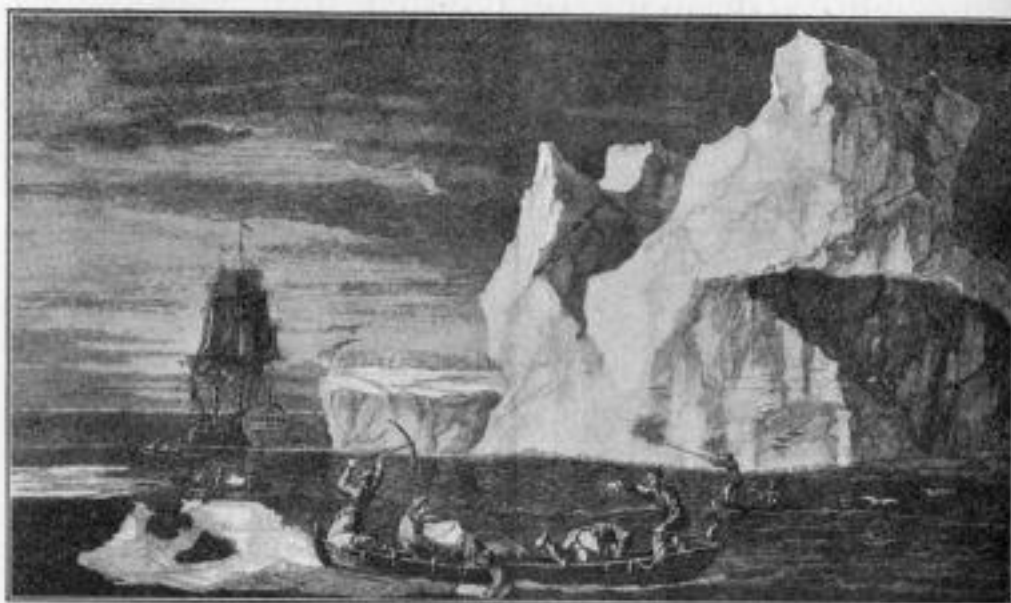
Здесь нет Северо-Восточного прохода! Поэтому они снова выходят в открытое море в туманную погоду; а когда погода проясняется, они оказываются в зеленой безлесной местности к западу от залива Кука. Мимо Кадьяка, мимо Туманного острова Беринга, мимо Шумагиных, где был

похоронен первый моряк Беринга, умерший от цинги, мимо вулканов, выбрасывающих огромное количество кроваво-красного дыма, мимо остроконечных скал, сквозь туманы, такие густые, что рев прибоя - их единственный ориентир, они скользят, или дрейфуют, или движутся по дюймам, осторожно нащупывая путь, опасаясь крушения.

Ближе к концу июня огромная пологая зеленая зыбь несет их через пролив мимо Ооналаски, наконец-то на север! Туземцев можно увидеть в зеленых брюках и европейских рубашках; туземцы снимают шляпы и отвешивают поклон по напыщенной русской моде.

Дважды местные жители сообщают Куку письмом и подписью, что русские Ооналаски желают его видеть. Но капитан Кук не горит желанием видеть русских прямо сейчас. Он хочет предотвратить их исследования на севере и завладеть Полярным царством для Англии. В августе они находятся в Бристольском заливе, к северу от Алеутских островов, прямо напротив Азии. Здесь доктор Андерсон, хирург, умирает от чахотки. Сейчас не так много тумана. Они могут следовать по матерiku. Далеко впереди прямо в море выступает длинная коса, окруженная высокими холмами, самая западная точка Северной Америки — мыс принца Уэльского! Беринг оправдан! Всего через пятьдесят лет после исследования Берингом в 1728 году английский мореплаватель обнаружил то, что обнаружил Беринг: что Америка и Азия не объединены; что Северо—Восточного прохода не существует; что к северу от Новой Испании не лежит большого океанического тела; что Аляска — как она была обозначена на русских картах после смерти Беринга - не остров.

Ветер, дождь, бурное мелководье, перехлестывающее через палубы корабля, вынудили Кука перебраться с суши на более глубокие воды. С присущей англичанину скрупулезностью в ведении дел и абсолютной уверенностью в том, как два континента расположены друг к другу, Кук теперь преодолевает Берингов пролив в тридцати девяти милях к земле чукчей в Сибири в Азии. Как он хвалит точность работы бедняги Беринга на этом побережье: Беринга, чье имя было объектом насмешек и презрения с момента его смерти; чья смерть была объявлена грубой ошибкой; чье путешествие считалось неудачным; чьи карты были отвергнуты и искажены учеными мира сего.

The Ice Islands.

[Иллюстрация: Ледяные острова.]

Из азиатских деревень чукчей Кук отплыл обратно к побережью Америки, пройдя к северу от Берингова пролива прямо по середине ла-Манша. Странное дело, хотя в Беринговом море встречается очень мало ледоходов, как только вы выходите к северу от пролива, вас окружает белый мир. Туман, лед, лед, туман — бесконечно, с частоколами льда высотой в двенадцать футов на востоке и западе, насколько хватает глаз! Команда развлекается тем, что попеременно собирает плавник для топлива и охотится на моржей во льду. Именно в Северной части Тихого океана морж достигает своих огромных размеров — девяти футов в длину, спина у него шире, чем у любого животного, известного цивилизованному миру. Эти пегие желтые чудовища сотнями валялись на ледяных полях. У кромки всегда стоял кто-нибудь на страже; и каким бы густым ни был туман, эти стада моржей на льду, ревущие так, что вздрагивал прибой, служили сигнальным рожком для кораблей Кука и не давали им застрять в ледоходе. Вскоре две трети мехов, добытых в Нутке, испортились от дождевой гнили. Суда были покрыты льдом, как корабли-призраки. Как они ни лавировали взад и вперед, прохода во льду не было. Внезапно Кук оказался на мелководье, на подветренном берегу, длинном, низком и пологом, со льдами, дрейфующими на его кораблях. Он назвал это место Ледяным мысом. Это была их самая дальняя точка к северу; и на третьей неделе августа они были вынуждены пробираться на юг, спасаясь от льдов. Отступая в сторону Азии, он достиг там Северного мыса. Был почти сентябрь. В соответствии с секретными инструкциями Кук повернул на юг, чтобы перезимовать на Сандвичевых островах, миновав Сердце-Камень, куда Беринг повернул обратно в 1728 году, Восточный мыс в Беринговом проливе, прямо напротив американского острова Принца Уэльского, и острова Святого Лаврентия, где корабли бросили якорь.

На обратном пути был исследован пролив Нортон; в октябре Кук прибыл в Ооналаску, откуда Ледьярда послали по суше через остров проводить русских торговцев к английским кораблям. Трое русских приехали навестить Кука. Один утверждал, что он был с Берингом в экспедиции 1741 года, и грубые авантюристы, казалось, почти боготворили память датчанина. Позже

приехал Исмилов, главный торговец русскими пушными промыслами в Ооналаске, в сопровождении свиты из тридцати местных каноэ, очень обходительный в манерах, очень лощеный и напыщенный, когда бывал не слишком общителен, но очень скупой на любую информацию для англичан, чьи карты он изучал с живейшим интересом, давая им понять, что императрица России в первую очередь претендует на все эти части страны, вставая, осушая бокал и низко кланяясь при упоминании августейшего имени. "Славные друзья и соотечественники", - говорили англичане красноречивому русскому, когда они пили за здоровье друг друга. Узнав, что Кук собирается посетить Авачинскую бухту, Исмилов вручил рекомендательное письмо майору Бему, русскому командующему на Камчатке. Кук подумал, что это письмо - благодарность. Оказалось иначе. Торговцы мехом по всему миру всегда возмущались приходом исследователя. Исмилофф был ни лучше, ни хуже себе подобных. [2]

Сильные шквалы преследовали корабли на всем пути от Ооналаски, оставленной 26 октября, до Сандвичевых островов, которых достигли в новом 1779 году. Тысячи каноэ восторженных туземцев приветствовали возвращение Кука на солнечные острова Тихого океана. Прежде чем "эксплорер" успел бросить якорь, туземцы заплывали вокруг корабля, как косяки рыб. Когда Кук приземлился, все население распростерлось у его ног, как будто он был богом. Это была долгожданная перемена после безжалостного холода негостеприимного севера.

Расположенные на полпути к Тихому океану, Сандвичевы острова были для мореплавателей Кука подобны оазису в водной пустыне. Корабли бросили якорь в центре бухты в форме рога под названием Каракаоа на Гавайях, примерно в двух милях от рога до рога. На песчаной равнине северного рога находилась родная деревня Коурова: среди кокосовой рощи другого рога - деревня Какоа, рядом с колодцем и Мораи, или священным местом захоронения. Между двумя деревнями вдоль берега тянулся высокий уступ черных коралловых скал. Всего в двух деревнях было, возможно, четыреста домов с населением от двух до трех тысяч воинов; но залив был местом сбора всей группы островов; и всего на островах насчитывалось несколько сотен тысяч воинов.

Представьте же тогда эту сцену этим странникам северных морей: длинный коралловый риф, омываемый волнами самого синего из морей; маленькую деревню, кладбище и домики священников, приютившихся под кокосовой рощей на одном конце полукруглой бухты, деревню, где Терриобу, король острова, жил на длинном песчаном пляже на другом конце; и плавали по воде, как косяки рыб, карабкались по корабельному такелажу, как обезьяны, толпились на палубах "*Дискавери*", так что корабль едва держался на ногах. Накренялся до тех пор, пока молодой вождь Парей не начал сбрасывать незваных гостей за шиворот обратно в море - сотни, тысячи полуголых, загорелокожих дикарей приветствовали возвращение белых людей на открытые ими острова. Главным среди посетителей корабля был Коах, маленький, старый, изможденный священник с бегающими глазами, кривой шеей и чешуйчатой, прокаженной кожей, который сразу же повел маленькие лодки к берегу, отгоняя толпу волшебной палочкой и рисуя своим волшебным посохом мистический круг вокруг участка земли рядом с Мораи, или местом захоронения, где белые люди могли поставить свои палатки рядом с кокосовыми рощами. Волшебную линию называли *табу*. За запретную линию волшебной палочки ни один туземец не осмелился бы пройти. Здесь капитан Кинг при содействии молодого мичмана Ванкувера высадился на берег с охраной из восьми или десяти моряков для ремонта мачт кораблей, в то время как остальные члены двух экипажей добывали провизию путем торговли.

Кука отвели в самый центр Мораи — круглой ограды из цельного камня с изображениями и домами жрецов на одном конце и черепами убитых пленников на другом. Здесь священники и люди воздавали почести белому исследователю как богу, принося ему в жертву свое самое священное животное — задушенную свинью.

Первые несколько дней все шло хорошо. Погибший белый стрелок был похоронен в священной ограде Мораи. Туземцы загрузили лодки белых людей провизией. За десять дней бледные, изможденные матросы стали такими лоснящимися и толстыми, что даже щедрые артисты смеялись над этим превращением. Старый король Терриобу явился, одетый в плащ из ярких перьев, с копьями и кинжалами за поясом и свитой жреческих слуг, следовавших за ним по пятам, чтобы нанести государственный визит Куку; и гвардия моряков была выстроена с оружием в руках под кокосовой рощей, чтобы принять гостя с подобающими почестями. Когда король узнал, что Кук должен покинуть бухту в начале февраля, королевским указом были собраны подарки для кораблей; и Кук ответил публичным фейерверком.

Печальным фактом является то, что когда высокоразвитый народ встречается с нецивилизованным народом, каждая раса празднует это событие, присваивая все дурные качества другой. Первыми вступают в братство пороки, а не добродетели. Со стороны команды Кука было так же несправедливо судить об островитянах по сброду, толпящемуся, чтобы украсть с кораблей, как для новичка было бы судить о жителях Нью-Йорка по карманникам и преступному миру прибрежных районов. И не следует забывать, что то самое качество, которое сделало Кука успешным, — смелость — было здесь для него опасным. Туземцы не нарушали священног~~табу~~табу, которое священник установил вокруг жилищ белых людей в роще. Именно белые люди нарушили его, выйдя за пределы дозволенного; и поведение белых моряков в течение шестнадцати дней пребывания в порту было ни лучше, ни хуже, чем поведение сегодняшних моряков, которые пускаются в дикие кутежи с самыми низшими элементами гавани. Дикари быстро поняли, что белые боги, в конце концов, были всего лишь людьми. Правдивая история того, что произошло, вряд ли могла быть написана капитаном Кингом, который дочитал дневник Кука; хотя между строк можно прочесть страх Кинга перед опрометчивостью своего командира. Факты по этому делу приводит молодой американец Джон Ледьярд из Коннектикута, который был капралом морской пехоты и находился в самой гуще боя.

По прошествии двух недель белые моряки, возможно, пресытились собственными пороками или страдали от головной боли, возникающей в результате длительного разгула. Во всяком случае, воровство, которому поначалу потворствовали, теперь наказывалось основательной поркой туземцев. Старый король вежливо намекнул, что белым людям пора уходить. Помощник капитана, который грузил мачты и руль обратно на борт "*Резолюции*", попросил дикарей помочь ему. Островитяне потеряли уважение к белым людям с такими вопиющими пороками. Они притворились, что протягивают руку помощи, но на самом деле только толкнули помощника капитана в толпе. Англичанин вышел из себя, нанес удар и разразился буйством. Берег огласился пронзительным смехом толпы. Напрасно вмешивались представители власти. На команды помочь белым людям последовал град камней прямо внутр~~итабу~~итабу. Ледьярду было приказано выйти с охраной из матросов, чтобы защитить белых людей, загружающих *Резолюцию*. Охрана была заброшена черным и синим. "Нам ничего не оставалось делать, - рассказывает Ледьярд, - кроме как переехать в новые земли, где не были известны наши пороки". Наконец все было готово к отплытию, не хватало только одного — дров; а белые люди не осмеливались отправиться в глубь материка за необходимыми дровами.

До сих пор вся вина лежала на матросах. Теперь Кук совершил свою кардинальную ошибку. С той самой отвагой и быстротой, с которой Кук использовал все доступные средства для достижения цели — независимо от того, оправдывала ли цель средства, — он приказал своим людям сойти на берег и захватить ограждение из перил вокруг каменного могильника - священного Мораи — в качестве топлива для своих кораблей. Жрецы в ужасном отчаянии выбежали из ограды. Была ли это их награда за то, что они защитили Кука жезлом священного табу? В качестве платы главному жрецу были предложены два топора. Он отверг их как слишком отвратительные, чтобы к ним прикасаться. Идя впереди, Кук приказал своим людям сломать ограду и протянул три топора, воткнув их в складки одежды священника. Бледный и дрожащий от ярости, священник приказал рабу убрать оскверняющее железо. Повалилась ограда! Повалились изображения на столбах! Долой черепа мертвых, священные для дикаря, как гробница для белого человека! К чести команды можно сказать, что люди были сильно напуганы тем, что им было приказано сделать; но они не были слишком напуганы, чтобы унести изображения как реликвии. Один Кук был слеп к риску. Слово для того, чтобы добавить последней капли к терпению гавайцев, когда корабли снялись с якоря и отплыли из залива, где всего две недели назад их так по-королевски приветствовали, на их борту были сбежавшие жены и дети из низших слоев населения двух деревень.

Это был один из случаев, когда возмездие пришло так быстро, что походило на живую Немезиду. Если бы погода оставалась хорошей, несомненно, жен и детей высадили бы в какой-нибудь ближайшей гавани, инцидент сочли бы шуткой, и англичане весело отправились в путь; но поднялся сильный шторм. Женщин и детей охватила морская болезнь, с которой было не до шуток. Палубы огласились такими воплями, что Куку пришлось лечь на дно во время шторма, спустить катер и отправить посетителей на берег. Что за историю они рассказали, мы можем догадаться. Тем временем шторм сломал фок-мачту на "*Резолюции*". Слово спеша навстречу своей гибели, Кук повернул обратно к заливу и бросил якорь на полпути между двумя деревнями. Палатки снова были разбиты рядом с Мораи, под кокосовыми рощами. Палочка снова обвела место для палатки; но белые люди научили дикарей, что табу больше не является священным. Там, где раньше тысячи людей приветствовали корабли, теперь не появилось ни души. Ни одно каноэ не рассекало воды. Ни один голос не нарушал тишины залива.

Моряки были угрюмы, Повар - зол. Когда мужчины плыли в деревни за свежей провизией, их забрасывали камнями. Когда по ночам дикари приходили на корабли со свежей едой, они запрашивали более высокие цены и брали в качестве платы только кинжалы. Только благодаря стрельбе из своих огромных орудий "*Дискавери*" смог предотвратить насильственное воровство со стороны дикарей, предлагавших провизию; и в потасовке при преследовании одного вора Парей — вождь, наиболее дружелюбный к белым, — был сбит с ног веслом белого человека. "Я боюсь, - заметил Кук, - что эти люди вынудят меня прибегнуть к насильственным мерам". Слово для проверки силы скрытой угрозы, в воскресенье на рассвете 14 февраля стало известно, что большая гребная лодка с "*Дискавери* была украдена.

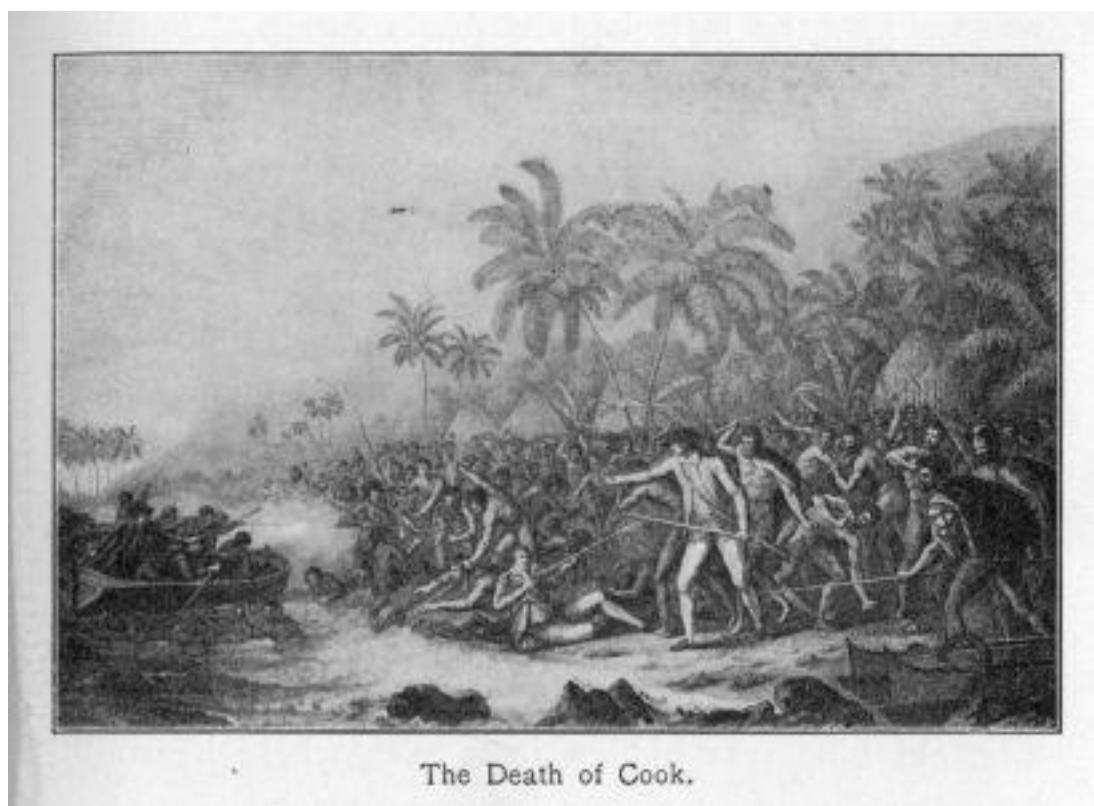
Когда капитан Кинг, отвечавший за охрану, ремонтировавшую мачты под кокосовой рощей, поднялся на борт в воскресенье утром, он застал Кука заряжающим ружье, а шеренгу солдат выстроили для того, чтобы сойти на берег, чтобы заманить правителя островов на борт и удерживать его в качестве заложника для возвращения потерянной лодки. Клерк из "*Открытия*" слишком сильно погряз в чахотке, чтобы принимать в этом какое-либо участие. Кук шел впереди на катере с Ледьярдом и шестью морскими пехотинцами. Капитан Кинг

последовал за ним на катере с таким же количеством других. Все остальные маленькие лодки с двух кораблей были натянуты поперек гавани от Какуа, где находилась роща, до Кауровы, где жил король, с приказом открывать огонь по любому каноэ, пытающемуся спастись бегством.

Перед бесстрашным вождем дикари падали ниц на улицах. Кук, как завоеватель, направился прямо к дверям королевской обители. Было около девяти утра. Старина Терриобу — миролюбивый и ленивый — только что проснулся и был только рад подняться на борт с Куком, поскольку это был самый простой способ избежать неприятностей из-за украденной лодки. Но как раз здесь своеволие Кука дало сбой. Вереница маленьких лодок, растянувшаяся поперек гавани, начала стрелять по убегающему каноэ. Любимый вождь был убит. Весть об убийстве пришла, когда старый король был у кромки воды, чтобы последовать за Куком; и жена схватила его за руку, чтобы оттащить назад. Внезапно тысячная толпа окружила белых людей. Кто-то наносит удар Филлипсу из морской пехоты. Мушкет Филлипса опускается прикладом на голову нападавшего. Копье вонзается Куку прямо в лицо. Он стреляет холостым. Безвредность выстрела только ободряет дикарей. Видно, как женщины спешат в горы; мужчины надевают свои боевые маты. Белые люди спешат занять позиции вдоль кромки воды, освободив пространство для нанесения удара; дикари - помешать побегу белых. В Кука попадает камень. "Какой человек это сделал?" - возмущается Кук и застреливает преступника насмерть. Тогда люди в лодках теряют голову и поливают толпу мушкетными залпами.

"Это безнадежно", - бормочет Кук Филлипсу; но под градом камней, перекрывающим крики дикарей, он поворачивается спиной к толпе и кричит, чтобы две маленькие лодки прекратили огонь и подтягивались к морским пехотинцам. Его предостережение пришло слишком поздно.

Он стоит спиной к нападавшим. Протянулась рука - рука с кинжалом; и кинжал с быстротой молнии вонзается под лопатку Кука. Он упал без стога, лицом в воду, и был разрублен на куски на глазах у своих людей. Четверо морских пехотинцев уже пали. Филлипс, Ледьярд и остальные прыгнули в море и поплыли, спасая свои жизни. Маленькие лодки были в двадцати ярдах от берега. Едва Филлипс оказался в ближайшей лодке, как раненый матрос, плывший в поисках убежища, потерял сознание и пошел ко дну. Хотя Филлипс был наполовину оглушен ударом камня по голове и истекал кровью от ножевого ранения в спину, он бросился на помощь, нырнул на дно, схватил измученного моряка за волосы и таким образом затащил его в лодку. Мертвецы и оружие беглецов были брошены в дикой борьбе за жизнь.

[Иллюстрация: Смерть Кука.]

Тем временем мачты "*Резолюции*", охраняемые всего шестью морскими пехотинцами, оказались незащищенными от воинов другой деревни в кокосовой роще. Под защитой орудий двух кораблей под руководством Клерка, который теперь стал командиром, к полудню мачты и людей подняли на борт. В четыре часа того же дня капитан Кинг греб к берегу за телом Кука. Его встретил маленький прокаженный священник Коах, выплывший на полпути. Хотя в предательски покрасневших глазах Коаха стояли слезы печали, когда он умолял Клерка и Кинга сойти на берег для переговоров. Кинг счел благоразумным крепко держаться за рукоять копья священника, пока они обнимались.

Ночь за ночью в течение недели раковины трубили в вызов белым людям. На склонах холмов плясали костры, призывающие к войне. Вой и насмешливые выкрики эхом отдавались от берега. В темноте под килем кораблей белых людей был слышен крадущийся перестук весел вероломных шпионов. Одеждой кухарки, шпагой, шляпой презрительно размахивали перед лицами матросов. Женщины поспешили в горы. Старый король был спрятан в пещере, куда до него можно было добраться только по веревочной лестнице; и эмиссар за эмиссаром пытались выманить белых на берег. Однажды непроглядно темной ночью под килем слышались шлепки весел. Часовые выстрелили, но при свете фонарей над перилами "*Резолюции*". Два испуганных, дрожащих дикаря проползли по палубе, распростерлись у ног Клерка и медленно развернули небольшой лоскут ткани, в котором обнаружился маленький кусочек человеческой плоти — останки Кука. Мертвая тишина воцарилась на охваченной ужасом команде. Затем строгий ответ Клерка заключался в том, что, если кости Кука не будут доставлены на корабли, обе туземные деревни будут уничтожены. Два дикаря были бывшими друзьями Кука и

предупредили белых, чтобы они не соблазнялись на суше и не доверяли Коаху, прокаженному священнику, на кораблях.

И снова раковины всю ночь трубили в темноте свой призыв. Снова заплесали боевые огни; но на следующее утро орудия "*Дискавери*" были направлены на Коаха, когда он попытался подняться на борт. В тот день моряки высадились на берег за водой и подожгли деревню кокосовых рощ, чтобы отогнать нападавших. Как быстро природа человека может вернуться к звериному типу! Когда белые моряки вернулись из этой стычки, они унесли с собой на корабли головы двух убитых ими гавайцев. К субботе, 20-го числа, мачты были установлены, а лодки готовы к отплытию. Между десятью и одиннадцатью часами утра была замечена длинная процессия людей, медленно спускавшаяся с холмов, которую сопровождали барабанщики и белый флаг. Был подан сигнал, что кости Кука доставлены на берег. Клерк отплыл на маленькой лодке, чтобы забрать останки погибшего командира, с которых была сожжена вся плоть. В воскресенье, 21-го, на весь залив наложили табу. Ни один туземец не вышел из домов. Над водой стояла тишина. На борту "*Резолюции*" была прочитана заупокойная служба, и гроб опустили в глубину.

Любопытный прием ожидал корабли в Авачинской бухте на Камчатке, откуда они сейчас отплывали. Письмо Исмилофа губернатору Авачинской бухты с похвалой исследователям привело к тому, что тридцать солдат-казаков пробрались сквозь прибрежный лед Петропавловска под защитой наведенных пушек. Исмилов, с присущей торговцу пушниной ревностью к вторжению, предупредил русского командующего, что английские корабли были пиратами, подобными польскому изгнаннику Беньовскому, который недавно разграбил гарнизоны Камчатки, угнал корабли и отплыл в Америку. Однако, когда письма Кука были доставлены по суше в Болчереск, командиру майору Бему, все пошло хорошо. Маленький форт с бревенчатой соломенной крышей и окнами из талька широко распахнул двери перед много путешествовавшими англичанами. Русские дамы форта облачились в свои фарфоровые шелка. Запели самовары. Английские моряки подарили русским свой грог. Русские казаки подарили англичанам свой табак, добавив к этому троекратное "ура", на какое способны только казаки, и прощальную песню.

В 1779 году Клерк предпринял еще одну попытку пройти через северные ледяные поля от Тихого океана до Атлантического; но он ничего не добился, кроме как пройти по местности, исследованной годом ранее под командованием Кука. 5 июля в десять часов вечера, при слабом солнечном свете северных широт, как раз когда лодки были на полпути через Берингов пролив, туман рассеялся, и впервые в истории — насколько это известно — белые люди одновременно увидели самую западную часть Америки, мыс принца Уэльского, и большую часть восточной Азии, Ист-Кейп.

Обнаружив невозможность продвигаться на восток, Клерк решил, что Северо-восточного прохода из Тихого океана в Атлантический нет; и 21 июля, под радостные крики своих матросов, объявил, что корабли поворачивают обратно в Англию. [3]

Бедный Клерк умер по дороге от чахотки 22 августа 1779 года, всего тридцати восьми лет от роду, и был похоронен в Петропавловске рядом с Ла Круером де л'Илем, погибшим в экспедиции Беринга. Лодки прибыли в Англию только в октябре 1780 года. Они не получили награды в двадцать тысяч фунтов стерлингов, но нанесли на карту незнакомое побережье на

расстояние в три тысячи пятьсот миль и проложили путь для обширной торговли, которая сейчас осуществляется между Западом и Востоком. [4]

[1] Может возникнуть вопрос, почему в описании путешествия Кука и Беринга широта не указывается чаще. Ответ заключается в том, что широты, указанные Куком и Берингом, настолько сильно отличаются от современных, что это только запутает читателя, пытающегося следовать современной карте.

[2] Это тот самый Исмилофф, которого бросил Беньовский.

[3] Источником сведений о приключениях Кука является, конечно, его собственный дневник "*Путешествие в Тихий океан*", Лондон, 1784 г., дополненный письмами и дневниками людей, которые были с ним, таких как Ледьярд, Ванкувер, Портлок, Диксон и другие.

[4] Повторяя невозможность найти проход из океана в океан, ни на северо-восток, ни на северо-запад, мы не умаляем таких подвигов, как подвиг Норденшельда на севере Азии в *Веге* в 1882 году.

Под "проходом" подразумевается водный путь, доступный для океанских судов, а не для океанских причуд специально построенного арктического судна, которое год или более лавирует среди льдин в попытке перейти из Атлантического океана в Тихий или *наоборот*.

ГЛАВА VIII

1785-1792

РОБЕРТ ГРЕЙ, АМЕРИКАНСКИЙ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ КОЛУМБИИ

Бостонские купцы, вдохновленные путешествиями Кука, снаряжают два судна под командованием Кендрика и Грея для открытия и торговли в Тихом океане—Приключения первого корабля, совершившего кругосветное плавание под американским флагом —Грей подвергся нападению индейцев в заливе Тилламук—Его открытие реки Колумбия во время Второго плавания—Защита форта и первый американский корабль, построенный на Тихом океане

Странно, что всякий раз, когда французские или британские торговцы мехом отправлялись на новую территорию, они обнаруживали, что индейцы называют американских торговцев не "американцами", а "бостонами" или "*бостонцами*". Причина была очевидна. Бостонские торговцы завоевали репутацию первых, кто начал действовать. Именно они положили начало некоему памяtnому "Бостонскому чаепитию"; и прежде чем остальной мир оправился от шока, вызванного этим событием, те же самые торговцы планировали захватить торговлю в Тихом океане, завладеть всем тихоокеанским побережьем, еще не захваченным Испанией, Россией или Англией, и продвинуть американскую торговлю через Тихий океан в Азию.

Из-за медленных печатных станков и медленных путешествий отчет о плаваниях Кука по Тихому океану стал широко известен в Соединенных Штатах только в 1785 или 1786 годах. Сидя в библиотеке доктора Однажды ночью 1787 года в резиденции Булфинча на Боудойн-сквер в Бостоне собралось с полдюжины искателей приключений, для которых рассказ Кука о торговле мехами на Тихом океане имел непреодолимое очарование. Был сам доктор. Был его сын Чарльз из Гарварда, только что вернувшийся из Европы, которому суждено было прославиться как архитектору. Был Джозеф Баррелл, преуспевающий торговец. Там был Джон Дерби, шкипер корабля из Салема, еще молодой человек, но который, тем не менее, донес новости о Лексингтоне до Англии. Капитан Кроуэлл Хэтч из Кембриджа, Сэмюэл Браун, торговец из Бостона, и Джон Марден Пинтард из нью-йоркской фирмы "Льюис Пинтард Компани" также принадлежали к этому небольшому кругу.

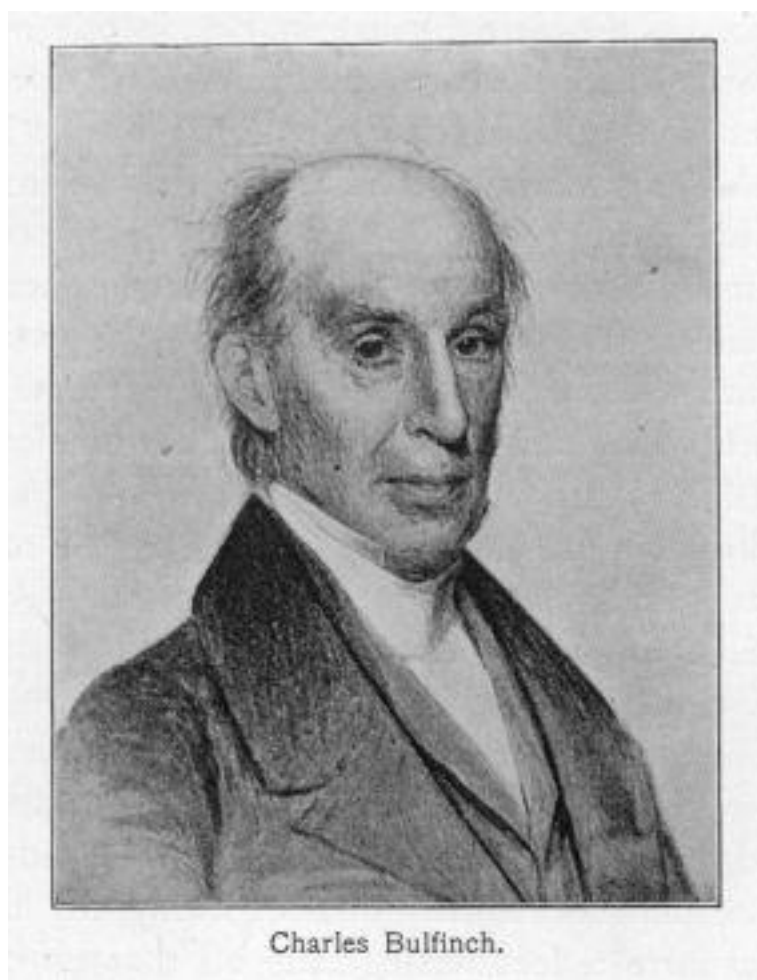
Departure of the *Columbia* and the *Lady Washington*. Drawn by George Davidson, a member of the Expedition. Photographed by courtesy of the present owner, Mrs. Abigail Quincy Twombly.

[Иллюстрация: Отплытие "Колумбии и леди Вашингтон". Нарисован Джорджем Дэвидсоном, участником экспедиции. Фотография любезно предоставлена нынешним владельцем, миссис Эбигейл Куинси Твомбли.]

Если команда капитана Кука продала треть сгнившего в воде груза мехов выдры в Китае за десять тысяч долларов, то почему, спрашивали себя эти бостонцы, корабли, специально приспособленные для торговли мехом, не могли заработать целое состояние на этой незанятой полосе побережья между русской Аляской на севере и Новой Испанией на юге?

"Те, кто первыми коснутся земли, соберут богатый урожай", - заметил Джозеф Баррелл.

Значит, нужно было первыми спуститься на землю — таково было единогласное решение проницательных людей, собравшихся в кабинете Булфинча.

Charles Bulfinch.

[Иллюстрация: Чарльз Булфинч.]

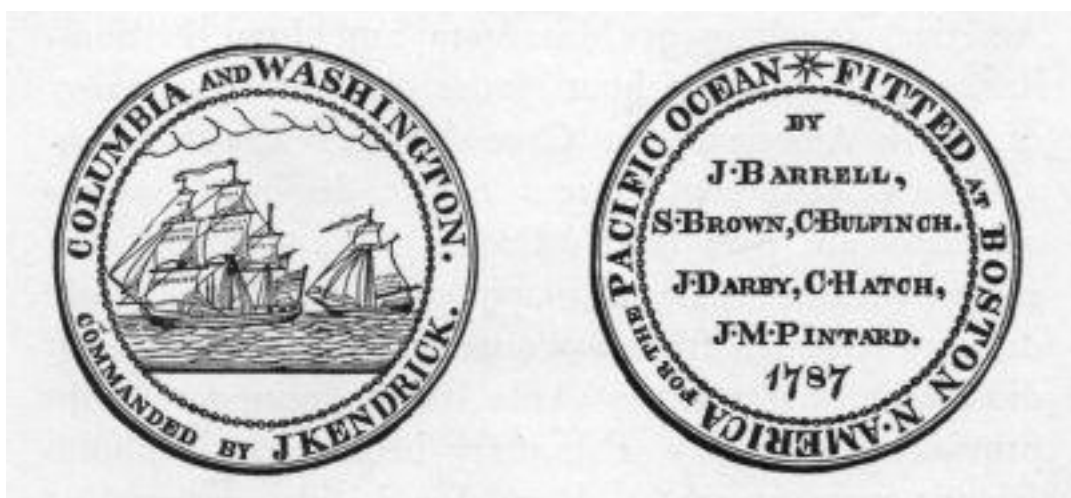
Последовательность заключалась в том, что Чарльз Булфинч и остальные пятеро сразу же учредили товарищество с капиталом в пятьдесят тысяч долларов, разделенное на четырнадцать акций, для торговли на Тихом океане. Это было за десять лет до того, как Льюис и Кларк достигли Колумбии, почти за двадцать лет до того, как Астор задумался о своей Тихоокеанской компании. "Колумбия", полностью оснащенное двухпалубное судно весом двести двенадцать тонн и восемьдесят три фута в длину, с десятью орудиями, построенное четырнадцать лет назад в Хобартс-Лэндинге, Норт-Ривер, было немедленно куплено. Но также требовалось судно поменьше, чтобы курсировать по внутренним водам и собирать меха; и для этой цели компаньоны купили *Леди Вашингтон*, маленький шлюп водоизмещением в девяносто тонн. Капитан торгового флота Джон Кендрик был выбран командиром "*Колумбии*", а Роберт Грей, уроженец Род-Айленда, служивший в революционном военно-морском флоте, друг Кендрика, стал капитаном "*Леди Вашингтон*"...... Кендрик был среднего возраста, осторожный почти до нерешительности, но Грей был моложе, с присущей юности отвагой.

Чтобы обеспечить хороший прием кораблям, от федерального правительства были получены письма иностранным державам. Массачусетс предоставил паспорта, а испанский посланник в Соединенных Штатах передал письма вице-королю Новой Испании. О том, как информация о планах Бостона вторгнуться на тихоокеанское побережье была воспринята Новой Испанией, можно судить по конфиденциальным приказам, немедленно отправленным из Санта-Барбары

испанскому офицеру в Сан-Франциско: *"Когда в порт Сан-Франциско прибудет корабль под названием "Колумбия", предположительно принадлежащий генералу Американских штатов Вангингтону (Вашингтон) под командованием Джона Кендрика, который отплыл из Бостона в сентябре 1787 года с целью обнаружения и обследования российских учреждений на Северном побережье этого полуострова, вы обеспечите охрану указанного судна вместе с его офицерами и командой."*

Также были отданы приказы Кендрику и Грею избегать оскорблений какой-либо иностранной державы, относиться к местным жителям с добротой и христианством, получить груз мехов на американском побережье, отправиться с ними в Китай для обмена на груз чая и вернуться с чаем в Бостон. Затем трюмы судов были забиты всеми безделушками, которые могли понравиться сердцу дикаря: бусами, медными пуговицами, серьгами, ситцем, оловянными зеркалами, одеялами, охотничьими ножами, медными чайниками, железными долотами, нюхательным табаком. Экипажи состояли из лучших представителей уважающих себя моряков. Вудрафф, первый помощник Кендрика, служил с Куком. Джозеф Ингрэм, второй помощник капитана, дослужился до капитана. Роберт Хасвелл, третий помощник капитана, был сыном британского военно-морского офицера. Ричард Хоу стал бухгалтером, доктор Робертс - хирургом, Наттинг, бывший учитель, - астрономом, а Трит - торговцем мехами. Дэвис Кулидж был первым помощником Грея на *"Леди Вашингтон"*.

Некоторые герои по ошибке обретают славу. Эти - нет. Они намеренно отправились в путь, имея в виду всю славу своего предприятия. Что бы ни показал отчет о прибылях и убытках, когда они вернулись, они прекрасно понимали, что предпринимают самую масштабную и рискованную попытку, которую только что предприняли новые федеративные штаты на пути разведки и торговли. В ознаменование этого события Джозеф Баррелл отчеканил медали из бронзы и серебра, на одной стороне которых были изображены два судна, а на другой - имена экипировщиков. Весь субботний полдень матросы и офицеры спускались к пристани с ковровыми мешками и матросскими сундуками на буксире, чтобы их отвезли туда, где на якоре стояли "Колумбия" и "Леди Вашингтон". В те дни Бостон был городом, соблюдающим субботу; но даже Бостон не мог оторваться от двух кораблей, качающихся на волнах, которым впервые в истории Америки предстояло обогнуть неизвестный мир. Всю субботнюю ночь и воскресное утро матросы прочесывали палубы и приводили койки в порядок; и весь воскресный день посетители толпились на палубах. К вечеру экипировщики и родственники все еще были на борту. Были вручены памятные медали. Здоровье, удача и Божья скорость были выпиты под стук каблуков. Над праздничной доской звучали песни. Все это было "весело", - пишет один из матросов на борту. Но к рассвету у кораблей оборвались тросы. Прилив, который течет из-за пределов подземного мира, неся им навстречу. Последний изгиб суши остался позади, и в понедельник, 1 октября 1787 года, носы кораблей рассекали воды своей судьбы.

[Иллюстрация: Медали в честь круза "Колумбия" и "Леди Вашингтон".]

Курс лежал от Бостона к островам Зеленого Мыса, от островов Зеленого Мыса к Фолклендам к северу от мыса Горн, вокруг мыса Горн, вверх по западному побережью Южной Америки, заходя в Масафуэру и Хуан-Фернандес, а оттуда, без остановки, к западному побережью Северной Америки. В Кабо-Верде Грей нанял камердинера, цветного мальчика Маркуса Лопеса, которому позже суждено было сыграть важную роль. Пересекая экватор, моряки стали веселыми, разыгрывая обычные шалости по погружению матросов свежими в экваториальные воды. Корабли так долго стояли у островов Верде, набирая свежую провизию, что до Фолклендских островов добрались только в январе. Здесь осторожность Кендрика переросла почти в страх. Он не хотел огибать сторми-Хорн зимой. Робертс, хирург, и Вудрафф, которые были с Куком, почувствовали отвращение к нерешительности Кендрика на Кабо-Верде и уехали, предположительно, сев обратно на какой-нибудь иностранный крейсер. Хасвелл, таким образом, перешел первым помощником на "Грей". Горные моря и сокрушительные штормы обрушивались на корабли с того момента, как они направились к Горну в апреле 1788 года. "Колумбию" швырнуло вверх тормашками, и море за морем обрушивалось на маленькую *Леди Вашингтон*, заливая все под палубой, как мыльная пена в расшатанном чане. Затем налетел ураган холодных ветров, покрывший корабль льдом, как стеклом, так что реи были похожи на привидения. Из-за цинги и простуды не нашлось ни одного матроса, способного выйти на палубу. Где-то под 57 градусами южной широты, к западу от Горна, бушующие волны и пронизывающие ветры разделили два корабля; но когда они направились на север, ясное небо и теплые ветры приветствовали их в Тихом океане. В Масафуэре, у берегов Чили, корабли должны были пристать за пресной водой, но мощный обратный прибой предупредил о рифах; и "Леди Вашингтон" распустила паруса навстречу долгожданному теплему ветру и со всей скоростью взяла курс на север. Несколько недель спустя Кендрик был вынужден наняться к Хуану Фернандесу, чтобы отремонтировать "Колумбию" и дать отдых своей страдающей от цинги команде. Губернатор острова оказывал им всяческую помощь, который впоследствии получил выговор от вице-короля Чили и был отстранен от должности за помощь этим захватчикам Южных морей.

Тем временем маленький шлюп, управляемый властным и полным энтузиазма Греем, повернул к морю. Вскоре перед американскими искателями приключений открылся мир глубоководных тропических чудес. Слизь огней "медузы" каждую ночь покрывала длинный пенный след "*Леди Вашингтон*". Дельфины мчались за кораблем, стадо за стадом, их серебристо-белые тела блестели на солнце. Стаи спермацетовых китов числом до двадцати одновременно лениво резвились на носу. Буревестники, летучие рыбы, морские львы стали попадаться на глаза, когда судно проходило к северу от морей, омывающих Новую Испанию. Мягкий ветер и ясный солнечный свет благоприятствовали кораблю весь июнь. Долгое, трудное путешествие превратилось в летний отдых на теплых серебристых морях. "*Леди Вашингтон*" направлялась в глубь материка, или туда, где должна была находиться земля, где Фрэнсис Дрейк два столетия назад сообщил, что нашел Новый Альбион. 2 августа, где-то недалеко от того места, где сейчас находится мыс Мендосино, при дневном свете показалась гряда зеленых, поросших лесом холмов над серебристым морем. Это был Новый Альбион, к северу от Новой Испании, полоска побережья, ради которой они обогнули весь мир. Мириады птиц кричали о радости, которую испытывала команда по поводу своей находки; но пенистая рябь говорила о рифах; и "*Леди Вашингтон*" двигалась параллельно береговой линии на север. 4 августа, когда прибой все еще бушевал со слишком большой силой, чтобы можно было причалить к берегу, было замечено крошечное пятнышко, танцующее над волнами, как птица. По мере того как расстояние сокращалось, пятнышко увеличивалось и превратилось в долбленку, или длинное каноэ, с причудливым рисунком на носу и корме, ярко раскрашенное на киле, на борту которого находились десять индейцев, которые пускали в воздух птичий пух дружбы, распахивали объятия без оружия и делали все знаки дружбы. Капитан Грей перебросил им подарки через поручни палубы, но свист шторма в такелаже предупредил, чтобы они держались подальше от скалистого берега, и нос шлюпа рассекал волны, направляясь к причалу. Всю ночь на берегу были видны костры и столбы дыма, свидетельствующие о том, что побережье обитаемо. Под облаками парусов шлюп десять дней шел на север, встречая множество дикарей, некоторые из которых ловили морских выдр для торговли, другие бегали по берегу, размахивая копьями и выкрикивая свой боевой клич. По двое или по трое за раз допускались на борт для торговли; но они выказывали такое вероломное недоверие, держа в правой руке ножи, готовые нанести удар, что Грей был осторожен.

Во время попутного ветра они миновали одно отверстие на побережье, которое напоминало вход в реку. Была ли это легендарная река Запада, которая, по словам индейцев, текла к заходящему солнцу? Далеко-далеко в канадской глуши, в стране Атабаска, жил другой человек, Александр Маккензи, ставивший перед собой ту же задачу - найти великую реку Запада. Кроме того, в 1775 году Хесета, испанский мореплаватель из Монтерея, дрейфовал недалеко от этого побережья с командой, настолько пораженной цингой, что ни один человек не мог поднять якорь или поставить рифовые паруса. Хекете показалось, что он видит вход в реку, но он не смог подойти ближе чем на двадцать миль к отверстию, чтобы подтвердить свое предположение. И теперь команда Грея стояла на страже этой предполагаемой реки; но более обыденные вещи, чем слава, стали насущными потребностями. Требовалась вода для питья. На корабле закончились дрова. У скота должно быть сено; а из двенадцати человек экипажа три четверти были больны цингой. Этих людей необходимо доставить на берег. Где-то недалеко от того места, где сейчас находится мыс Лукаут, или бухта Тилламук, гребная лодка была спущена на воду, найдена безопасная якорная стоянка, и "*Леди Вашингтон*" отбуксирована в гавань.

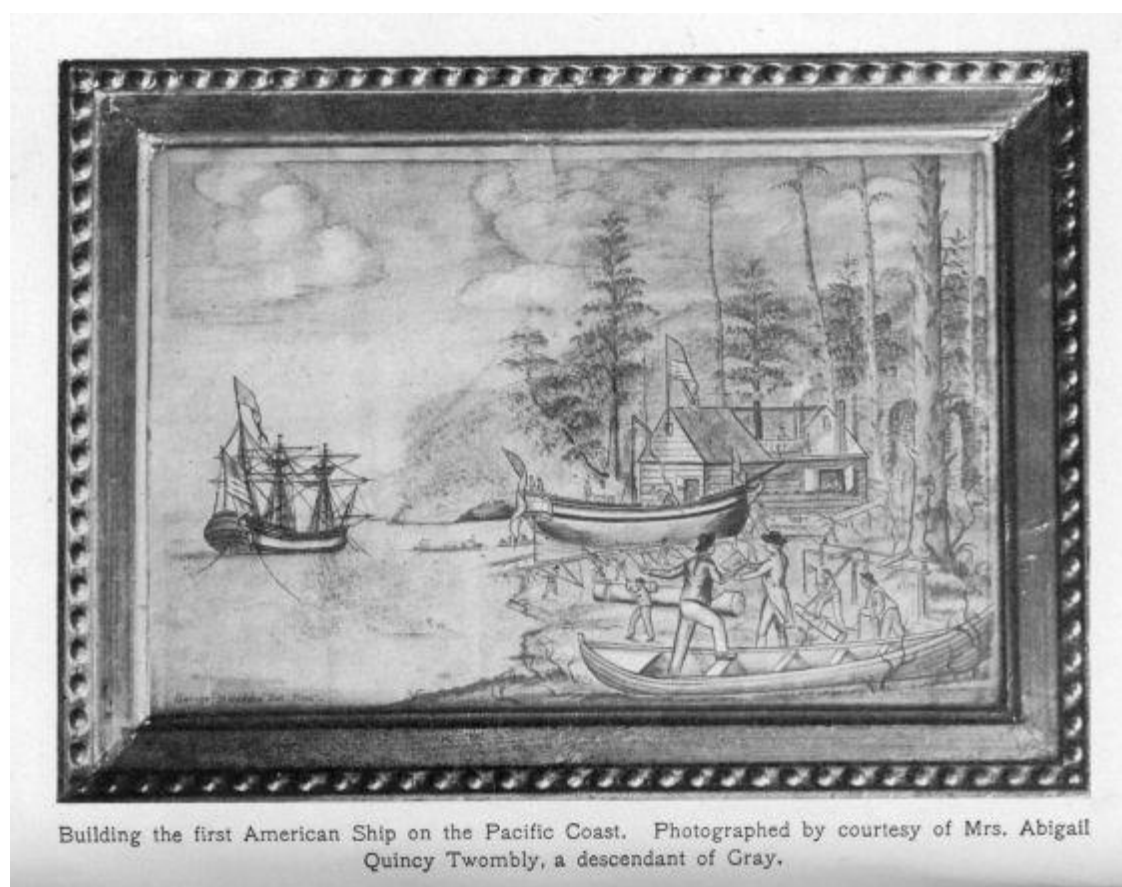
"Леди Вашингтон" стояла на якоре примерно в полумиле от берега, но причудливо вырезанные каноэ танцевали на волнах мириадами. Грей заметил, что все туземцы были вооружены копьями и ножами, но они проявляли большое дружелюбие, принося команде корзины с ягодами, вареными крабами и лососем в обмен на медные пуговицы. Они бросили якорь в десять вечера 14 августа, и к полудню 15-го индейцы в большом количестве окружили шлюп, обменивая шкуры выдр на ножи, топоры и другое оружие, что само по себе должно было насторожить команду. Когда белые люди вышли на берег за дровами и водой, индейцы молча стояли рядом с оружием в руках, но не проявляли никакой враждебности. На третий день пребывания в гавани на борт поднялся старый вождь в сопровождении множества вооруженных воинов. Грей держал тщательную охрану, и старый индеец удалился, унося с собой тот обнадеживающий факт, что на "Леди Вашингтон" было всего дюжина матросов. На следующий день в ожидании прилива Хасвелл и Кулидж, два помощника капитана, выкапывали моллюсков на берегу. Лопес, чернокожий, и семеро членов команды собирали траву для скота. На шлюпе с капитаном Греем оставалось всего три человека. На берег доставили только два мушкета и три или четыре абордажные сабли. У Хасвелла и Кулиджа были пистолеты и шпаги за поясом. Двое приятелей приблизились к родной деревне. Индейцы начали метать копья, как подумал Хасвелл, чтобы позабавить своих посетителей. Не сумев внушить страх этим белым людям, опрометчивым, как дети, индейцам, они образовали кольцо, опустили оружие в пантомиме и исполнили все важные движения знаменитого военного танца. "У меня кровь застыла в жилах", - говорит Хасвелл; и только двое товарищей вернулись к выкапыванию моллюсков, как раздался громкий, сердитый крик. Взглянув как раз туда, где стояла гребная лодка, покачиваясь рядом с косилками, Хасвелл увидел, как индеец схватился за кортик чернокожего Лопеса, который небрежно воткнул его в песок. С диким воплем вор бросился в лес, черный преследовал его, безумный, как шершень.

Хасвелл отправился прямо к вождю и предложил награду за возвращение меча или черного человека. Старый вождь молчаливо подал знак Хасвеллу, чтобы тот сам спасал его.

И кража, и бегство были частью плана рассеять белых людей. "Они видят, что мы плохо вооружены", - заметил Хасвелл другому. Приказав лодке грести вровень с шестью косарями, двое помощников и третий матрос побежали вдоль берега в том направлении, где исчез Лопес. Внезапный поворот в рощу показал Лопеса, извивающегося посреди группы индейцев, держащего вора за шею и кричащего "Помогите! помогите!" Не успели трое белых появиться на сцене, как индейцы вонзили свои ножи в спину мальчика. Он споткнулся, поднялся, шатаясь пошел вперед, затем упал, пронзенный множеством зазубренных стрел. У Хасвелла было время только увидеть, как враги набросились на его тело, как стая волков на добычу, когда с тыла появилось еще больше индейцев, и белые оказались между двумя боевыми отрядами под градом копий. Был предпринят стремительный рывок, чтобы оттеснить беглецов от берега. Хасвелл и Кулидж повернулись с пистолетами в руках, в то время как гребная лодка приближалась. Еще один полет стрел, когда помощники выпустили заряд пистолетной дроби, который свалил трех первых индейцев. Крикнув гребцам стрелять, Хасвелл, Кулидж и матрос бросились в воду. Что еще хуже, матрос потерял сознание от потери крови, и преследователи с воплями бросились в воду. Затащив раненого в лодку, белые гребли изо всех сил. Затем индейцы пустили свои каноэ в погоню, но к этому времени Грей направил пушку *Леди Вашингтон* на берег, и три выстрела обратили противников в бегство. На два дня прилив, ветер и грохочущий прибой заточили Грея в Гавани Убийц, где он надеялся найти Западную реку, но встретил только опасность. Всю ночь дикари продолжали свой вой, но на третий день ветер

переменился. Подняв все паруса, шлюп поспешил прочь, радуясь возможности держаться на некотором расстоянии от такого опасного берега.

Теперь стало очевидным преимущество маленькой лодки. В том же районе Кук был вынужден держаться подальше от побережья и поэтому сообщил, что Фукайского пролива нет. К 21 августа шлюп снова был достаточно близко к скалистому берегу, чтобы увидеть заснеженные опаловые хребты гор Олимп. К 26 августа они миновали исхлестанные волнами скалы мыса Флэттери, и помощник капитана записывает: "Я придерживаюсь мнения, что Фукайский пролив существует; ибо именно на той широте, где, как говорят, он находится, берег делает изгиб, вероятно, у входа".

[Иллюстрация: Строительство первого американского корабля на Тихоокеанском побережье. Фотография любезно предоставлена миссис Эбигейл Куинси Твомбли, потомком Грея.]

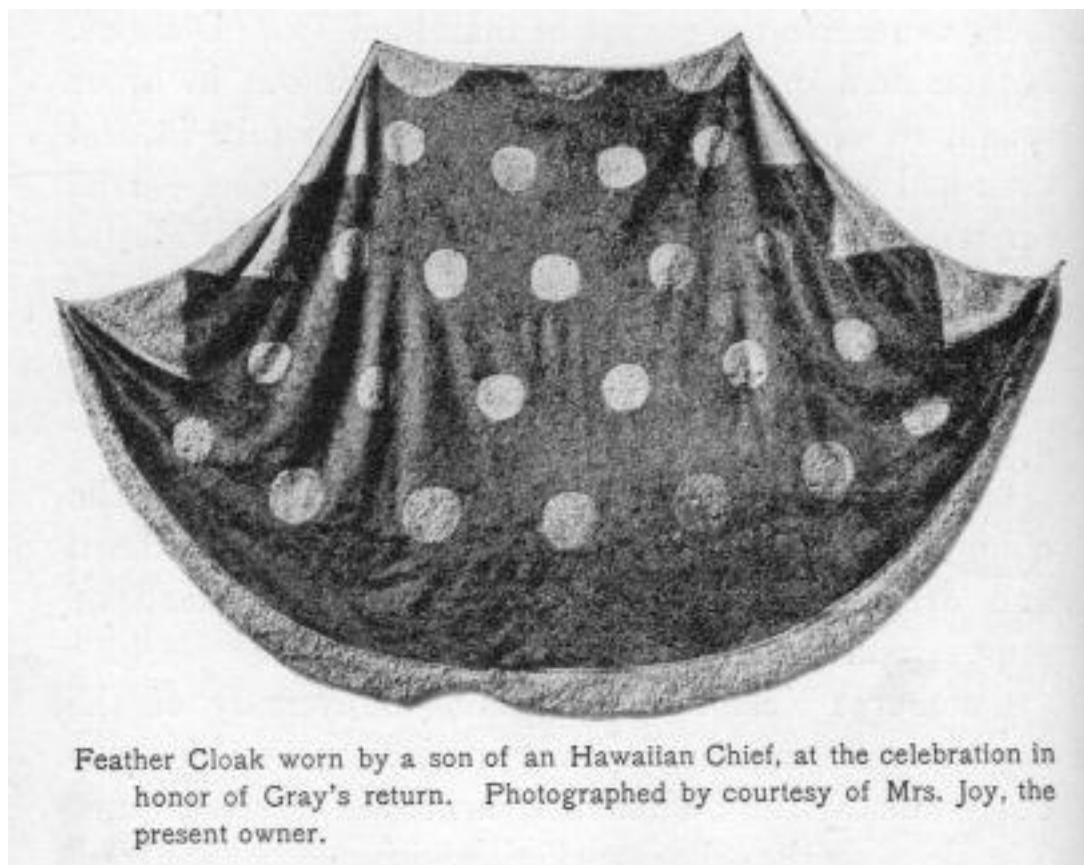
К сентябрю, после частых остановок для торговли с индейцами, они были уже недалеко от Нутки, где Кук побывал десять лет назад. Ужасная волна прибоя и обратной волны бушевала над выступающими рифами. Здешние индейцы знали достаточно английских слов, чтобы сказать Грею, что Нутка находится дальше на восток и что там находится капитан Мирс с двумя судами.

В гавани появился странный парус. Грей подумал, что это запоздалая "*Колумбия*" под командованием Кендрика; но подошла гребная шлюпка с самим капитаном Мирсом, который завтракал с американцами 17 сентября, и его баркасы отбуксировали "*Леди Вашингтон*" в Нутку, где Грей с удивлением увидел два английских "Сноу" под португальскими флагами, с гарнизоном, установленным пушками, на берегу и тридцатитонную шхуну "*Северо-Западная Америка*", все готовые к спуску на воду. Это был первый корабль, построенный на северо-западном побережье. Позже Грей сам построил второй. Под залпы пушек с "*Леди Вашингтон*" новое меховое судно было спущено на воду; и в его честь 19 сентября было отмечено как праздник, когда Мирс и Дуглас, два английских капитана, развлекали Грея и его офицеров. Мирс прибыл из Китая в январе и летом прошел вверх по Фукайскому проливу, где ему предшествовал другой английский капитан, Барклай. Затем Мирс отправился на юг мимо Флэттери, тщетно разыскивая реку Запада. Штормы и буруны отбросили его от побережья, и тот самый мыс, который скрывал устье Колумбии, он назвал мысом Разочарования, потому что был так уверен — по его собственным словам, — "что реки на испанских картах не существовало". Он также побывал на побережье, в Тилламук, или на мысе Мирс, где был убит камердинер Грея. Это было в июле, за месяц до нападения на Грея; и если принять на веру сообщение Хасвелла о жестокости Мирса — захвате мехов силой оружия, — это могло объяснить враждебное отношение к американцам. У Мирса не хватало провизии для поездки в Китай, и Грей снабдил его ею. Взамен Мирс поручил своим рабочим помочь очистить киль "*Леди Вашингтон*" от ракушек; но англичанин был истинным торговцем мехом до мозга костей. Во время послеобеденных бесед в день спуска на воду он пытался отпугнуть американцев от побережья. По его словам, за год можно было добыть не пятьдесят шкурок. Только частокол и пушки защищали его от индейцев, которых, по его словам, в Нутке было более двух тысяч. Они могли бы обменять его форт на дрова после того, как он уедет. Он купил право на его постройку у индейцев. (Не указано, признал ли он, что заплатил индейцам всего два старых пистолета за эту привилегию.) В любом случае, американцам не стоило оставаться на побережье. Американцы слушали и улыбались. Мирс предложил перевезти любую почту в Китай, и 2-го числа Грей и другой английский капитан, Дуглас, вывели его на буксире из порта; но каково же было удивление Грея, когда он получил пакет с почтой обратно от Дугласа. Мирс только притворился, что выполняет это задание, чтобы никто из его команды не был подкуплен, а затем отправил его обратно через своего партнера Дугласа — настоящего торговца мехами, ставящего мат ходам соперников. Позже, когда люди Мирса оказались в отчаянном положении в этом же порту, они удивлялись, что американцы стояли в стороне от ссоры, если на самом деле не встали на сторону Испании.

23 сентября в море появилось странное судно — "*Колумбия*" под командованием Кендрика со спущенными и разбитыми парусами, рангоуты сорваны штормом, двое человек умерли от цинги, а вся команда больна.

1 октября в прошлом году отмечалась грандиозная годовщина вылета из Бостона. Ровно в полдень на "*Колумбии*" прогремели тринадцать залпов. Шлюп подогнал "эхо" еще к тринадцати. Корабль Дугласа прогремел салютом из семи пушечных выстрелов, форт на суше — еще шестью, и день прошел весело: вся команда ужинала на борту "*Колумбии*" такой дичью, какую можно найти в лучших лесах мира, и обильными запасами испанских вин. Были произнесены тосты за первый корабль Соединенных Штатов у тихоокеанского побережья Америки. 26 октября корабль Дугласа и торговец пушниной "*Северо-Западная Америка*" были отбуксированы и направлялись

к Сандвичевым островам, а американцы остались одни на северо-западном побережье, поскольку форт был снесен, а бревна переданы Кендрику на дрова.

[Иллюстрация: Плащ из перьев, который носил сын гавайского вождя на праздновании в честь возвращения Грея. Фотография любезно предоставлена миссис Джой, нынешней владелицей.]

Зима 1788-1789 годов прошла без происшествий, за исключением того, что не успели англичане выйти из гавани, как индейцы, которые до сих пор косо смотрели на американцев, стоящими пришли торговать. Поскольку имя Кука стало нарицательным во всем мире в связи с тем, что он сделал на Тихоокеанском побережье, а имя Грея едва известно за пределами Бостона и штата Орегон, полезно проследить за передвижениями Грея на "*Леди Вашингтон*". Март застал его торгующим к югу от Нутки в Клейоко, названном Хэнкоком в честь губернатора Массачусетса. Эйприл видела его в пятидесяти милях вверх по Фукайскому проливу, которого, по словам Кука, не существовало. Затем он снова направился на север, зайдя в Нутку, где обнаружил англичанина Дугласа, вернувшегося с Сандвичевых островов с двумя кораблями. Выходя из Нутки в четыре часа пополудни 1 мая, он встретил величественный корабль с поднятыми парусами, двадцатью пушками на изготовку, под испанскими флагами, скользивший в гавань. Это был флагманский корабль дона Джозефа Мартинеса, отправленный в Берингово море с целью открытий с супругой, а теперь входящий в Нутку, чтобы вступить во владение от имени Испании. Мартинес изучил паспорта Грея, узнал, что американцы и не думали предъявлять права на Нутку, и, узнав о корабле Дугласа в гавани, похоже, пришел к

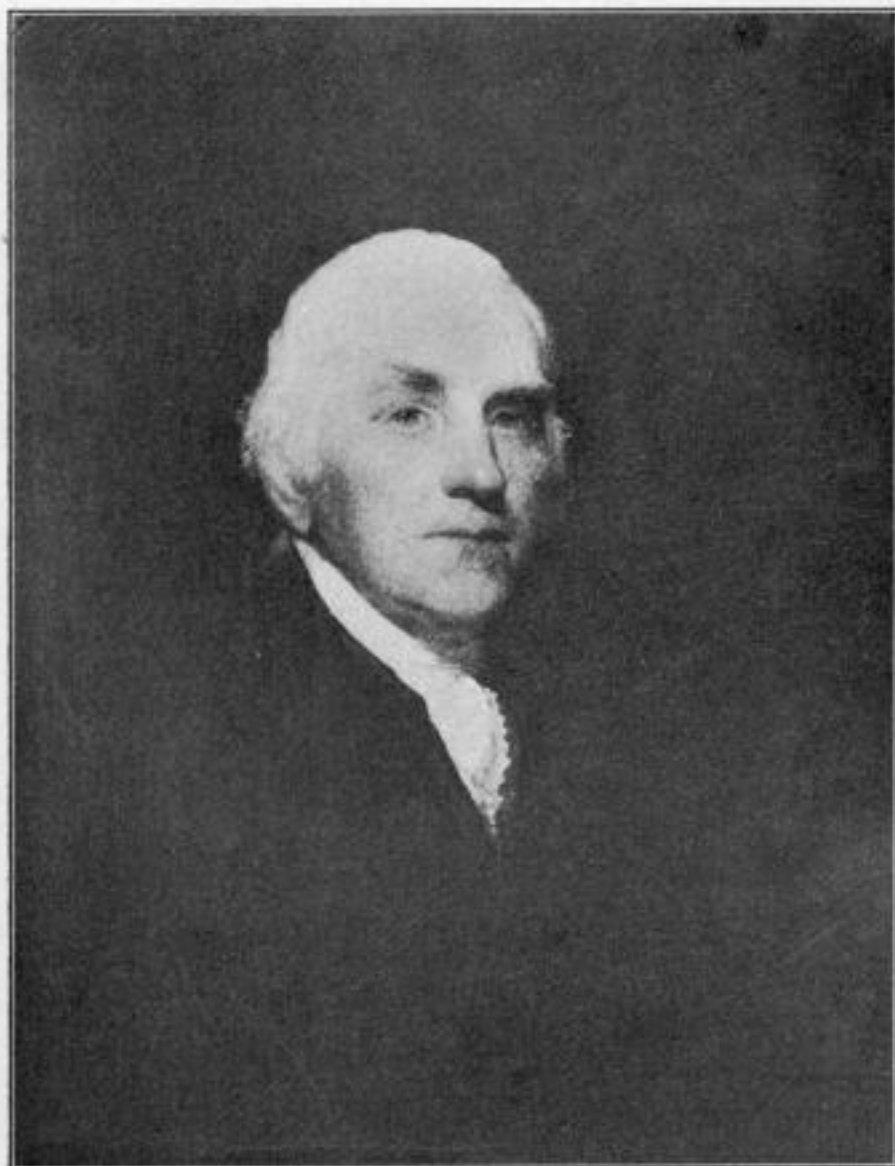
выводу, что было бы разумно подружиться с американцами; и он подарил Грею вина, бренди, ветчину и специи.

"Из нее получится хороший приз", - таково было его нравоучительное замечание Грею об английском корабле.

Поворачивая на север, Грей встретил корабль-спутник испанского командира. Следует помнить, что Кук упустил возможность доказать, что западное побережье представляет собой цепь островов. Со времен Кука англичанин Барклай и Мирс находились в Фукайском проливе. Диксон открыл остров королевы Шарлотты; но крейсерство маленького шлюпа "*Леди Вашингтон*" охватило большую территорию, чем корабли Мирса, Барклая и Диксона вместе взятые. Сначала он обогнул северную оконечность Ванкувера, доказав, что это остров, а не континент. Эти северные воды Грей назвал проливом Дерби, в честь владельца снаряжения. Затем он прошел между островом королевы Шарлотты и континентом на протяжении двухсот миль, назвав этот остров Вашингтоном. Именно к северу от Портлендского канала, где-то недалеко от того места, где сейчас находится Врангель, маленький шлюп "Храбрый" попал в ужасающий шторм, который бушевал над ним в течение двух часов, повредив мачты и обшивку, так что Грей был вынужден повернуть обратно из того, что он называл Бухтой Бедствия, для ремонта в Нутке. Однажды у острова Принца Уэльского индейцы охотно обменяли двести шкурок выдры стоимостью восемь тысяч долларов на старое железное долото.

На второй неделе июня шлюп вернулся в Нутку, где Грей был немало удивлен, обнаружив, что испанцы возвели форт на острове Хог, захватили судно Дугласа и отпустили его только при условии, что маленький торговец пушниной *Северо-Западная Америка* перейдет в испанскую собственность по прибытии в Нутку.

Грей и Кендрик теперь поменялись кораблями, и Грей, проявивший себя более быстрым штурманом, отправился на "*Колумбию*", взяв с собой Хасвелла в качестве помощника. В обмен на сотню шкурок выдры Грей должен был перевезти захваченный экипаж "*Северо-Западная Америка*" в Китай для испанцев. 30 июля 1789 года он покинул остров Ванкувер. Была сделана остановка на Гавайях за провизией, и Атто, сын вождя, сел на "*Колумбию*", чтобы посетить Америку. 6 декабря "*Колумбия*" доставила свой груз мехов компании Shaw & Randall из Кантона, получив взамен чай для Сэмюэля Паркмана из Бостона. Был февраль 1790 года, когда "*Колумбия*" была готова отплыть в Бостон и, спускаясь вниз по реке, прошла мимо "*Леди Вашингтон*" под командованием Кендрика в бухте, где шторм укрыл ее от Грея.

John Derby, from the portrait by Gilbert Stuart, by courtesy of the owner, Dr. George B. Shattuck.

[Иллюстрация: Джон Дерби, с портрета кисти Гилберта Стюарта, любезно предоставленного владельцем, доктором Джорджем Б. Шаттук.]

11 августа 1790 года, обогнув Добрую Надежду и причалив к острову Святой Елены, Грей въехал в Бостон. Это был первый раз, когда американский корабль совершил кругосветное путешествие почти на пятьдесят тысяч миль, как показывал его вахтенный журнал, и в ответ раздались приветственные артиллерийские залпы. Генерал Линкольн, портовый инспектор, первым поднялся на борт и пожал руку Грею. Весь Бостон собрался на пристани, чтобы приветствовать его возвращение домой, и исследователь прогуливался по улицам бок о бок с Атто, гавайским мальчиком, великолепным в шлеме и плаще с желтым плюмажем. Губернатор

Хэнкок устроил общественный прием в честь Грея. "*Колумбия*" отправилась на верфи для капитального ремонта, и акционеры встретились.

Из-за перенасыщения рынка в Кантоне морская выдра плохо продавалась. Практически предприятие этих искателей славы не закончилось прибылью. Путешествие оказалось убыточным. Дерби и Пинтард продались Барреллу и Брауну. Но соблазн славы, или дикой природы, или рискованного путешествия в неизвестность был у других. Они решили немедленно отправить "*Колумбию*" обратно во второй рейс. Возможно, на этот раз она найдет ту великую реку на Западе, которой предстояло стать для тихоокеанского побережья тем же, чем был Гудзон на Востоке.

Map of Gray's two voyages, resulting in the discovery of the Columbia.

[Иллюстрация: Карта двух путешествий Грея, приведших к открытию Колумбии.]

Кулидж и Ингрэм теперь покинули *Колумбию* и отправились на собственные поиски приключений в Тихий океан. Хасвелл, чей дневник вместе с бортовым журналом Грея содержит все подробности плавания, отправился в качестве первого помощника. Джордж Дэвидсон, художник, Сэмюэл Енделл, плотник, Хаскинс, бухгалтер компании Barrell's Company, Джошуа Касвелл из Maiden, Абрахам Уотерс и Джон Бойт были новыми людьми, нанятыми для участия в рискованном путешествии. "*Колумбия*" вышла из Бостона во второе плавание 28 сентября 1790 года и достигла Клейоко на западном побережье острова Ванкувер 5 июня 1791 года. Верный своей натуре, Грей не потерял ни дня, а отправился на промысел каланов на север, вверх по Портлендскому каналу, недалеко от нынешней Аляски. Опасности первого путешествия оказались праздником по сравнению с этим путешествием. Раньше Грей относился к индейцам с добротой. Теперь он обнаружил, что доброту ошибочно принимают только за страх. Джошуа Касвелл, Барнс и Фолджер были отправлены вверх по Портлендскому каналу на разведку. Попали ли они в засаду или подверглись открытому нападению, они так и не вернулись. Было найдено только тело Касвелла, похороненное на пляже. Позже, когда могилу осмотрели повторно, выяснилось, что тело было украдено, по всей вероятности, для каннибальских обрядов, поскольку не существует более деградировавших дикарей, чем жители этого архипелага. На острове королевы Шарлотты Кендрик, вернувшийся из Китая на "*Леди Вашингтон*", проводил свободное время. Однажды, когда все спустились на палубу отдохнуть, из люка донесся насмешливый смех. Кендрик бросился наверх и увидел индейцев, карабкающихся по палубам "*Леди Вашингтон*", как гнездо рассерженных шершней. Воин помахал ключом от ящика с боеприпасами, который стоял у люка, перед лицом Кендрика со словами: "Ключ мой! Как и корабль!"

Если бы Кендрик замешкался хотя бы на долю секунды, все было бы потеряно, как на корабле Астора несколько лет спустя; но прежде чем дикари успели подать какой-либо согласованный сигнал, он схватил говорившего за шиворот и швырнул его в море. В мгновение ока все дикари разбежались по палубам, но скальп Соломона, сына Кендрика, был найден на берегу. Отныне ни Кендрик, ни Грей не допускали на борт более десяти дикарей одновременно, и Кендрик сразу же направился на юг, чтобы отвезти урожай мехов в Китай. В Нутке отношения между англичанами и испанцами становились все хуже и хуже. Хотя Кендрик купил большие участки земли у индейских вождей в Нутке по цене медного котла, он считал благоразумным держаться подальше от испанского командира, в задачу которого входил захват кораблей конкурирующих торговцев; поэтому американский шлюп пришвартовался в Клейоко, к югу от Нутки, где Грей нашел Кендрика готовым отплыть в Китай к сентябрю.

В Клайо был построен первый американский форт на Тихоокеанском побережье. Здесь Грей возвел зимние квартиры. "*Колумбия*" была снята с якоря и выброшена на берег. Густой лес звенел от звука вертолетов. Огромные ели, кедры и пихты были обтесаны на бревна для нескольких хижин и казарм, плиты коры использовались в качестве частоккола. Внутри главного дома были помещения для десяти человек. Бойницы были прорезаны со всех сторон дома. Две пушки были установлены снаружи оконных амбразур, одна внутри ворот или двери. Пост назывался Fort Defense. Часовые несли охрану днем и ночью. Поддерживалась военная дисциплина, и каждое воскресенье проводилось богослужение. 3 октября были заложены бревна для нового корабля, который будет называться "*Adventure*" и который будет собирать меха для "*Колумбии*". Всю зиму 1791-1792 годов Грей навещал индейцев, посылал лекарства их

больным, разрешал своим людям ходить с ними на охоту и даже ухаживал за одним больным вождем в казармах; но он был очень осторожен и не допускал в форт женщин или более нескольких воинов.

Каков же был его ужас, когда 18 февраля Атто, мальчик с гавайев, пришел к нему с известием, что индейцы, которых собралось около двух тысяч и которые вооружены по меньшей мере двумя сотнями мушкетов, приобретенных в обмен, запланировали полное истребление белых. Они предложили сделать гавайского мальчика великим вождем среди них, если он украдет побольше боеприпасов для индейцев, намочит всю начинку для оружия белых людей и присоединится к заговору, направленному на то, чтобы позволить дикарям завладеть фортом и кораблем. В истории американских первопроходцев ни один исследователь никогда не подвергался большей опасности. Менее двух десятков белых против двух тысяч вооруженных воинов! *Сколумби* почти не доставили боеприпасов. Все вертлюги разобранного корабля валялись на берегу. Грей немедленно воспользовался приливом, чтобы поставить судно на ноги и отойти от берега. Вертлюги со всей скоростью были подняты обратно на палубы. В ту ночь за фортом наблюдал часовой; но на следующую ночь, когда ожидался штурм, весь персонал был на борту, провизия была сложена в трюм, а стрелковое оружие заряжено. Матросы все еще были по пояс в воде, счищая ракушки с киля, когда с берега донесся крик; но перемена положения корабля, очевидно, расстроила планы дикарей, потому что они отступили. Утром 20-го было видно, что лес кишит людьми, попавшими в засаду; и Хасвелл приказал выстрелить из пушки, заряженной картечью, по лесу. В тот же день в одиннадцать утра вождь, возглавлявший участок, пришел продать шкуры выдр и спросить, не хочет ли кто-нибудь из команды навестить деревню. Грей сдернул шкуры с его рук, и негодяй в ужасе за свою жизнь полетел над палубой. На этом заговор закончился. 23-го числа был спущен на воду *Adventure*, второе судно, построенное в Тихом океане, первое американское судно, построенное там вообще; и ко 2 апреля Хасвелл был готов отправиться на нем на север. Грей на "*Колумби*" направлялся на юг, чтобы еще раз попробовать пройти по этой великой реке Запада, изображенной на испанских картах.

Без сомнения, если река вообще существовала, то она находилась за мысом Разочарования, где Мирсу не удалось войти в него, и он был отброшен назад. О том, что делал Грей в период со 2 апреля по 7 мая, можно только догадываться. Как бы то ни было, капитан Джордж Ванкувер, отправленный из Англии урегулировать спор о Нутке, в шесть часов утра 29 апреля, недалеко от исхлестываемых волнами скал мыса Флэттери, в пределах видимости заснеженной линии неба Олимпа, заметил вдали корабль с американскими флагами. Он послал мистера Пьюджета и мистера Мензиса навести справки.

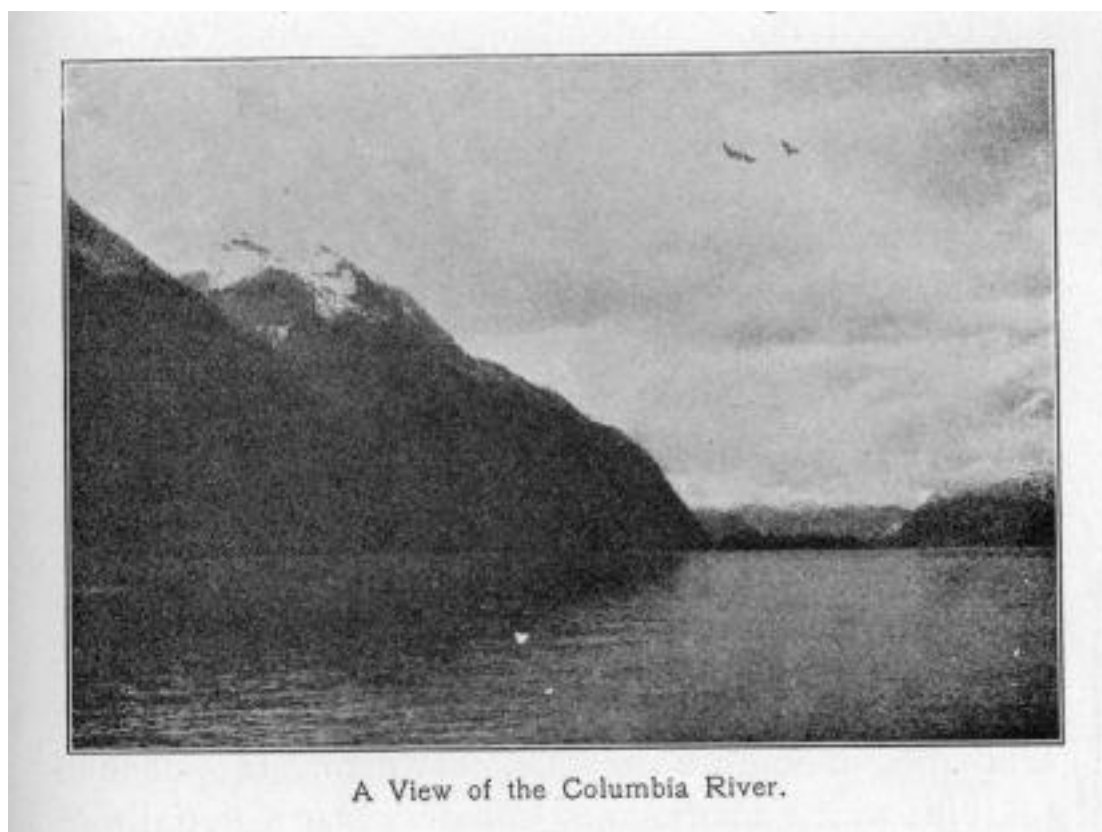
Они вернули сообщение о том, что Грей "находился в устье реки при 46 градусах 10 минутах, где прилив и отлив были настолько сильными, что в течение девяти дней не допускали входа", и что Грей находился в пятидесяти милях вверх по проливу Фука.

Оба факта были неприятны Ванкуверу. Он хотел первым исследовать пролив Фука и только 27 апреля миновал отверстие, которое, по его словам, было недоступно и не являлось рекой, и уж точно не заслуживало его внимания. Однако точными словами капитана Бруно Хесеты, испанца, в 1775 году были: "Эти течения ... заставляют меня поверить, что это место является устьем какой-то большой реки.... Я не стал заходить туда и бросать якорь, потому что ... если бы мы бросили якорь, у нас не хватило бы людей, чтобы поднять его. (Тридцать пять человек слегли

от цинги.) ... Я тоже лежал на расстоянии трех или четырех лиг. Я испытывал сильное течение, из-за которого войти в бухту было невозможно, так как я находился далеко с подветренной стороны.... Однако эти течения убеждают меня, что во время отлива из этого залива хлынуло большое количество воды".

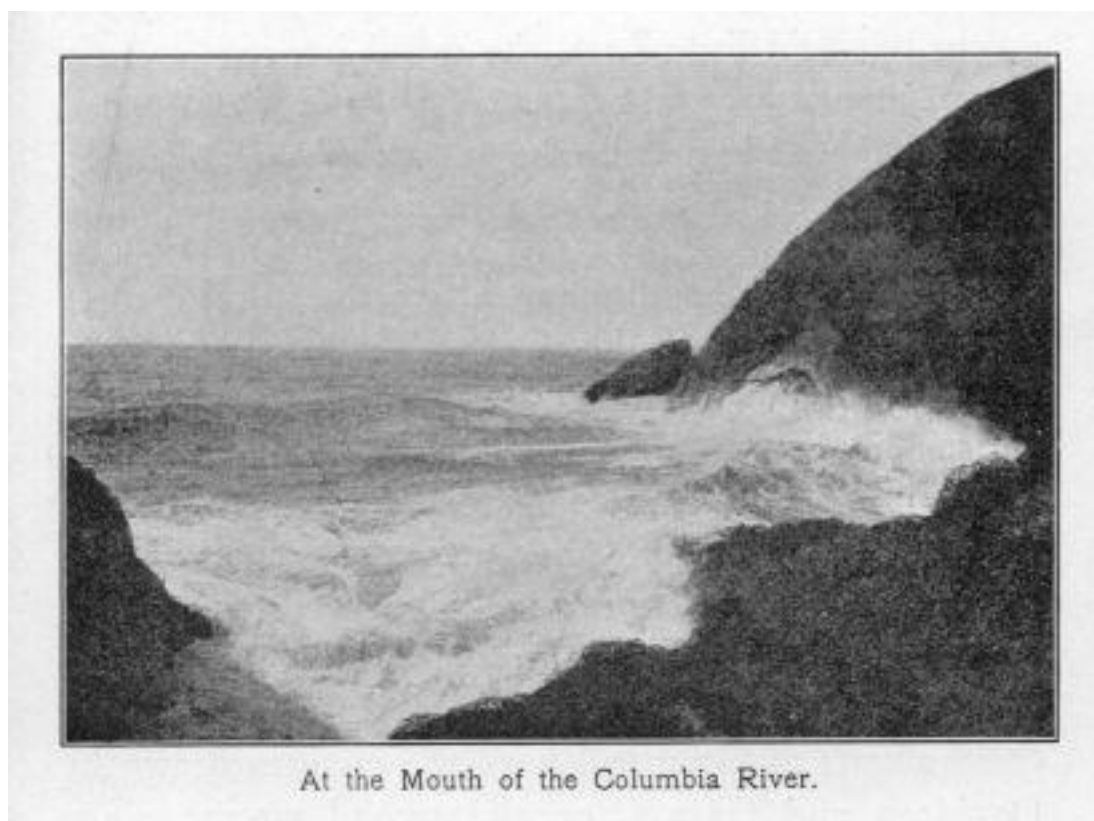
Итак, испанцу не удалось войти, и теперь великий английский мореплаватель продолжил свой путь, убежденный, что никакой реки на Западе нет; но Роберт Грей направился обратно на юг, полный решимости найти то, что скрывается за оглушительным грохотом бурунов и песчаной отмелью. 7 мая гребная лодка отбуксировала "*Колумбию*" в то место, которое сейчас известно как гавань Грея, где он открыл торговлю с индейцами, и вскоре они так смело напали на него, что он был вынужден стрелять по их каноэ, убив семерых. Выйдя из этой гавани 10-го числа, он взял курс на юг, держась поближе к берегу, и был вознагражден в четыре часа утра 11-го числа, услышав приливный раскат, похожий на раскаты грома, и увидев океан вод, обрушивающийся отвесно на песчаную косу и риф с водопадом пены в воздухе от натиска сталкивающихся волн. Молочно-белые воды моря отливали, как у внутренних ручьев. Грей нашел реку, но мог ли он войти в нее? Легкий ветер, прямой, как жребий, дул прямо на берег. Грей подождал, пока прилив, казалось, поднимет или углубит воды у рифа, затем в восемь утра, подняв все паруса, как птица в полете, направился прямо к узкому входу между рифами и песком. Перейдя отмель, он увидел устье великолепной реки с пресной водой. Он нашел Реку Запада.

Грей описывает памятное событие следующими простыми словами: "11 мая ... в четыре часа утра увидели вход в желанный порт с востока на юго-восток, на расстоянии шести лиг ... в восемь часов утра, находясь немного с наветренной стороны от входа в гавань, он отвалил от берега и пошел на восток-юго-восток между бурунами.... Когда мы миновали отмель, то обнаружили, что это большая река с пресной водой, вверх по которой мы и направились. Рядом с нами было много каноэ. В час дня встали на (якорь)...."

[Иллюстрация: вид на реку Колумбия.]

К 14-му числу Грей поднялся по реке в двадцати или тридцати милях от моря, но был вынужден повернуть, так как выбрал неглубокий канал. Спустившись с приливом, он бросил якорь 19-го числа и сошел на берег, где положил монеты под дерево, вступил во владение от имени Соединенных Штатов и назвал реку "Колумбия". 20-го он пересек отмель и снова вышел в Тихий океан. Большинство мужчин отдохнуло бы, удовлетворенное половиной того, что он сделал. Не такой серый. Он снова направился по *Колумбии* на север, чтобы летом заняться торговлей на территории, ныне известной как южная Аляска. Только повреждения *Колумбии* привели ее в июле в Нутку, где Дон Квадра, новый испанский командир, и капитан Ванкувер совещались по поводу английских кораблей, захваченных Мартинесом. "Квадре" Грей продал "Литтл Адвенчер", пионера американского кораблестроения на Тихом океане, за семьдесят пять шкурок выдры. Из испанских источников стало известно, что груз Грея состоял из более чем трех тысяч шкурок выдры и пятнадцати тысяч других шкурок; таким образом, второе плавание, возможно, компенсировало потерю первого.

At the Mouth of the Columbia River.

[Иллюстрация: В устье реки Колумбия.]

3 октября "Колумбия" покинула Америку и направилась в Китай, а 29 июля 1793 года вошла в родную гавань Бостона. Где-то между 1806 и 1809 годами Грей умер в Южной Каролине бедняком. Сомнительно, чтобы петиция его вдовы в Конгресс когда-либо материализовалась в виде награды для кого-либо из его потомков. Кендрик, которого затмил его блестящий ассистент, был случайно убит на Гавайях выстрелом из пистолета, выпущенного британским судном в честь *Леди Вашингтон*. Начиная с 1793 или 1795 года, маленький шлюп исчез из летописей мореплавания.

Каково место Грея среди следопытов и героев военно-морского флота? Что говорит о нем послужной список? Это не была впечатляющая работа. Это не была работа, поддержанная правительством, как у Беринга или Кука. Это была работа отдельного авантюриста, такого как Рэдиссон к востоку от Скалистых гор. Грей был человеком, который много делал и мало говорил. Его не сопровождало множество ученых, которые возвещали бы миру о его славе. Чего он достиг, если судить исключительно по результатам? То же самое для Соединенных Штатов, что Кук сделал для Англии. Он проложил путь американскому флагу по всему миру. Если судить исключительно по расстоянию, его судовой журнал можно сравнить с журналом Кука или Ванкувера. Ту же часть тихоокеанского побережья, которую они исследовали, исследовал и он, за исключением того, что не побывал на северной Аляске; и он компенсировал это открытием великой реки, которой, по их обоим словам, никогда не существовало. И все же, кто знает о Куке и Ванкувере столько же, сколько о Грее? До сих пор пишутся подлинные истории, в которых с сомнением говорится об открытии Грея. Грей много сделал, но мало сказал; а мир склонен оценивать человека по его собственным меркам. И все же, если мир относит Кука и Ванкувера к нишам военно-морских героев, Грея следует поместить между ними.

В истории этих искателей славы есть и любопытная человеческая сторона. Булфинч был так обрадован открытием Колумбии, что приказал окрестить свою дочь "Колумбия", против чего впоследствии юная леди возразила, так что это имя было исключено. В память о доброте донна Квадры, проявленной им при ремонте корабля *Колумбия*, Грей назвал одного из своих детей Квадрой. Редкости, привезенные Ингрэмом во время первого рейса, были переданы в дар Гарварду. У потомков Грея до сих пор хранятся картины, нарисованные Дэвидсоном и Хасвеллом во время второго рейса. Морской сундук, который Грей пронес вокруг света, теперь хранится в историческом обществе в Портленде; а плащ из перьев, в котором мальчик Атто шел по улице в процессии вместе с Греем, хранится в Бостоне. [1]

[1] Многое о плаваниях Грея можно найти в отчетах современных мореплавателей, таких как Мирс и Ванкувер; но основные факты о плаваниях можно почерпнуть из записей в судовом журнале Грея и дневников, которые вели его офицеры. Сам регистрационный журнал Грея, похоже, перешел в руки семьи Булфинч. С копии оригинала Томас Булфинч перепечатал точную запись об открытии 11 мая 1792 года в своей книге *"Орегон и Эльдorado, Роман о реках"*, Бостон, 1866. Судовой журнал сейчас хранится в Государственном департаменте в Вашингтоне; но та часть, из которой Булфинч сделал свою выписку, отсутствует; также неизвестно, где был утрачен этот раздел, поскольку именно в 1816 году мистер Чарльз Булфинч сделал копию этого раздела с оригинала. Журнал Гринхоу *"Орегон и Калифорния"*, Бостон, 1844 г., изданный под эгидой Конгресса, полностью содержит журнал регистрации с 7 по 21 мая. Хьюберт Хоу Бэнкрофт в своей книге *"Северо-Западное побережье"*, том I, 1890, полностью воспроизводит дневник Хасвелла за оба путешествия. Именно от Хасвелла получен самый полный отчет о заговорах индейцев; но во время открытия "Колумбии" Хасвелл находился на маленьком шлюпе *Adventure*, и то, что он сообщает, основано на слухах. Его слова во вступлении от 14 июня таковы: "У них (у Колумбии) была очень неприятная погода, но ... хороший успех... Они обнаружили гавань на 46 градусах 53 минутах северной широты.... Это гавань Грея. Здесь на них напали туземцы, и дикари учинили среди них значительную резню. Затем они вошли в реку Колумбия и поднялись по ней примерно на тридцать миль, не сомневаясь, что она судоходна более чем на сто миль.... Судно (*Columbia*) во время круиза собрало более семисот шкурок морских выдр и пятнадцать тысяч шкурок других видов". Картины, сделанные художником Дэвидсоном во время второго путешествия и принадлежащие коллекционерам в Бостоне, рассказывают свою собственную историю. Из всех этих источников и от потомков Грея преподобный Эдвард Г. Портер собрал данные для своей лекции перед Массачусетским историческим обществом, которая впоследствии была опубликована в журнале *New England Magazine* за июнь 1892 года. *Массачусетские исторические материалы* за 1892 год, судя по всему, содержат наиболее полный набор данных, касающихся Грея. В архивах хранятся медаль и три рисунка Дэвидсона, а также документы, относящиеся к *Колумбии*, представленные Бареллом. Салемский институт также располагает некоторыми данными об этих кораблях. В

Массачусетском процессе за 1869-1870 годы также приводится из архивов Калифорнии письмо губернатора Санта-Барбары дон Педро Фэгеса дону Джозефу Аргуэльо из Сан-Франциско, предостерегающее последнего от американских мореплавателей. Гринхоу получил от Гидрографического управления в Мадриде отчет о плавании капитана Бруно Хесеты в 1775 году, когда он увидел устье реки, предположительно Колумбии.

ГЛАВА IX

1778-1790

ДЖОН ЛЕДЬЯРД, ПРЕДШЕСТВЕННИК ЛЬЮИСА И КЛАРКА

Бездельник из Новой Англии, изгнанный из дома богатых родственников, присоединяется к экспедиции Кука в Америку-Приключения среди русских Ооналаски-Бесполезным попыткам заинтересовать торговцев из Новой Англии торговлей мехами—Солдат удачи в Париже, он встречает Джефферсона и Пола Джонса и намечает исследование Западной Америки—Ему удается в одиночку пересечь Сибирь по пути в Америку, но ему мешают русские торговцы мехом

Когда его родственники захлопнули дверь у него перед носом, превратив его в нищего на улицах Лондона, если бы Джон Ледьярд мог предвидеть, что этот поступок косвенно приведет Льюиса и Кларка к исследованию огромного региона между Миссисипи и Тихим океаном, он, несомненно, расценил бы недоброжелательность, как Дик Уиттингтон поступил с котом, что привело к богатству. Он был мечтателем с тех пор, как родился в Гротоне, напротив Нью—Лондона, штат Коннектикут, - мечтателем, чей лунный свет освещает путь других людей к успеху; но его самые смелые мечты никогда не осмеливались представить себе масштабы империи, во много раз превышающей первоначальные штаты Союза.

Вместо этого он приземлился в Плимуте, оборванный, без единого фартинга на дне кармана, без единого цента имущества на земле, кроме своих надежд. Эти надежды заключались в том, чтобы связаться с богатыми родственниками в Лондоне, которые могли бы подбросить его до первой ступени мирового альпинизма. Ему было двадцать пять лет. Он сжег свои корабли. То есть он разочаровал всех своих родственников в Америке настолько основательно, что больше никогда не мог обратиться за помощью к домашним.

Они создали его для профессии, эти друзья из Новой Англии. Если бы Природа создала его для того же, все было бы в порядке; но она этого не сделала. Сын овдовевшей матери, любовь к

морю, к неизведанным местам, к тому, что скрывается за горизонтом, была у него в крови со стороны отца. Друзья думали, что он должен быть вполне доволен, когда его отправили жить к дедушке в Хартфорд и выучили на юриста; но Джон Ледьярд ненавидел придирчивость закона, ненавидел жизнь под крышей, за стенами, хотел такой жизни, где люди совершают поступки, а не просто торгуются, философствуют и идут на компромисс из-за того, что делали другие люди. В двадцать один год, не имея никаких перспектив, которые манят благоразумную душу, он отбросил всякое представление о законе. [1]

Друзья были в ужасе. Очевидно, у мальчика были мозги. Он поглощал информацию, впитывал факты, как энциклопедию, и наблюдал за всем. Греческий завет и Овидий были его спутниками; и все же он восстал против замкнутого существования ученого. В то время (1772) Дартмут был местом встречи миссионеров с индейцами. В самом колледже проводились лекции под пение ветров в окружающих его лесах. Звуки морской раковины призывали к урокам, и в атмосфере царило своего рода благочестие дикого леса. По настоянию матери Ледьярд предпринял еще одну честную попытку привести свою жизнь в соответствие со стереотипами и приехал учиться в Дартмут, чтобы стать миссионером.

Это не увенчалось успехом. Когда он решил испытать на себе миссионерское призвание, построив землянку и проплыв вниз по реке Коннектикут сто сорок миль, ученые профессора были шокированы. И когда он исчез на четыре месяца, чтобы пройти еще одно испытание, живя среди ирокезов, преподавательский состав пришел в ярость. Его друзья отказались от него как от безнадежного неудачника, и Ледьярд отказался от фарса, заключавшегося в попытках жить по образцу других людей.

[Иллюстрация: Ледьярд в своем блиндаже, с гравюры того времени.]

Теперь его определяло то, что руководит большей частью жизни, — потребность в хлебе с маслом. Он стал простым матросом на корабле своего друга в Нью-Лондоне и в двадцать пять лет высадился в Плимуте с легким сердцем и таким же легким кошельком. Мир был устрицей, которую можно было открыть самостоятельно, и он отправился пешком из Плимута в Лондон в компании ирландца, такого же нищего, как он сам, веселого, как жаворонок, в великую столицу мира с величайшими призами для тех, у кого хватит ума их выиграть. Мимо по улице проехала карета с кучером и лакеем в ливрее с гербом его собственных предков из Ледьярдов. Он подбежал к кучеру, спросил адрес и появился у дверей родовых Ледьярдов, переполненный надеждой. Отношения должны были стать ключом, открывающим все двери. И дверь родовых

Ледяных дворов захлопнулась у него перед носом. Отца не было дома. Сын не придавал значения рассказу оборванного незнакомца. Он даже не знал, что Ледьярдс существует в Америке. Что могло помешать какому-нибудь простому бродяге выдумать подобную историю? Где доказательства оборванца? Ледьярд ушел с достаточным количеством здоровой человеческой ярости, чтобы не впасть в отчаяние или, что еще более немудрено, в жалость к себе. Он и раньше терпел неудачу, пытаясь приспособить свою жизнь к планам других людей. Теперь он потерпел неудачу, пытаясь добиться успеха усилиями других людей, — ракушка, цепляющаяся за корпус какого-нибудь судна, обремененного удачей. Возможно, также, он честно и прямо столкнулся с фактом, что если он хочет хоть на йоту отличаться от нищего, за которого его принимали, он должен строить свою собственную жизнь исключительно на собственных усилиях.

Он продолжал бродить, шум деятельности большого города прокатывался мимо него волной. Его ярость успела остыть. День, сумерки, темнота; и все же волна катилась мимо него; *мимо него* потому что, подобно выброшенному на мель корпусу, гниющему из-за отсутствия использования, он поставил себя *вне* потока человеческих усилий. Он должен строить свою собственную карьеру. Это был факт, который он преодолел в своем гневе; но если его способностям не суждено сгнить в каком-нибудь стоячем водоеме, он должен окунуться в великую волну человеческой работы. До того, как он принял это решение, рев города был ужасающим — прилив, который мог затопить все вокруг. Теперь грохот мирового транспорта был криком триумфа. Он отплывет, позволив приливу унести его куда угодно.

Весь Лондон гремел идеей третьего кругосветного путешествия Кука - путешествия, которое должно было навсегда определить, насколько далеко Америка выступает в Тихий океан. Набирались новобранцы для путешествия. Это вдохновило Ледьярда — новое поле для его усилий, зов моря, проложившего золотую тропу по всему миру, свобода для размаха плеч, позволяющая делать все, чего стоит человек. Быстрый, как молния, он уже уходил — с приливом, а не покинутый корабль, не выброшенный на берег, — чтобы побриться, помыться и привести себя в приличный вид, чтобы поступить рекрутом к Куку.

В темноте, где-то рядом с убогим жилищем моряков, его коснулась чья-то рука. Он обернулся; это был сын богача, рассыпавшийся в извинениях: его отец вернулся; отец и сын умоляли оказать как финансовую помощь, так и гостеприимство — Ледьярд прервал его кратким, но убедительным приглашением идти своей дорогой. Тот факт, что неизвестный колонист сразу же получил место с Куком в качестве капрала морской пехоты, когда половина молодых людей Англии, имевших влияние, поддерживающее их заявления, горели желанием присоединиться к путешествию, хорошо говорит об искренности нового энтузиазма.

Кук покинул Англию в середине лета 1776 года. Весной 1778 года он увидел побережье Тихого океана к северу от нынешнего Сан-Франциско. Ледьярд был первым американцем, увидевшим землю, лежащую за Скалистыми Горами. Это была не узкая полоска, как думали люди, а широкий пояс в тысячу миль длиной и в тысячу шириной, неостребованный мир; штормы отбросили Кука от берега, и английский первооткрыватель высадился только у берегов Британской Америки.

В Нутке тысячи индейцев собрались вокруг двух судов, чтобы поторговаться. За несколько безделушек из стеклянных бус и железа Ледьярд получил тысячу пятьсот шкур для Кука. Среди индейцев он тоже видел медные безделушки, которые, должно быть, доставлялись аж из Новой

Испании на юге или из Меховой компании Гудзонова залива на востоке. Что делали торговцы Нью-Йорка и Филадельфии, если их корабли не были здесь, собирая богатый урожай мехов? Если бы это была самая дальняя граница Луизианы, Луизиана могла бы когда-нибудь стать частью колоний, которые сейчас борются за свои свободы; и воображение Ледьярда сделало один из тех скачков, которые завоевывают человеку репутацию дурака среди его современников, героя для будущих поколений. "Если было необходимо, чтобы европеец узнал о существовании континента, - писал он впоследствии, - то во имя Любви Отечества позвольте туземцу исследовать его ресурсы и границы... Это мое желание - быть мужчиной".

Корабли Кука прошли на север, к Ооналаске. Всего двадцать пять лет назад индейцы Ооналаски вырезали все белые поселения на острове. Кук хотел отправить сообщение русским торговцам мехами. Не многим людям можно было рисковать, покидая корабль. Загоревшись желанием узнать больше о побережье, которое он намеревался исследовать, Ледьярд вызвался отправиться за русскими с двумя индийскими проводниками. Темп был задан неторопливым бегом по камням, которые еще до наступления темноты изрезали ботинки Ледьярда в лохмотья. Он был совершенно безоружен; и как раз с наступлением темноты путь, казалось, закончился у песчаного берега, где волны уже разбивались о прилив, а спиральные столбы дыма выдавали подземные глинобитные хижины тех самых индейских деревень, которые четверть века назад устроили резню русским. Проводники нырнули куда-то под землю и, пока Ледьярд стоял в замешательстве, прибежали обратно, неся лодку из легкой кожи, которую они спустили на воду. Он был сделан из промасленной моржовой шкуры, натянутой наподобие барабана полностью вокруг китового уса, за исключением двух люков в верхней части для гребцов. Перфила, проводник, подала Ледьярду знак садиться; и прежде чем белый человек успел решить проблему, как трое человек могли усидеть в двух люках, его схватили по голове и по пятам и втащили в люк, где он лежал во весь рост, заключенный в тюрьму, как Иона в "ките". Затем шорох погружающихся весел, холодные волны сверху и внизу, скрытые тонким, как папиросная бумага, пергаментом, подсказали Ледьярду, что его уносит в море, несмотря на темноту и шторм, на судне, легком, как надуваемый воздухом пузырь, которое несется вперед, сквозь, под, над волнами, не тонущее, как рыба.

Ничего не оставалось, как лежать неподвижно. Малейшее движение могло разорвать тонкий кожистый киль. Он был первым американцем в истории, совершившим путешествие на подводной лодке. По прошествии, казалось, целой вечности — прошло не больше двух часов, — после продолжительной раскачки в условиях усиливающегося шторма без единого звука, кроме свиста ветра и плеска горных волн, киль внезапно заскрежетал по гальке. Звездный свет проникал через освободившиеся люки, но прежде чем Ледьярд успел выпрыгнуть, лодку подняли на плечи четверо мужчин и понесли по суше. Раздался скрип открывающейся двери. Удар, когда лодка опустилась на мягкое дно; и Ледьярд был ослеплен ярким светом, обнаружив себя в столовой русских казарм на Капитанской гавани в присутствии двух бородатых русских охотников, потерявших дар речи от удивления, увидев человека, вылезавшего из люка, как только что вылупившийся цыпленок из яйца.

Меховые ковры покрывали пол, стены, скамейки, койки, стоявшие вдоль стен русских казарм, похожих на сараи. Окна были сделаны из промасленной пузырчатой кожи; лампы - из китового жира в каменных чашах с кожей вместо фитиля. В углу было сложено оружие. Двое русских как раз ужинали вареным лососем, когда без предупреждения появился Ледьярд. Знаками он объяснил, что корабли капитана Кука находятся в ближайшей гавани и что английский

командующий желает посоветоваться с Исмиловым, главным агентом русских. Вставая, церемонно целуя руки при упоминании августейшего имени и снимая меховые шапки, русские торжественно отвечали, что все эти части, обводя рукой окрестности, принадлежат императрице России; что они ее подданные — и снова целовали руки. Россияне хотела, чтобы иностранцы шпионили на ее охотничьих угодьях. Тем не менее Ледьярду подарили свежее белье из китайского шелка, угостили самым горячим русским коньяком в казармах и с комфортом уложили спать на кушетке из шкур выдры. Со своей кровати он видел, как индийцы толпятся на вечерней службе перед маленьким русским распятием, как двое торговцев читают молитвы. Это были племена, на которых русские охотились с собаками пятьдесят лет назад; и которые, в свою очередь, перебили всех русских на острове. Теперь возобладало лучшее понимание.

Утром Ледьярд осмотрел пушное хозяйство; галиоты, установленные в гавани для укрытия в случае нападения; огромный лимонно-желтый склад с красной крышей, который мог бы служить казармой или фортом для сотни человек; бригады из восьми, девяти, тысячи сотен индейских охотников, бороздящие просторы прибоа под предводительством Исмилоффа, главного фактора. Ооналаска была самым центром охоты на каланов. Здесь добывалось восемнадцать тысяч выдр в год. Ледьярд сразу понял, как он мог бы оплатить расходы на исследование этого не востребованного мира между Новой Испанией и Аляской: став торговцем мехами, как это сделали Рэдиссон, Ла Саль и другие исследователи.

Сам Исмилов, который был со своей бригадой, когда пришел Ледьярд, отправился навестить англичанина; но Исмилов мало что мог сказать, мало о Беньовском, польском пирате, который высадил его на берег; еще меньше об Аляске; и причина молчаливости была очевидна. Русские торговцы пушниной образовали монополию. Они не раскрывали миру секретов. Они не хотели, чтобы кто-то вторгся на их охотничьи угодья. Если бы Ледьярд знал, что угрюмый бородатый русский разрушит его зарождающиеся амбиции; мог ли Исмилофф догадаться, что энергичный, молодой, безбородый капрал морской пехоты косвенно станет средством отвоевания Тихоокеанского побережья у России - каждый из них, возможно, улыбнулся бы проделкам судьбы.

Ледьярду оставалось прослужить еще два года в британском военно-морском флоте, когда он вернулся из плавания Кука. По другой прихоти судьбы он был отправлен на боевом корабле сражаться против своей родной страны в войне за независимость. Это было время, когда мужчины носили патриотические мундиры многих цветов. Его корабль стоял на якоре у Лонг-Айленда. Он не видел свою мать семь лет, но знал, что война вынудила ее открыть пансион для британских офицеров. Попросив недельный отпуск, Ледьярд сошел на берег, направился к дому своей матери, постучал в дверь и был принят ею как жилец, не будучи признанным, что, возможно, было и к лучшему, потому что дом был полон британских шпионов. Ледьярд дождался ночи. Затем он отправился в ее личные апартаменты и застал ее за чтением в модных в те дни очках в роговой оправе с широкой оправой. Он взял ее за руки. "Посмотри на меня", - сказал он. Одного взгляда было достаточно. Затем он закрыл дверь; и дверь остается закрытой для мира о том, что там произошло.

На этом служба Ледьярда в британской армии закончилась. Он так и не вернулся в морскую пехоту. Он отправился в Хартфорд, где написал отчет о плавании Кука. Затем он решил перевернуть небо и землю ради корабля, чтобы исследовать это неизвестное побережье от Новой Испании до Аляски. Это было за десять лет до того, как Роберт Грей из Бостона открыл Колумбию; за двадцать лет до того, как Соединенные Штаты подумали о покупке Луизианы, за двадцать пять лет до того, как Льюис и Кларк достигли Тихого океана. Многие факторы работали против него. Времена были беспокойные. Страна еще недостаточно оправилась от мук революции, чтобы думать о расширении территории. Индивидуально и коллективно нация была отчаянно бедна. Что касается частных мастеров парусного спорта, они улыбнулись энтузиазму Ледьярда. Невостребованный мир? Какое им было дело? Где были деньги на путешествие в Тихий океан? Когда Ледьярд рассказал, что Россия ежегодно собирает многомиллионный урожай мехов, даже его старый друг капитан Дешон, чья лодка доставила его в Плимут, насторожился таким радужным перспективам. Для Ледьярда было характерно, что чем тяжелее оказывались трудности, тем тверже росла его решимость их преодолеть. Он столкнулся с невозможным и вместо того, чтобы остановиться, стиснул зубы, полный решимости пробить брешь в стене невозможного или разбиться самому, пытаясь это сделать. В течение шести месяцев он осаждал ведущих людей Нью-Йорка и Филадельфии, излагая свои планы, приводя аргументы, приводя доказательства всему, что он говорил о Pacific wealth, проводя конференцию за конференцией. Роберт Моррис с энтузиазмом включился в этот план, но из-за нежелания капитанов отправляться в столь опасное плавание и общей нехватки средств терпение Ледьярда и Морриса лопнуло. Сбережения Ледьярда тем временем сократились до 4,27 доллара.

В Европе путешествие Кука начало вызывать ажиотаж. Российское правительство планировало экспедицию в Тихий океан под руководством Джозефа Биллингса, помощника астронома Кука. Эти русские планы были направлены ни много ни мало на господство на Тихом океане. Форты должны были быть построены в Калифорнии и на Гавайях. В Англии и Индии частные авантюристы Портлок, Диксон, Мирс, Барклай снаряжали корабли для тихоокеанской торговли. Кто-то посоветовал Ледьярду предпринять свое предприятие в стране, которая помогла Америке в Революции, во Франции; и во Францию он отплыл с деньгами, одолженными мистером Сэндсом из Нью-Йорка в 1784 году.

В Париже Ледьярд познакомился с двумя самыми замечательными людьми в американской истории - Полом Джонсом, героем военно-морского флота, и Джефферсоном. Им обоим он рассказал о чудесах тихоокеанского богатства, и оба были достаточно дальновидны, чтобы разделить его мечты. Именно сейчас Джефферсон начал формулировать те планы, которые впоследствии осуществили Льюис и Кларк. Сезон в этом году был слишком поздним для плавания, но Пол Джонс одолжил Ледьярду денег и договорился о том, чтобы в следующем году вывести судно водоизмещением в четыреста тонн. Они вдвоем фактически обсудили каждую деталь. Джонс должен был отвезти меха в Китай, Ледьярд с помощниками, хирургом и двадцатью солдатами должен был остаться на меховом посту и исследовать местность.

Но Пол Джонс рассчитывал на поддержку американского правительства; и когда он обнаружил, что правительство считает обещания Ледьярда призрачными, он с досады отказался от этого предприятия.

Был ли Ледьярд побежден? Джефферсон и он обсуждали проект день за днем. Ледьярд был готов пройти пешком через две Сибири и пересечь Тихий океан на русском судне по торговле пушниной, если Джефферсону удастся получить разрешение российской императрицы. Между тем, настоящий солдат удачи, не имея ни денег, ни влияния, он жил в тесном контакте с парижской модой.

"У меня всего пять французских крон", - писал он другу. "У Фицхьюзов (соседей по квартире) нет денег на табак. Такого сборища безденежных негодяев не появлялось со времен Фальстафа". И снова— "Сэр Джеймс Холл, направлявшийся из Парижа в Шербур, остановил свою карету у нашего подъезда. Я была в постели, но, накинув ночной халат, встретила его в дверях....Проходя по комнате, он со смехом положил руку на монету в шесть ливров и луидор, лежавшие у меня на столе, и, покраснев, спросил, как у меня дела с деньгами. Румянец порождает румянец. "Если пятнадцать гиней, - сказал он, - окажут вам какую-нибудь услугу, вот они. У вас есть мой адрес в Лондоне".

Ожидая получения паспортов от императрицы России, он был приглашен сэром Джеймсом Холлом попытать счастья в Англии. Сама смелость дикой попытки пересечь Сибирь и Америку в одиночку понравилась англичанам. Полдюжины человек, друзей Кука, предприняли это предприятие, и Ледьярд оказался в странном положении: страна, военно-морской флот которой он покинул, предложила ему лодку. Возможно, из-за этого дезертирства все новости о проекте держались в секрете. Небольшое судно спустилось по Темзе за оборудованием, когда правительство пронюхало об этом. Независимо от того, выступала ли великая Английская компания Гудзонова залива против экспедиции как вторжения в ее пушной заповедник, или английское правительство возражало против того, чтобы американец проводил разведку с целью расширения американской территории, кораблю было приказано вернуться, и Ледьярд был не в том положении, чтобы противостоять английским властям. Снова ему поставили мат, и он отказался от плана Джефферсона пересечь две Сибири пешком и рискнуть пересечь Тихий океан. Его друзья в Лондоне собрали достаточно денег, чтобы оплатить ему дорогу в Санкт-Петербург.

Январь 1787 года застал его в Швеции в поисках пути через Балтику. Обычно поездка в Санкт-Петербург совершалась на собачьих упряжках по льду. В этом году сезон был настолько открыт, что для поездки нельзя было нанять ни лодок, ни собачьих упряжек. Ледьярду было сейчас тридцать шесть лет, и сумма его усилий свелась к нулю. Первые двадцать пять лет своей жизни он потратил впустую, пытаясь приспособить свою жизнь к образцам других людей. Последние пять лет он потратил впустую, ожидая, пока другие люди начнут действовать, люди в Нью-Йорке, Филадельфии, Париже, Лондоне предоставят ему корабль. Он покончил с ожиданием, с зависимостью от других. Когда лодки и собачьи упряжки подвели его сейчас, он закутался в волчьи шкуры по самую шею, закинул за спину рюкзак и посреди зимы отправился по суше на шестьсот миль к северу, в Торнеа у истоков Балтийского моря, на шестьсот миль южнее Торнеа, через Финляндию в Санкт-Петербург. Непрерывно шел снег. С моря налетали штормы. Маленькие деревушки северной Швеции и Финляндии были занесены снегом по самые верхушки труб. Где бы он ни оказывался с наступлением темноты, он стучал в дверь рыбацкой хижины. Куда бы его ни приютили, он спал, будь то на голом полу перед очагом, или среди собак

во флигелях, или на сеновалах в сараях для скота. Ледьярда больше не нужно ждать! В любую погоду, рано или поздно, он преодолевал двести миль в неделю в течение семи недель с того момента, как покинул Стокгольм. Когда 19 марта он вошел маршем в Санкт-Петербург, люди не знали, считать ли его сумасшедшим или чудом. Используя имена Джефферсон и Лафайет, он подтолкнул российские власти к другому заявлению о выдаче паспорта. Получение паспорта затянулось. Откуда Ледьярду было знать, что Исмилов, русский торговец пушниной, с которым он познакомился в Ооналаске, писал письма, разжигавшие в российском правительстве ревнивую неприязнь ко всем приезжим на Тихий океан? Ледьярд сходил с ума от нетерпения. Дни складывались в недели, недели - в месяцы, а паспорта не было. У него не было одежды, не было денег, не было еды. Призыв на службу к своим английским друзьям спас его от нищеты. Всего за год до этого Биллингс, астроном с корабля Кука, пересек Сибирь по пути в Америку по заданию российского правительства. Если бы Ледьярд только смог догнать экспедицию Биллингса, это могло бы стать шансом пересечь Тихий океан. Словно для того, чтобы еще больше разозлить его нетерпение, он встретил шотландского врача, доктора Уильяма Брауна, который сейчас направлялся в Сибирь по делам империи, и тот предложил бесплатно проехать с ним три тысячи из семи тысяч миль до Тихого океана. Возможно, доходы от этого английского проекта помогли ему справиться с медлительностью российских властей, но, наконец, 1 июня он получил свой паспорт и уехал с доктором Брауном. Все его земное имущество в то время состояло из нескольких гиней, костюма и крупных долгов. К чему вообще стремился этот безмозглый энтузиаст? Империя, вдвое меньшая нынешних размеров Соединенных Штатов.

Браун и Ледьярд поспешили за шесть дней из Санкт-Петербурга в Москву, запряженные тройкой лошадей, мчавшихся сломя голову, из Москвы в Казань через бескрайние леса, к Волге. К осени они пересекли Берберийскую пустыню, в трех тысячах миль от Санкт-Петербурга. Здесь Браун остался, а Ледьярд отправился дальше с казаками-почтальонами. На всем протяжении бесконечной тропы, пересекающей два континента, тропу Востока и Запада, он встречал караваны русских торговцев пушниной и узнал потрясающую новость о том, что более двух тысяч русских находятся на западном побережье Америки. Затем вниз по Лене, в Якутск, великое место встречи торговцев пушниной, до Тихого океана оставалась всего тысяча миль; и на великой равнине торговцев пушниной близ Якутска он наконец догнал исследователей Биллингса на их пути в Америку. В его кармане осталась всего одна гиней, и комендант казаков сообщил, что сезон уже слишком разгар, чтобы он мог пересечь Тихий океан. Какое это имело значение? Весной он пересечет Тихий океан с Биллингсом. Он был ближе к осуществлению своих надежд, чем когда-либо прежде в своей жизни; и, несомненно, его успех в том, что он прошел пешком вдвое больше Швеции и пересек два континента почти в нищете, был хорошим предзнаменованием для его успеха в переходе от Тихого океана к Миссури.

Ни на минуту его почти детская самоуверенность не была поколеблена подозрениями в недобросовестности, в намеренной задержке выдачи паспортов, в предложениях задержать его в Якутске до тех пор, пока завистливые торговцы пушниной не смогут тайно отправить жалобы в Санкт-Петербург. Гораздо меньше он заподозрил неладное, когда Биллингс, его старый друг по плаванию Кука, прибыл сам и пригласил его на время ожидания совершить исследовательское путешествие на санях вверх по Лене. [2]

На санях он поднялся вверх по реке Лена с группой исследователей. Ночью 24 февраля двое или трое офицеров и Ледьярд сидели в столовой Иркутска и играли в карты. Они могли бы посмеяться над Ледьярдом. Они также смеялись вместе с ним. Куда бы он ни шел, повсюду

царило веселье. Ветер разносил взрывы неистового смеха. В воздухе витали надежды, такие же хрупкие, как и ветер. Там был один из сыновей великого Беринга, без сомнения, рассказывающий истории об открытиях, от которых у каждого человека забурлили вены. Внезапно оглушительный звон колоколов возвестил о том, что кто-то поспешно прибыл в полночь к дверям казармы. Не успели карточные игроки подняться со своих мест, как в комнату, топчя ногами снег, ворвались два казака. Направившись прямо к Ледьярду, они грубо схватили его за руки и арестовали как французского шпиона, предъявив письменный приказ императрицы, привезенный аж из Санкт-Петербурга. Сказать, что Ледьярд был ошеломлен, значит сказать мягко. Каждый мужчина в комнате знал, что он не был французским шпионом. Каждый мужчина в зале знал, что арест был фарсом, спровоцированным завистливыми торговцами мехами, которых возбудили лживые письма Исмилоффа. Всего на секунду Ледьярд потерял голову и призвал Биллингса как человека чести опровергнуть обвинение. Как бы Ледьярд ни терял голову, Биллингс не хотел терять свою. Он посоветовал Ледьярду не провоцировать конфликт с российскими властями, а вернуться в Санкт-Петербург и опровергнуть обвинение. Был ли это случай, когда один исследователь приревновал другого, или Биллингс заманил Ледьярда в ловушку торговцев мехом? Этого никогда не узнаем. Несомненно, Биллингс устроил столько беспорядка в своей экспедиции, что она вошла в историю потомков как неудачная. Некоторые офицеры побежали, чтобы подарить Ледьярду одежду и деньги. Запрыгнув в ожидавшие его сани и оглянувшись через плечо на группу лиц, улыбающихся в освещенном дверном проеме, он разразился смехом, но это был смех озлобленного человека, чья жизнь рухнула одним ударом. Казаки пришпорили лошадей, и он пустился в долгий обратный путь - пять тысяч миль, и каждая миля была указателем несбывшихся надежд. Без каких-либо объяснений или видимости судебного разбирательства по ложному обвинению он был выслан из Санкт-Петербурга под страхом смертной казни, если вернется.

Оборванный, обездоленный, лучшие годы его жизни прошли, он добрался до Лондона с разбитым сердцем. "Я сдаюсь", - сказал он английским друзьям, которые поддержали его деньгами, а что было лучше денег — верой. "Я сдаюсь", - написал он Джефферсону, который впоследствии поручил Льюису и Кларку осуществить планы Ледьярда.

Члены Африканского географического общества в Лондоне пытались подбодрить его. Когда он сможет отправиться исследовать для них истоки Нила?

- Завтра, - ответил Ледьярд с беспечностью человека, потерявшего контроль над жизнью. Повышенная зарплата погасила поросшие мхом долги его разочарованного прошлого, но он так и не добрался до места своего нового предприятия. Он умер по дороге в Каир в ноябре 1788 года, ибо всякая надежда уже умерла в его сердце. Мир, проникшийся наследием его целей, забыл Ледьярда, ибо публика приветствует только героев успеха, а он был героем поражения. Все, что Льюису и Кларку удалось сделать для Запада, опираясь на престиж правительства, Ледьярд, солдат удачи без гроша в кармане, предвидел и спланировал вместе с Джефферсоном в мансарде Парижа. [3]

[1] Всеми знаниями об интимной жизни Ледьярда мир обязан Джареду Спарксу, который составил свою "жизнь Ледьярда" на основе дневников и переписки, собранных доктором Ледьярдом и Генри Сеймуром из Хартфорда.

[2] В отчете Зауэра об экспедиции Биллингса приводится некоторое оправдание поведению Биллингса на том основании, что Ледьярд вел себя дерзко по отношению к русским.

[3] *"Дневник последнего путешествия Кука"* Ледьярда, Хартфорд, 1783, и *"Жизнь Ледьярда"* Спаркса, Кембридж, 1829.

ГЛАВА X

1779-1794

ДЖОРДЖ ВАНКУВЕР, ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Действия американцев, испанцев и русских на Западном побережье Америки будоражат Англию — Ванкувера отправляют якобы для урегулирования ссоры между торговцами мехом и испанскими губернаторами в Нутке — Кстати, он должен завершить исследование Западного побережья Америки и завладеть для Англии невостребованной территорией — Миф о Северо-Восточном проходе развеян навсегда

С открытием Греем Колумбии великая драма открытий на северо-западном побережье Америки подходила к концу.

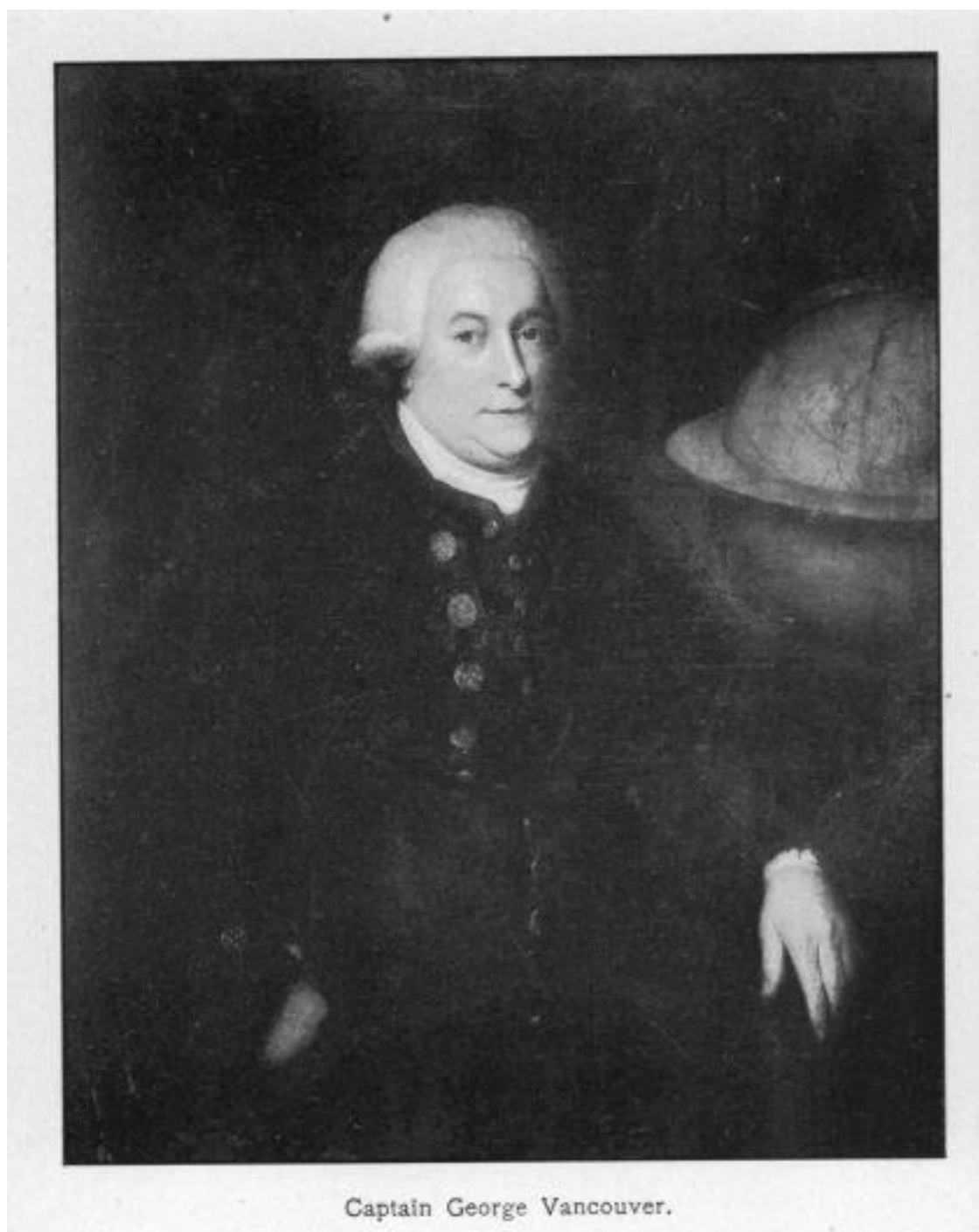
После смерти Беринга на Командорских островах и Кука на Гавайях, во время путешествий, направленных на доказательство отсутствия Северо-Восточного прохода, открытого водного пути между Тихим и Атлантическим океанами, кажется невозможным, чтобы миф об открытом море от Азии до Европы все еще вводил людей в заблуждение; но именно в поисках Китая Колумб нашел Америку; и именно в поисках чего-то, чего не существовало, кроме как в глупых теориях схоластов, было освоено все северо-западное побережье Америки.

Беринга называли "трусом" за то, что он не проплыл через твердый континент. Кука обвинили в торговле мехом, "копании в шкурах", пренебрегая "дискавери", потому что его команды продавали своих морских выдр с прибылью. Безусловно, совокупные результаты плаваний

Беринга и Кука доказали, что водного пути через Аляску в Атлантику не существовало; но в дополнение к очернению репутации двух великих мореплавателей, чтобы дискредитировать их выводы, схоласты воинственно требовали — не может ли быть прохода к югу от Аляски, между притязаниями России на север и Испании на юг? И Беринг, и Кук были изгнаны с этого участка побережья штормами. В результате тысячи миль американского побережья остались неисследованными. Кук сказал, что Фукайского пролива не существует, о котором старый греческий лоцман, служивший в Новой Испании, рассказывал легенды о вымышленных плаваниях двумя столетиями ранее; однако Барклай, английский торговец из Ост-Индии, побывал в этих самых проливах. Как и Мирс, другой торговец. Как и Кендрик и Грей, двое американцев. Это был тот самый участок, который Беринг и Кук оставили нетронутым; и кто мог сказать, куда могут привести эти проливы? Они были как второе Средиземноморье. Мирс утверждал, что они могут соединяться с Гудзоновым заливом.

Затем Испания довела дело до кульминации, захватив суда Мирса и форт в Нутке в качестве контрабанды. Это имело только одно значение: Испания пыталась прибрать к рукам все, от Новой Испании до российской территории на севере. Если Испания претендовала на весь север до пролива Фука, а Россия - на весь юг до пролива Фука, то где были претензии Англии на Новый Альбион, открытый сэром Фрэнсисом Дрейком, и на все то побережье, которое Кук видел вокруг Нутки?

Капитан Джордж Ванкувер, бывший мичман Кука, был срочно вызван британским адмиралтейством. Якобы его миссия состояла в том, чтобы вернуть в Нутке все земли, которые испанцы отняли у Мирса, торговца. На самом деле он должен был исследовать побережье от Новой Испании на юге до Русской Америки на севере и удерживать это побережье для Англии. То, что Испания уже исследовала острова этого побережья, было простой деталью. Оставалось еще исследовать континентальное побережье. Кроме того, Испания не продолжила свои исследования владением. Она держала свою навигацию в секрете. Во многих случаях ее навигаторы даже не приземлялись.

Captain George Vancouver.

[Иллюстрация: капитан Джордж Ванкувер.]

Ванкувер был все еще в расцвете сил, ему не было и сорока. С детства служа на флоте, он питал презрение практического моряка к теориям. Это презрение было подчеркнуто отношением мира к Куку. Ванкувер был солидарен с Куком. Он знал, что Северо-Восточного прохода не существует. Кук доказал это. И все же мир отказывался верить.

Для мореплавателя-практика оставался только один курс, и этот курс стал единственной целью, всепоглощающим стремлением всей жизни Ванкувера — разрушить последние остатки мифа о Северо-Восточном проходе; исследовать северо—западное побережье Америки так тщательно, чтобы не осталось ни одного неизвестного залива, который можно было бы использовать в качестве возможной опоры для теорий схоластов, проникнуть во все бухты от Калифорнии до Аляски - материковые и островные; продемонстрировать, что ни одно возможное отверстие не ведет в Атлантику. Это должно было стать целью жизни Ванкувера, и он выполнял ее с такой тщательностью, что последующим исследователям ничего не оставалось делать; но он умер до того, как отчет о его путешествиях был передан миру.

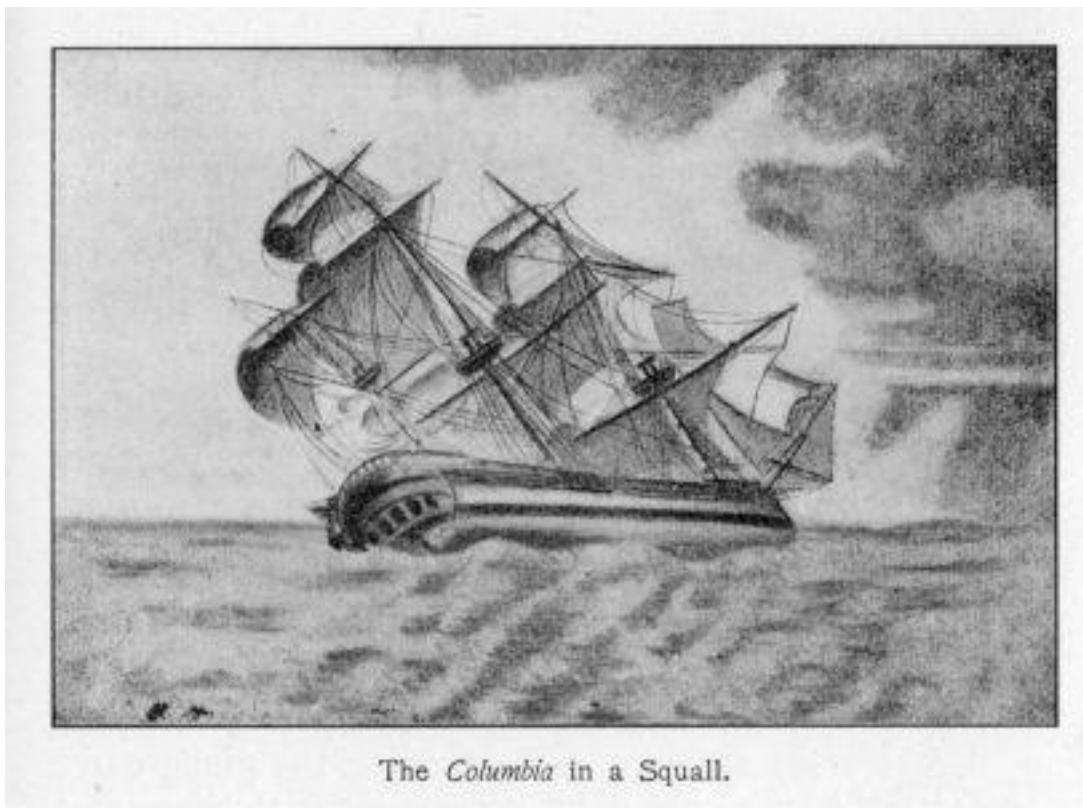
Два корабля, *Discovery* и *Chatham*, с кораблем снабжения "Дедал", который должен был последовать позже, были подготовлены к длительной и тщательной работе. Судно Ванкувера "Дискавери" несло двадцать пушек и экипаж состоял из ста человек. На тендере "Чатем" под командованием Бротона было десять пушек и сорок пять человек. С Ванкувером ушли Мензис, и Пьюджет, и Бейкер, и Джонстон — имена, которым суждено было стать знаковыми на Тихом океане. "Дискавери" и "Чатем" покинули Англию весной 1791 года. Год спустя они пересекли волны, направляясь с Гавайев в Америку, Новый Альбион открытия Дрейка, забытый Англией, пока активность Испании не пробудила воспоминания о пиратском путешествии.

Когда корабли приближались к Америке, их встретила сильная зыбь. Фосфоресцирующие огни, синие, как серное пламя, отбрасывали на море огненный след, а сухопутная птица, выброшенная волнами, рассказывала о берегах Нового Альбиона. Первые две недели апреля "Дискавери" и "Чатем" шли под парусами в облаках и под солнечным небом; но 16-го, как раз когда белая полоса рифов впереди предупредила о суше, над кораблями установилась тяжелая погода. На переднем плане, голое, величественное, плотное, как стена, побережье Нового Альбиона возвышалось над полосой прибоя недалеко от Мендосино. С мест, где находилось "Открытие Фрэнсиса Дрейка", раздались радостные возгласы. Затем потоки дождя размывали прибой и берег. Ураганный ветер, который выгнал всех других мореплавателей в море с этого побережья, теперь обрушился на Ванкувер. Волны с такой силой захлестывали палубы, что срывало мачты, паруса, поручни.

Было ли это невезением или судьбой, застигшей Ванкувер в этот шторм? Если бы его не выгнали отсюда, он мог бы оказаться всего за две недели до Грея на Колумбии, и добился бы признания прав Англии на всю территорию между Новой Испанией и Аляской. Когда 27 апреля погода прояснилась, океан был бурлящим, явно окрашенным в цвет реки внутренними водами; но донные волны шторма и прилива перекачивались через отмели. Ни зазубрины, ни просвета на горизонте, ведущего от океана к источнику мелкой зелени. Ванкувер находился слишком далеко от берега, чтобы разглядеть, что в прибое действительно был перерыв. Он думал — и думал правильно — что это было то самое место, где торговец Мирс надеялся найти великую реку Запада, но только для того, чтобы разочароваться и назвать мыс мысом Разочарования. Ванкувер такими причудливыми теориями не обманешь. "Не считая это открытие заслуживающим большего внимания, - пишет он, - я продолжил движение на северо-запад". Он упустил величайшую честь, которая еще оставалась для любого первооткрывателя Тихого океана. В течение двух недель американец Грей, направлявшийся обратно к этим непостижимым приливам с упорным упорством, которое снискало себе славу, должен был успешно миновать буруны и открыть Колумбию. Когда штиль позволил снова приблизиться к берегу, сквозь дымку проступили леса — эта мягкая, бархатная, ласкающая дымка

мечтательного, лениво набухающего Тихого океана — леса из елей, пихт, сосен и кипарисов во всем буйстве влажной весенней растительности, густого переплетения бурелома и подлеска и огромных лиан внизу, украшенных светло-зелеными волокнистыми мхами, обрамляющими линию облаков над головой и почти непроницаемыми для солнечного света. Мириады диких птиц покрывали море. Побережье превратилось в извилистый обрыв, который переходил вглубь страны, поросшей лесом, к горам, зазубренные вершины которых проглядывали сквозь облака. Это был хребет Олимп, впервые замеченный Мирсом, а сегодня видимый на многие мили в море как гряда переливчатых куполов, подвешенных посреди неба.

Ванкувер входил в пролив Фука, когда над голубым горизонтом вдали показались стройные очертания корабля. Еще один накат волны, и стало видно, что флаг развевается над полностью надутыми парусами и изящным маленьким кораблем "Трейдер оф Америка" с квадратным корпусом. В шесть утра 29 апреля американец отдал честь пушечным выстрелом. Ванкувер ответил атакой со своей палубы, справедливо предположив, что это Роберт Грей из Колумбии.

[Иллюстрация: Колумбия во время шквала.]

Пьюджета и Мензиса послали разузнать о круизе Грея. Они сообщили, что Грей прошел пятьдесят миль вверх по проливу Фука; и — что наиболее поразительно для амбиций Ванкувера — что американец находился недалеко от устья реки к югу от пролива при 46 градусах 10 минут, где прилив препятствовал входу в течение девяти дней. "Река, о которой упоминал

мистер Грей, - говорит Ванкувер, - должна протекать к югу от мыса Разочарования. Это мы миновали до полудня 27-го; и если и обнаружится какой-нибудь залив или река, то они должны быть очень запутанными, недоступными ... из-за рифов и взбаламученной воды.... Я был полностью убежден, как и большинство людей на борту, что мы никак не могли пройти мимо какого-либо мыса ... от Мендосино до Класе (Флэттери)".

Стремясь доказать, что никакого Северо-восточного прохода через Фукайский пролив не существует, Ванкувер направился вглубь страны, поближе к южному берегу, где скалистые возвышенности давали возможность ориентироваться в лабиринте островов и тумана. В восьми милях от пролива он бросил якорь на ночь. На следующее утро солнце взошло над одним из красивейших пейзажей Тихоокеанского побережья — морским рукавом, спокойным, как озеро, окруженным бесчисленными скалистыми островами. Со стороны суши были поросшие лесом долины, переходящие в пурпурные складки гор; а за ними, на востоке, ослепительная, как огромный огненный щит на восходе солнца, белая масса, белее самых белых облаков, плыла по воздуху в середине неба. Лейтенант Бейкер был первым, кто увидел видение, за которым сейчас следит каждый западный путешественник, знаменитый пик, видимый с суши или моря за сотни миль, игровую площадку для зубчатых зеленых молний жаркими летними ночами; и пик был назван в его честь. — Гора Бейкер.

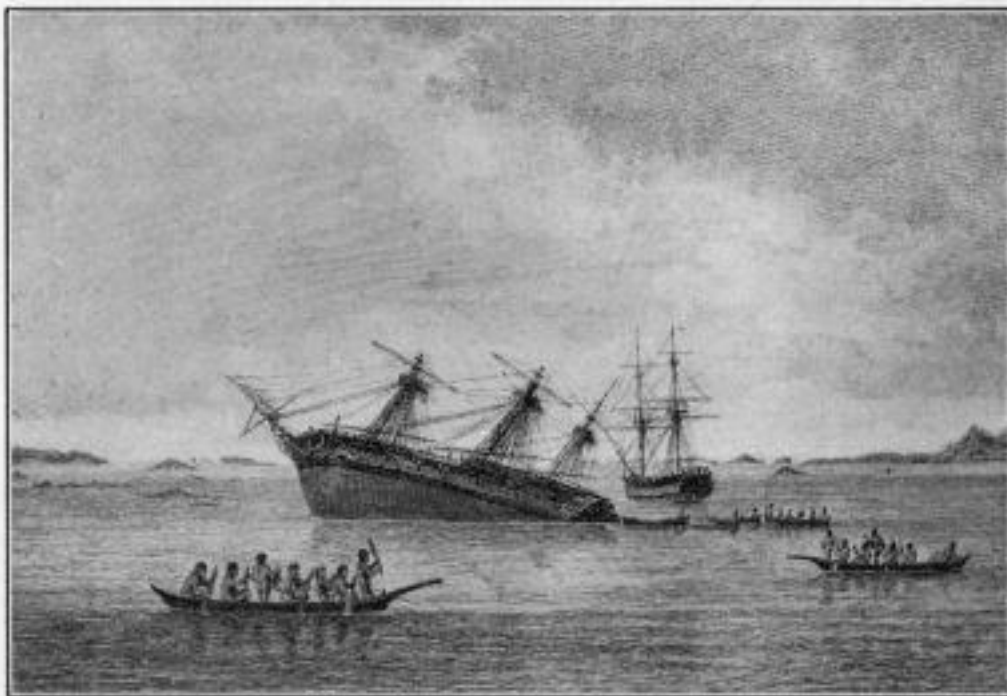
Впервые в истории лодки белых людей бороздили воды великого внутреннего моря, ныне известного как залив Адмиралтейства, Пьюджет-Саунд, канал Худ. Ни в одном из многочисленных заливов этого паукообразного моря не должно остаться ни одного мифа о Северо-Восточном проходе. Ванкувер, Мензис, Пьюджет и Джонстон отправились в небольших лодках исследовать все водные пути. Вместо того, чтобы двигаться на северо-восток, запутанный лабиринт скрытых в лесу протоков извивался на юг. Дикари кишели над водой, кружа вокруг белых людей, словно хищные птицы, кружащие в ожидании возможности напасть в первый же неосторожный момент. Привязав безделушки к деревяшкам, Пьюджет позволил подаркам уплыть обратно в качестве мирных подношений, чтобы добиться доброй воли. Эффект был таким, каким всегда бывает мягкость для индейца, рвущегося в бой, - стимулом к смелости. Когда Пьюджет причалил к полуденной трапезе, два десятка краснокожих выстроились на берегу и начали натягивать луки, готовясь к бою. Пьюджет прочертил саблей линию на песке и подал знак воинам держаться подальше. Они с громким грохотом отползли за пределы его досягаемости. Нужен был только какой-нибудь парень посмелее остальных, чтобы пересечь линию фронта, и началась бы резня. Пьюджет не стал ждать. Желая вселить в сердце индейца страх перед Господом и уважение к белому человеку, он направил лодку к берегу и выстрелил в воздух. Результат был мгновенным. Оружие было сдано. В понедельник, в полдень, 4 июня, Ванкувер и Бротон приземлились в пункте владения. Офицеры выстроились в шеренгу. Был развернут английский флаг, произведен королевский салют, и во владение было взято все побережье Нового Альбиона от 39 широты до пролива Фука, который Ванкувер называл заливом Джорджии. Всего за месяц до этого Грей, американец, предшествовал этому акту владения аналогичной церемонией для Соединенных Штатов на берегах Колумбии.

Итогом работы Ванкувера до сих пор было исследование залива Пьюджет-Саунд, который находится к западу от залива Святого Лаврентия к Востоку. Для Пьюджет-Саунда и прилегающих к нему вод он сделал именно то, что Кэрриер сделал для атлантической части Америки. Его следующим шагом было выяснить, проникает ли ведущий на север Фукайский пролив в Америку и выходит ли он на атлантическую сторону. Вот что сказал старый греческий лоцман, служивший в Новой Испании, Хуан де Фука, спустя несколько лет после того, как Дрейк и Кавендиш побывали на побережье Калифорнии.

Хотя Ванкувер исследовал побережье Тихого океана более тщательно, чем все другие мореплаватели, которые были до него, — настолько тщательно, что исследователям, пришедшим после него, ничего не оставалось, как сделать, и современные исследования не смогли улучшить его карты, — казалось, ему не повезло, что он на волосок упустил призы, которых он так жаждал. Он пропустил открытие Колумбии. Теперь ему предстояло пропустить вторую по величине реку Северо-запада, Фрейзер. Он надеялся первым обогнуть пролив Фука, опровергнув предположение, что он ведет в Атлантику; и он прибыл на место только для того, чтобы узнать, что два английских торговца, Мирс и Барклай, два американца, Кендрик и Грей, и два испанца, Дон Галиано и Дон Вальдес, уже практически доказали, что эта часть побережья является большим островом, а пролив Фука - рукавом Тихого океана.

Пятьдесят индейцев в длинных землянках с гротескно вырезанными носами и безвкусной раскраской, обычных среди тихоокеанских племен, вторую неделю июня сопровождали лодки Ванкувера на север по лабиринту проходов среди островков, поросших кипарисами, к заливу Беррард. Питеру Пьюджету была поручена работа по обходу материковой части и отслеживанию каждого залива до его истоков. Джонстон отправился вперед на маленькой лодке, чтобы разведать выход из Тихого океана. С обеих сторон берега теперь вздымались скалистыми обрывами и крутыми горами, с которых сбегали пенистые водопады, разнося по дикой местности эхо мириад колокольчиков. Море было покрыто молочно-белыми отложениями, но туман висел густым, как одеяло, и Ванкувер проехал дальше на север, не увидев реки Фрейзер. Чуть дальше, ближе к концу июня, он с удивлением встретил испанский бриг и шхуну, исследовавшие проливы. Дон Галиано и дон Вальдес рассказали ему о Фрейзере, который он пропустил, и о том, что Фукайский пролив ведет в Северную часть Тихого океана. Они также были у Пьюджет-Саунда, но не заходили вглубь острова, и принесли Ванкуверу известие, что дон Квадра, испанский эmissар, посланный для восстановления в Англии форта, из которого был изгнан торговец Мирс, прибыл в Нутку на другой стороне острова и ждет. Все исследователи вместе двинулись вверх по проливу; но маленькие испанские суда не могли идти вровень с большими английскими судами, поэтому под дружеские возгласы с обеих сторон англичане продолжили путь в одиночку.

Странные индейские деревни выстроились вдоль вздымающихся ввысь холмов пролива. Дома, построенные из квадратных бревенчатых плит, ряд за рядом, как улицы белого человека, были расположены высоко на изолированных скалах, к которым нельзя было подойти, кроме как по узким доскам, образующим дамбу от скальных стен через море к ветвям дерева. В других местах веревочные лестницы служили единственным путем к воздушным жилищам или зигзагообразной тропой вверх по крутому склону скалы, вниз по которой защитники могли швырять камни. Были пройдены пролив Хоуз-Саунд, канал Джервис, залив Бьют, и в июле Джонстон вернулся с известием, что нашел узкий пролив, ведущий в Тихий океан.

The Discovery on the Rocks.

[Иллюстрация: Находка на скалах.]

Пролив сузился менее чем до полумили из-за такого сильного прилива, что в воскресенье, 29 июля, корабли не слушались руля, и волны высотой в семнадцать футов захлестывали палубы. Прогресса удалось добиться, подтягивая лодки к берегу с помощью веревок, обвязанных вокруг деревьев. К первому августа с моря напал густой туман. "*Дискавери*" разбился о затонувшую скалу, накренившись так, что его паруса оказались на высоте трех дюймов над водой. Балласт был выброшен за борт, и следующий прилив поднял судно. К 19 августа Ванкувер доказал — если оставались какие-либо сомнения, — что Северо-восточный проход через Фукайский пролив невозможен. [1] Затем, выйдя в море в полночь под шквалами дождя, он направился в Нутку на конференцию с Испанией.

Ванкувер прибыл в Нутку 28 августа. Нутка была главным местом сбора торговцев мехом на Тихом океане. Это был треугольный пролив, вдающийся в берега острова Ванкувер. На острове в устье пролива испанцы построили свой форт. Эта часть залива была известна как Дружелюбная бухта. К северу находилась Уютная бухта, где бросил якорь Кук; к югу — рейд торговцев пушниной. От линии воды поднимались горы, а на террасе холмов над испанским фортом располагалась родная деревня Макуинны, индейского вождя.

Затем прибыл Ванкувер, которого в устье гавани встретил испанский офицер с лоцманом, чтобы доставить "*Дискавери*" в испанский форт Нутка. "*Чатем*", "*Дедалус*", Ванкуверское торговое судно, два или три английских судна для торговли мехами, испанские фрегаты, оцетинившиеся пушками, уже стояли на якоре; и яркий испанский вымпел, красный и желтый, развевался на ветру над укрепленным пушками бревенчатым фортом Нутка, окруженным частоколом.

Indian Settlement at Nootka.

[Иллюстрация: индейское поселение в Нутке.]

Надев полковое обмундирование, лейтенант Пьюджет торжественно прошествовал в форт, чтобы сообщить дону Хуану де ла Бodega-и-Квадра, представителю Испании, что капитан Джордж Ванкувер, представитель Англии, прибыл в Нутку, чтобы ожидать соизволения командующего Новой Испании. Новой Испании доставляло удовольствие принимать салют Англии, и пушки Ванкувера прогрехотали залпом из тринадцати выстрелов, к изумлению двух тысяч или более дикарей, наблюдавших за происходящим с берега. Затем Ванкувер в официальном сопровождении своих офицеров засвидетельствовал свое почтение Новой Испании. Дон Квадра ответил на комплимент, позавтракав на следующее утро на борту "*Дискавери*", в то время как его фрегаты, в свою очередь, салютовали Англии залпом из тринадцати орудий. Среди всего этого торжественного парада формальностей Макуинна, повелитель диких владений, начал задаваться вопросом, какую роль ему предстоит сыграть, и отважился подняться на борт "*Дискавери*", одетый в природное одеяние, чтобы присоединиться к завтраку вождей; когда охранник без промедления выбросил его за борт, не сумев распознать принадлежность индейца. Затем дон Квадра устроил грандиозный обед для англичан, на который был приглашен разгневанный Маквинна. На ужин было пять блюд, а королевские салюты вызвали эхо, раскатывающееся по холмам. За успех ванкуверских исследований было произведено семнадцать выстрелов из пушек. Были произнесены тосты, пенные тосты во славу мореплавателей Тихого океана и Маквинны, великого вождя нутка, который в ответ поднялся со своего места с бокалом в руке, чтобы выразить сожаление по поводу ухода Испании из Северной части Тихого океана. Именно тогда дону Квадре пришла в голову блестящая мысль завоевать дружбу индейцев для всех белых торговцев на тихоокеанском побережье

посредством торжественного визита Ванкувера и его самого в родную деревню Макуинны, расположенную в двадцати милях вверх по проливу.

Каттер и яул покинули Дружелюбную Бухту в восемь утра 4 сентября и прибыли в родную деревню Макуинны в два часа дня. Дон Квадра приготовил обед, поданный встие его собственными испанскими лакеями; и галантный испанец подвел единственную дочь Маквинны к месту во главе стола, где юная скво оказала почести со всем высокомерием индейской расы. Затем Маквинна развлек своих посетителей бутафорской битвой раскрашенных воинов, за которой последовал танец масок. Чтобы не отставать, "белые" заиграли на флейте и барабанах и устроили дику demonstration испанских фанданго и шотландских барабанов. В честь сегодняшней прогулки было решено назвать большой остров, который Ванкувер почти обогнул, Квадрой и Ванкувером.

Когда Макуинна нанес ответный визит, был фейерверк, еще больше тостов и салютов. Все это было очень приятно, но это не было бизнесом. Затем Ванкувер обратился к дону Квадре с просьбой ратифицировать международное соглашение между Англией и Испанией; но оказалось, что мнения относительно того, что означало это соглашение, сильно разошлись. Ванкувер считал, что это повлекло за собой отказ от суверенитета Испании от Сан-Франциско на север. Дон Квадра утверждал, что он уступил испанские права только к северу от Хуан-де-Фука, оставив северо-западное побережье свободным для торговли всех стран. С Ванкувером было решено: все или ничего. Затем дон Квадра предложил отправить письма в Испанию и Англию для получения более конкретных инструкций. С этой целью лейтенанта Бротона следовало отправить по суше через Мексику в Европу. Именно на этом этапе Роберт Грей спустился с севера на поврежденной *Колумбии*, чтобы получить помощь от Quadra. В течение трех недель Грей отплыл в Бостон, Дон Квадра - в Новую Испанию, а Ванкувер - на юг, чтобы исследовать реку Колумбия, принадлежащую Грею, прежде чем отправиться зимовать на Сандвичевы острова.

Три английских корабля вышли из Нутки в середине октября, держа курс на новую реку Грей, в отношении которой Ванкувер выражал такие сомнения. Были видны пенящиеся рифы мыса Разочарования и северный вход в него, точно такой, как описал Грей. "*Чатем*" благополучно преодолел сильную поперечную волну, хотя ее маленькую лодку разнесло в щепки среди бурунов; но в воскресенье, 21 октября, море было таким бурным, что Ванкувер не осмелился рисковать своим большим кораблем "*Дискавери*", пересекая отмель. Бротону было поручено осмотреть "*Колумбию*", прежде чем отправиться в Англию за новыми заказами.

"*Чатам*" бросил якорь сразу за мысом Разочарования на севере, затем прошел на юг к мысу Адамс, используя карту Грея в качестве ориентира. В семи милях вверх по северному побережью в честь Грея была названа глубокая бухта. Девять или десять индейских блиндажей со ста пятьюдесятью воинами теперь сопровождали лодку Бротона вверх по течению. Высокая вершина впереди, покрытая снегом, получила название гора Худ. Семь дней Бротон шел вдоль реки, пока не кончились его припасы, и сопровождавший его старый индейский вождь объяснил знаками, указывая в направлении восхода солнца и позволяя воде просачиваться сквозь пальцы, что водопад впереди остановит движение. Так или иначе, Бротон, казалось, думал, что из-за того, что Грей, частный торговец, не был одет в униформу власти с золотыми

галунами, его акт открытия был недействительным; поскольку Бротон высадился и вместе со старым вождем, помогавшим на церемонии пить целебные напитки, завладел всем регионом для Англии, "имея", как объясняется в отчете о поездке, "все основания полагать, что подданные ни одной другой цивилизованной нации или государства никогда раньше не заходили в эту реку; это мнение было подтверждено наброском мистера Грея, в котором не указано, что мистер Грей либо видел, либо был свидетелем". всегда в пределах пяти лиг от входа.

Какие-либо комментарии по этому поводу излишни. Очевидно, это было сделано в надежде, что достижение Грея — непритязательного торговца мехами, не подкрепленное ничем, кроме его собственного бесстрашия, — будет забыто, как, несомненно, и было в течение пятидесяти лет почти всеми американцами. Три дня спустя, 3 ноября, Бротон вернулся вниз по течению в *Чатем*, заметив заброшенную индейскую деревню Чинук, когда он проходил мимо устья гавани. 6 ноября, в сильный дождь, корабль вышел в море, миновав "*Дженни*" из Бристоля, запертую прибоем внутри мыса. Бротон высадился, чтобы разведать проход. На следующий день ветер стих, и сквозь прибой была видна брешь. Маленькое торговое суденышко шло впереди, Бротон следовал за ним, с трудом удерживая "*Чатем*" в море, волны перекатывались через него от носа до кормы, оборвали буксирный трос катера и смыли матроса за борт; и мы не можем не испытывать большего уважения к подвигу Грея, зная, какие трудности пережил Бротон.

Тем временем Ванкувер на "*Дискавери*" прошел вдоль побережья от устья Колумбии до залива Дрейка, сразу за Золотыми воротами Сан-Франциско, где отважный английский пират бросил якорь в 1579 году. К ночи 14 ноября он был в просторной гавани Сан-Франциско. Двое мужчин верхом на лошадях выехали из испанского поселения, расположенного в миле от берега, стреляя из мушкетов в знак приветствия Ванкуверу. На следующее утро испанский монах и прапорщик поднялись на борт "*Дискавери*" на завтрак, указав Ванкуверу лучшую якорную стоянку как для дров, так и для воды. Пока матросы охотились на перепелов в горах или забавлялись, наблюдая за индейцами, плывущими по гавани на плотках, сделанных из сухого камыша и травы, добрый испанский падре проводил Ванкувера на берег в президио, или дом коменданта, после высадки на небольшом холме, окруженном холмами. Форт представлял собой квадратную площадку с глинобитными стенами высотой четырнадцать футов и глубиной пять, внешние балки между ними были покрыты штукатуркой из твердого строительного раствора, дома и стены побелены известью, сделанной из морских раковин. Маленькая медная пушка покрылась ржавчиной над одним ветхим лафетом, а еще одно старое орудие было установлено с помощью привязи к гнилому бревну. Единственные ворота вели в форт, где проживали комендант, гвардия из тридцати пяти солдат и их семьи. Окна в домах были очень маленькими и без стекол, дом коменданта представлял собой грубое строение тридцать на четырнадцать футов, побеленное внутри и снаружи, пол посыпан песком и тростником, мебель самой грубой работы. Сама миссия находилась в трех милях от форта, с охраной из пяти солдат и капрала. Так было положено начало крупнейшему на сегодняшний день городу на тихоокеанском побережье.

Теперь Бротона отправили по суше в Англию за инструкциями о передаче Нутки. Пьюджет стал командиром *Чатема*. Корабль-склад "*Дедал*" был отправлен в Южные моря, и, зайдя только в Монтерей, Ванкувер отправился зимовать на Сандвичевы острова. Здесь исследователя ожидали две обязанности, которые он выполнял так, что на его гербе оставалась полоса как

славы, так и позора. Сандвичевы острова стали перевалочным пунктом в Тихом океане для торговцев пушниной. О том, как торговцы пушниной — сброд авантюристов с окраин земли, неподвластных закону, - могли действовать среди этих простых людей, можно догадаться по поведению экипажей Кука; а Кук был строгим приверженцем дисциплины. Тем, кто сеет по ветру, не нужно удивляться, если они пожнут ураган. Белые люди, которых эти индейцы приветствовали как богов, отплатили за гостеприимство туземцев тем, что произвели на них впечатление команды, приспособленной к северному климату, где переход из субтропиков означал почти верную смерть. То, что торговец мехом проскользнул на Гавайи, заманил женщин на борт, а затем умчался в Америку, где жертвы могли гнить непогребенными на глазах у всех торговцев, считалось шуткой. Как эта шутка стала причиной смерти капитана Кука, знает весь мир; и шутки становились немного частыми, немного смелыми, немного слишком мрачными для чувства безопасности белых торговцев. Жители Сандвичевых островов фактически составили заговор с целью захвата каждого судна, заходящего в их гавани, и удерживания экипажей ради вымогательства выкупа. Сколько белых мужчин стали жертвами этого заговора — погибли от ножа наемного убийцы или ждали выкупа, который так и не был получен, — в этих записях нет ни слова. Становилось обычным делом находить белых мужчин, живущих среди островитян в состоянии квазирабства, причем каждого белого держали в качестве заложника для безопасности других, которые не могли сбежать. В течение трех лет были атакованы три корабля: один испанский, один американский, один английский — складское судно *"Дедал"*, направлявшееся в Нутку с припасами для Ванкувера. Два офицера, Хергест и Гуч из *"Дедала"*, были схвачены, раздеты догола, на остриях копий загнаны на холм, в туземную деревню, и изрублены на куски. Ванкувер полон решимости положить конец подобным нападениям. Прибыв на острова, он направил свою пушку на берег, потребовал, чтобы убийцы офицеров *"Дедала"* были выданы, предал виновных суду со всей торжественностью и быстротой английского военного трибунала, приговорил их к смертной казни, приказал привязать к столбам мачты и казнить. Это пятно на Ванкувере, потому что островитяне пошли на хитрость. Настоящими убийцами были вожди. Не желая отдавать их, островитяне отдали ванкуверу бедных рабов, совершенно невиновных в этом преступлении.

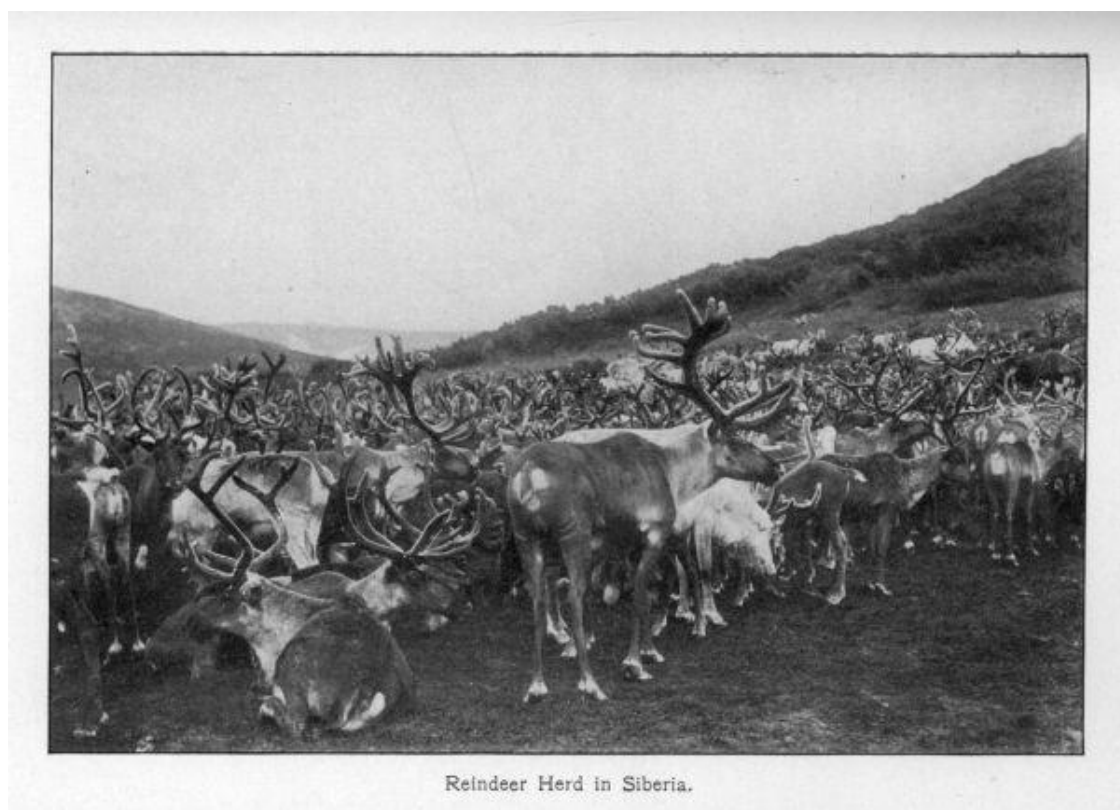
Противоположностью этой ошибочной демонстрации справедливости был другой поступок Ванкувера. В Нутке он нашел среди торговцев двух молодых гавайских девушек не старше пятнадцати и девятнадцати лет, которых насильно увел какой-то негодяй-торговец. Большинство великих путешественников не запачкали бы своих перчаток, вмешиваясь в подобное дело. Кук подмигивал подобным преступлениям. Дрейк двести лет назад рассмеялся. Русские превзошли либо Дрейка, либо Кука. Они сбрасывали жертв за борт там, где море не рассказывало сказок. Ванкувер, возможно, и был достаточно строгим сторонником дисциплины, чтобы казнить не тех людей в качестве урока, но он был последователен в своей строгости. Вокруг этих двух одиноких дикарей он облек все рыцарство и мощь английского флага. Он принял их на борту *"Дискавери"*, обращался с ними так, как мог бы обращаться со своими родными сестрами, предотвратил возможность оскорблений со стороны простых матросов, пригласив их за свой стол на корабле, научил их обычаям европейцев по отношению к женщинам и причинам возникновения этих обычаев, так что молодые девушки в настоящее время пользовались уважением и дружбой каждого матроса на борту *"Дискавери"*. В Новой Испании он раздобыл для них одежду и деликатесы, которые есть у белых женщин; а на Сандвичевых островах принял меры предосторожности, чтобы они не погибли от рук гавайцев за то, что находились на корабле с незнакомыми мужчинами, заручившись у вождя

Сандвичевых островов обещанием его защиты для них и подарками в виде дома внутри королевской ограды.

В апреле 1793 года Ванкувер снова появился на западном побережье Америки. Результаты исследований этого года были в основном отрицательными; но цель жизни Ванкувера была отрицательной — доказать, что между Тихим и Атлантическим океанами нет прохода. В прошлом году он пропустил Колумбию, стоя у побережья к северу от Мендосино. Так что в этом году он снова отправился тем же берегом в Нутку. Никаких новых инструкций из Англии или Испании в Нутку не поступало; и Ванкувер продолжил путь по морю, где он останавливался годом ранее, проводя дальнейшую съемку острова и материка от острова Ванкувер на север до современного Ситки или пролива Норфолк. Американец Грей год назад подвергся здесь нападению индейцев, и Ванкувер не избежал враждебности этих печально известных вероломных племен. Вверх по каналу Бемкорабли посетили воины в посмертных масках, которые отказались от всего в обмен на свою морскую выдру, кроме огнестрельного оружия. Канал здесь сужался, превращаясь в темный каньон, над которым нависали нависающие утесы. Четырем большим боевым каноэ, управляемым несколькими сотнями дикарей, выкрашенных в боевую раскраску, удалось окружить маленькую лодку, и пока половина воинов удерживала лодку, чтобы не дать ей ускользнуть, остальные растащили по ней все, что могли взять, от страховочных штырей и парусного каната до огнестрельного оружия, прежде чем Ванкувер потерял терпение и отдал приказ стрелять. При выстреле индейцы полетели через палубы в море, как водяные крысы, в то время как силы, попавшие в засаду на суше, начали скатывать камни с обрывов. Некоторое представление о тщательности Ванкувера можно получить по его работам на Портлендском канале, которому сто лет спустя суждено было прославиться как месту пограничных споров. Здесь он был так полон решимости доказать, что ни один из проходов не ведет в Атлантику, что его маленькая лодка действительно проплыла семьсот миль, не удаляясь более чем на шестьдесят миль от берега океана. К октябрю 1793 года Ванкувер разрушил миф о возможном проходе между Новой Испанией и Русской Америкой, поскольку он обследовал каждый залив от Сан-Франциско до того места, где сейчас находится Ситка. Хотя результаты были негативными для него самого, для России они были совершенно иными. Именно путешествие Ванкувера на север побудило русских двигаться на юг. Одним словом, если бы Ванкувер не продвинулся так далеко, как Норфолк-Саунд или Ситка, русские торговцы пушниной дремали бы с Кадьяком в качестве штаб-квартиры, а сегодняшняя Канада могла бы включать в себя все золотые прииски Аляски.

Ванкувер снова зимовал на Сандвичевых островах. В 1794 году он изменил направление своих исследований. Вместо того чтобы начать с Новой Испании и работать на севере, он начал с Русской Америки и работал на юге. В то время Кадьяк и залив Кука считались восточными границами русских поселений, хотя охотничьи бригады русских прочесывали их вдоль и поперек; поэтому Ванкувер начал свои исследования на востоке от залива Кука. Чудовищные потоки льда били по носам кораблей, когда они бороздили залив Кука; и сообщения о пистолетных выстрелах об огромных айсбергах, отколовшихся от стен твердого ледникового

побережья, предупреждали об опасности; но Ванкувер было не остановить. И снова упорное невезение, заключавшееся в том, что он всегда приходил вторым за желанным призом, отмечало каждый этап его путешествия. Были замечены русские форты в заливе Кука, русские поселения в проливе Принца Уильяма, русские флотилии из девятисот алеутских охотников, руководствующихся инстинктом, подобно чайкам, которые разлетаются над морем на восток до Берингова залива или там, где побережье Аляски обрывается к югу. Везде он слышал русский язык, везде видел, что Россия ревниво относилась к его исследованиям как к вторжению; везде замечал, что русский и сэвидж пришли к взаимопониманию и теперь живут как друзья, если не братья. Дважды Баранов, маленький северный царь, посылал в Ванкувер весточку с просьбой дождаться конференции; но Ванкувер не горел желанием встречаться с маленьким русским властелином. Одной ссоры за раз было достаточно, а ссора с Испанией все еще оставалась неурегулированной. Воды, по которым сегодня курсируют суда золотоискателей, залив Беринга, канал Линн, названные в честь места его рождения, теперь были настолько тщательно обследованы Ванкувером, что его картами можно пользоваться до сих пор.

[Иллюстрация: Стадо северных оленей в Сибири.]

Только однажды лабиринт водных путей, казалось, обещал северо-восточный проход. Это было вверх по каналу Линн, куда устремилось так много искателей золота, чтобы их надежды рухнули, например, в Ванкувер. Два офицера отправились вверх по ла-маншу на маленькой лодке, чтобы посмотреть, не ведет ли какой-нибудь проход в Атлантику. Штормовая погода и мощный прилив превратили море в пену. Долгий дневной свет был настолько обманчив, что мужчины не понимали, что уже почти полночь. В десять часов они гребли к берегу, чтобы отдохнуть от борьбы с волнами и ветром, когда вооруженные индейцы внезапно бросились к кромке воды в

боевом порядке, выставив копья. Измученные гребцы всю ночь гнулись над веслами. В одном месте их отступления в открытое море туман рассеялся, открыв проход между пропастями шириной всего в несколько футов, по обе стороны которого стояли каноэ воинов. Грохот мушкетной стрельбы отогнал нападавших. Двое или трое мужчин стояли на страже с нацеленными мушкетами, в то время как гребцы преодолевали перекачивающуюся зыбь обратно под защиту больших кораблей снаружи.

19 августа, когда корабли направлялись на юг, к Норфолку или проливу Ситка, люди внезапно узнали мысы, где они плавали прошлым летом. На секунду они едва ли осознали это. Затем они поняли, что их исследования с Аляски на юг пришли к месту встречи с путешествием из Новой Испании на север. Всего чуть более чем через пятьдесят лет после открытий Беринга исследование северо-западного побережья Америки было завершено. Кто-то издал бессвязный крик, что работа закончена! Приветствие было подхвачено всеми людьми на борту. Кто-то еще вспомнил, что был апрель, когда они отправились в дурацкое путешествие по Северо-Восточному проходу; и это путешествие оказалось настоящим первоапрельским розыгрышем! Затем были подняты флаги, вынесены бочки с вином, морские пехотинцы выстроились в шеренгу, и прозвучали три таких радостных залпа, какие могли почувствовать только эти моряки. В течение четырех лет они следовали глупым поискам ошибки ученого мира. В тот вечер Ванкувер устроил праздничный ужин для своих экипажей. Они это заслужили. Их четырехлетний круиз ознаменовал завершение самой героической эпохи на тихоокеанском побережье. Ванкувер выполнил дело своей жизни — северо-восточного прохода через западное побережье Америки не существовало. [2]

[1] Легенда о Хуане де Фуке вошла в обиход около 1592 года, опубликованная в книге Сэмюэля Пурча *"Пилигримы"* в 1625 году, том. III: "Записка, сделанная Майклом Локом-старшим, касающаяся морского пролива, обычно называемого *Фретум Аниан*, в Южном море через Северо-Западный проход Мета Инкогнита". В апреле 1596 года Лок познакомился в Венеции со стариком по имени Хуан де Фука, греческим моряком и лоцманом из экипажа галеона *Санта-Анна*, захваченного Кавендишем близ южной Калифорнии в 1587 году. Лоцман рассказал, что после своего возвращения в Мексику вице-король отправил его с тремя судами исследовать Анианский пролив. Эта экспедиция провалилась, и его снова послали в 1592 году с небольшой каравеллой, в которой "он следовал курсом на запад и северо-запад до 47 северной широты, там нашел широкую бухту между 47 и 48, вошел в нее, проплыв там более двадцати дней ... и обнаружил море гораздо шире, чем было у упомянутого входа. ... большой остров с высокой вершиной.... Войдя в Северное море. ... он вернулся в Акапулько." Согласно этой истории, старый лоцман пытался найти дорогу в Англию в надежде, что королева вознаградит его за товары, захваченные Кавендишем, и предоставит ему корабль, чтобы снова исследовать Северо-Восточный проход. Старик умер до того, как Роли и другие англичане смогли переслать ему деньги на переезд в Англию. Является ли эта история чисто моряцкой байкой, или лоцман действительно вошел в пролив, названный в его честь, и, потеряв ориентацию, когда вышел в Тихий океан, вообразил, что находится в Атлантике, - это спор среди ученых.

[2] Данные о путешествии Ванкувера взяты главным образом, конечно, из книги самого Ванкувера, изданной после его смерти, *"Путешествие открытий в Тихий океан"*, Лондон, 1798. Дополнительные данные можно найти в записях предшественников и современников, таких как *"Путешествия"* Мирса, Лондон, 1790 г., *"Путешествие Портлока"*, Лондон, 1789 г.; *"Путешествие"* Диксона, Лондон, 1789 г. и других, из которых черпают информацию почти все современные авторы, такие как Гринхоу, Хьюберт Хоу Бэнкрофт. Отчеты доктора Дэвидсона о его береговых и геодезических работах, а также *огранице с Аляской*, определяют многие выходы Ванкувера на сушу и иллюстрируют огромные трудности, преодоленные в местной топографии. Вряд ли есть необходимость ссылаться на Бегга и Мэйна и другие чисто местные наброски береговых линий Британской Колумбии, поскольку *история* Бегга просто основана на старых путешествиях. Из современных работ изыскательские работы доктора Дэвидсона и официальные отчеты Канадской геологической службы (Доусон) - единственные, которые добавляют какие-либо факты к тому, что зафиксировано в Ванкувере.

ЧАСТЬ III

РАЗВЕДКА УСТУПАЕТ МЕСТО ТОРГОВЛЕ МЕХОМ — ЭКСПЛУАТАЦИИ ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ МЕХОВОЙ КОМПАНИЕЙ И ИЗВЕСТНЫМ ЛИДЕРОМ БАРАНОВЫМ

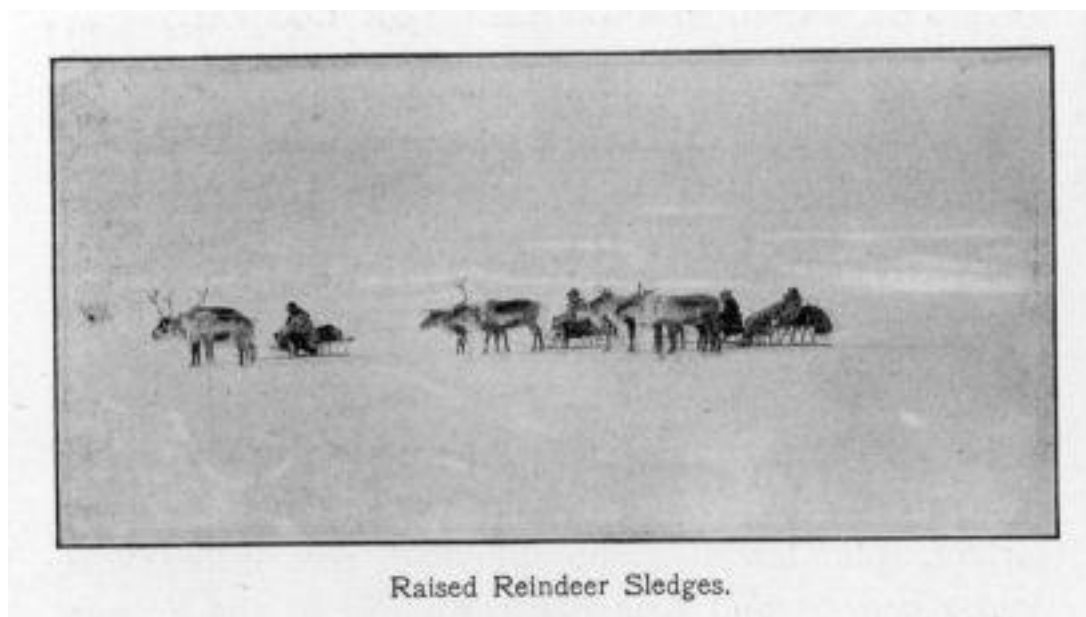
ГЛАВА XI

1579-1867

РОССИЙСКО - АМЕРИКАНСКАЯ МЕХОВАЯ КОМПАНИЯ

Погоня за соболем ведет казаков через Сибирь, за каланом, через Тихий океан на юг до Калифорнии—Караваны из четырех тысяч лошадей проделывают длинный путь в семь тысяч миль через Европу и Азию—Морские разбойники —Союз всех торговцев в рамках одной монополии—Осада и резня Ситки—Как доктрина Монро выросла из торговли пушниной из России—Цели России доминировать в Северной части Тихого океана

"Морские путешественники Северного океана", как они называли себя, казачьи бандиты — рыцари—разбойники, пираты, грабители, - которые преследовали маленького соболя через Европу и Азию на восток, точно так же, как французские *курьеры буа* преследовали бобра через Америку на запад. И эти два великих потока искателей приключений — французский путешественник, пробиравшийся по лабиринту водных путей дикой Америки на запад; русский путешественник, сменивший свои оленьи упряжки и караваны из пустыни на сумасшедшие плоты из зеленых бревен, чтобы пересечь Тихий океан на восток, — были направлены в один и тот же регион, движимые одним и тем же импульсом - захватом тихоокеанского побережья Америки.

[Иллюстрация: Поднятые оленьи упряжки.]

Волна приключений хлынула на восток через Сибирь в то самое время (1579 г.), когда английский флибустьер Фрэнсис Дрейк грабил порты Новой Испании по пути в Калифорнию. Ермак, рыцарь-разбойник и предводитель тысячи казачьих разбойниц, долгое время взимал дань с караванов, направлявшихся из России в Персию. Затем пришла царская армия мщения. Ермак бежал в Сибирь, отвоевал страну у татар и получил прощение от царя, положив к его ногам новое царство. Но эти казаки-грабители Сибирью не ограничились. На севере виднелись бивни из слоновой кости в замерзших тундрах. На востоке, ближе к Камчатке, лежали драгоценные меха в заснеженных лесах и горах. И за слоновую кость, и за меха контрабандисты с китайских окраин заплатили бы определенную цену. Под предлогом сбора десятой дани для царя казаки продвигались вперед; то верхом — дикие звери, добытые татарами в торговле, — то за оленьими упряжками по заснеженным лесам, где раскидистые копыта преодолевали сугробы; то на плотиках из грубых досок, вытесненных из зеленых елей на берегах сибирских

рек; все дальше и дальше теснили грабителей, пока на севере перед ними не открылась Арктика, а на востоке - Тихий океан. [1] И моря у этих странных берегов не преградили путь казакам. Задолго до того, как Петр Великий отправил Витуса Беринга в Америку в 1741 году, русские путешественники отправлялись на восток и север с безрассудством, которое сделало бы честь доисторическому человеку. Эта часть их приключений - рекорд, превосходящий самые смелые выдумки. Их лодки назывались *котчес*. Они были около шестидесяти футов в длину, с плоским дном, обшитые зеленой древесиной. Гвозди не использовались. Откуда были взяты гвозди за шесть тысяч миль по замерзшей тундре? Действительно, железа было так мало, что позже, когда корабли с гвоздями отважились плавать по этим морям, были обнаружены туземцы, ныряющие ниже, чтобы зубами вытаскивать гвозди из досок. Вместо гвоздей казак использовал оленьи ремни, чтобы скреплять доски вместе. Вместо смолы швы уплотняли мох, глина и жир морских животных. Излишне говорить, что не было ни парусины, ни веревки. Из оленьих ремней изготавливались снасти, из оленьей шкуры - паруса. На таком шатком суденышке, "с Божьей помощью и небольшим количеством пороха", русские путешественники подняли паруса и вышли в море. Именно на таких судах Дешнеф и Стадухин пытались обогнуть Азию из Арктики в Берингово море (1647-1650).

Конечно, при первом же ударе льдин о нос этих шатких лодок они превратились в щепки для растопки. Ежегодно пропадало две трети казаков-путешественников, и часто все новости, которые приходили о команде, сводились к тому, что приливом прибывало столб мачты с привязанным к перекладине мертвецом. Можно было бы взять с собой небольшой запас пресной воды. Сосновые иголки были единственным противоядием от цинги, и много раз лодка, кувыряясь, возвращалась в порт приписки, а человек был недостаточно здоров, чтобы встать на мачту.

Всегда манит то, что находится сразу за этим. Неизвестное манит, как объятия старых морских сирен. Пробираясь ощупью сквозь туманы, которые подобно савану висят над этими северными морями, когда иней цеплялся за мачты и палубы, так что лодка казалась каким-то кораблем-призраком в мире туманов, казаки-грабители иногда замечали далеко впереди — в двадцати, тридцати, сорока милях к востоку — черную линию вдоль моря. Была ли это земля или туман, лед или глубокая вода? А когда ветер дул с востока, на реи садились странные наземные птицы. Мимо корабля проносились мертвые киты с гарпунами незнакомых охотников, а прибитые приливом плавники, которые не росли в Азии, были выброшены на берег. Именно слухи, принесенные этими свободолюбивыми моряками, побудили Петра Великого отправить Витуса Беринга в исследовательское путешествие к западному побережью Америки; и когда потерпевшие крушение беринговы корабли вернулись с новым мехом, который не был ни бобром, ни выдрой, но был крупнее обоих и блестел лучше соболя, и продали шкурки китайским торговцам по цене от ста пятидесяти до двухсот долларов каждая в современных деньгах, эффект был такой же, как от открытия золотой жилы. Новым мехом была морская выдра, столь же характерная для Тихого океана, как и тюлень, и ей суждено было вести казаков на столетнюю дикую охоту от Аляски до Калифорнии. Казаки, сибирские купцы, ссыльные преступники объединились в таком диком бегстве к западному побережью Америки, какое когда-либо вызывала золотая жила у цивилизованных людей более позднего времени.

Маленькие *котчи*, которые раньше плавали по сибирским рекам, больше не обслуживались. Сибирские купцы авансировали капитал на постройку больших шлюпов. Таким же образом доставлялся груз безделушек для торговли с американскими индейцами. На постройку и оснащение одного из таких шлюпов ушло бы пятьдесят тысяч долларов в современных деньгах; но для добычи требовался груз морской выдры — если не считать штормов, которые ежегодно уносили две трети охотников, и враждебных индейцев, которые дважды стирали русские поселения с берегов Америки, — и если бы эти шкурки продавались по сто пятьдесят долларов за штуку, прибыли было бы достаточно, чтобы компенсировать риск и затраты. Провизия, снасти, железо, боеприпасы, огнестрельное оружие - все это должно было быть доставлено из Санкт-Петербурга, расположенного за семь тысяч миль от Тихоокеанского побережья. От Санкт-Петербурга до Москвы, Касана, Татарской пустыни и Сибири использовались вьючные лошади. Караваны из четырех или даже пяти тысяч вьючных лошадей, нанятых русскими торговцами мехами в Америке, за ночь прибывали в Иркутск - обычное дело. В верховьях Лены были построены плоты и плоскодонки, похожие на старые лодки макино американских торговцев мехом на Миссури, и груз поплыл в Якутск, великое место встречи сибирских торговцев мехом. Здесь ссыльные, исполнявшие обязанности упаковщиков, а казаки - надсмотрщиков, обычно пускались в разгульные десятидневные загулы. От Якутска на оставшиеся тысячу миль до Тихого океана использовались вьючные лошади, собачьи упряжки и олени упряжки; и это была самая трудная часть путешествия. Предстояло пересечь горы выше Скалистых гор. Горные потоки, бушующие из—за весенней оттепели, приходилось переходить вброд - они были ледяными и доходили погонщикам до подмышек; а зимой стаи лесных волков, следовавших по пятам за кавалькадой, могли отогнать только гончие, которых держали для охоты на куропаток и зайцев на ужин. Если изгнанник, вынужденный работать упаковщиком на транспорте, отставал, то это был его последний шаг. Русские торговцы мехом в Америке никогда не останавливались в своих планах на более или менее продолжительную жизнь. Обычно товарам, отправляемым из Санкт-Петербурга, требовалось три года, чтобы достичь Тихого океана; и это было только начало трудностей. Нужно было пересечь Тихий океан и пройти две тысячи миль по побережью, усеянному рифами, как вспаханное поле, среди индейцев, печально известных своим предательством.

Суда обычно были до отказа набиты ловушками, огнестрельным оружием и безделушками. Экипажи из сорока, или семидесяти, или ста человек были отправлены в кишачные паразитами гамаки над палубой, с небольшим рационом ржаного хлеба и соленой рыбы и такими скудными запасами пресной воды, что цинга неизменно поражала корабль всякий раз, когда плохая погода удлиняла переход. Снарядив судно, сибирские купцы передали управление казакам, чьи притязания на завоевание новых земель и сбор дани для царя были лишь еще одним предлогом для такого же грабежа при добыче каланов, каким их предшественники занимались при охоте на соболя. Сначала сухопутные люди из числа сибирских изгнанников набирались в команду по собственной воле, но позже, когда стали известны ужасы кораблекрушений, цинги и массовых убийств, как изгнанники, так и индейцы были впечатлены силой казаков, охотящихся за пушниной. Если плавание проходило успешно, половина выручки шла поставщику снаряжения, оставшаяся половина - казакам и команде.

Лодки обычно выходили в море осенью и зимовали на острове Беринга. Здесь были сделаны запасы соленого мяса морского льва и морской коровы, и следующей весной корабль направился к Алеутским островам, или главному побережью Аляски, или к архипелагу вокруг современной Ситки. Шлюпы стояли на якоре у берега в полном вооружении для укрытия в случае нападения. Затем из плавника на суше были построены хижины. На востоке и юге, где индейцы были вероломны и становились вдвойне вероломнее из-за рома и огнестрельного оружия конкурирующих торговцев, вокруг форта были возведены частоколы, что-то вроде балкона, внутри которого были установлены медные пушки, на которых днем и ночью расхаживал часовой, каждый час звонивший в колокол в доказательство того, что он не спит. На западе, по направлению к Алеутским островам, где плавника было мало, русские строили свои форты в одном из двух мест: либо на песчаной косе, где море защищало их с трех сторон, как в Капитан-Харборе, Ооналаска, и Сент-Поле, Кадьяк, либо на высоком скалистом возвышении, куда можно было добраться только по зигзагообразной тропинке, на вершине которой стояли пушки и часовые, как в бухте Кука. Часовня и казармы для охотников могли находиться за частоколом, но главный дом находился внутри, одноэтажный, с соломенной крышей, дверью в одном конце и грубым столом в другом. По боковым стенам располагались спальные места с меховыми подстилками, а все остальное доступное пространство стен оштетинилось кинжалами и огнестрельным оружием, готовым к использованию. Если дом был двухэтажным, как замок Баранова в Ситке, порох хранился в подвале. Первый этаж занимали подсобные помещения, столовая и меховые лавки. Спальные помещения находились наверху, и, кроме всего прочего, в куполе висел мощный фонарь, чтобы направлять корабли в порт ночью.

Но эти договоренности касались только казачьих офицеров ранней эпохи или губернаторов, подобных Баранову, более поздних времен. Рядовой состав команды был на охоте с индейцами, а охотничьими угодьями морской выдры были заросшие бурыми водорослями заросли самого скалистого побережья в мире. Выходя группами по пять-шесть человек, *промышленники*, как называли охотников, обещали беспрекословное повиновение своему старшине. Запас оленины будет взят на предварительной охоте. Индейские женщины и дети будут оставлены в русском форте в качестве заложников за хорошее поведение, и во главе четырех, пятисот, тысячи охотников-индейцев-алеутов, которых забили дубинками, впечатлили, подкупили обещанием огнестрельного оружия для охоты на казаков, шестеро русских отправятся вдоль берега бурного моря на тысячу миль в хрупких лодках, сделанных из пергамента, натянутого на китовый ус. Иногда встречный прилив уносил в море целую флотилию, и больше никто никогда не слышал ни о ком из охотничьей команды. Иногда, когда охотники бросали вызов шторму, выезжая на задворки шторма, чтобы поймать калана, выброшенного на берег к зарослям водорослей для отдыха, на бригаду обрушивался ответный вал или внезапный ураганный ветер, поднимавший горные моря. Когда брызги рассеялись, немногих охваченных паникой выживших выбросило на берег, слишком измученных, чтобы осознавать, что половина их товарищей ушла под воду. Каким бы абсурдным ни казалось, что эти расхитители глубин всегда совершали молитвы перед выходом на охоту — стоит ли удивляться, что они молились? Именно в таких отрядах русские охотники бороздили западное побережье Америки от Берингова моря до Калифорнийского залива, и все северо-западное побережье Америки увековечено именами святых из русского календаря; ибо, подобно флибустьерам Дрейка, им нужно было молиться.

Меховые компании по всему миру придерживаются того же курса. Как только в охотничьих угодьях становится мало дичи, соперники начинают веселую игру, перерезая друг другу глотки или подстрекая дикарей разделять мясо за них. Это был рекорд компаний Гудзонова залива и Nor'westers в Канаде, а также Rocky Mountain men и American Company на Миссури. Через четыре года после того, как в 1742 году команда Беринга сообщила о морской выдре, существовало семьдесят семь различных частных российских концернов, охотившихся на морскую выдру у берегов Аляски. Пятьдесят лет спустя, после того как английский мореплаватель Кук распространил достоверную новость о богатстве мехов на западном побережье Америки, на тихоокеанском побережье насчитывалось шестьдесят различных меховых компаний, несущих почти столько же различных флагов. Корабли Джона Джейкоба Астора обогнули Горн из Нью-Йорка и, направляясь прямо в русские охотничьи угодья, пытались договориться о поставках припасов русским в обмен на грузы морских котиков, лежбища которых были обнаружены примерно в то время, когда каланов стало не хватать. Кендрик, Грей, Ингрэм, Кулидж и еще дюжина бостонцев плыли по тенистым, поросшим лесом водным путям между Новой Испанией и Аляской. [2] Корабли из Испании, из Франции, из Лондона, из Кантона, из Бенгалии, из Австрии находились у западного побережья Америки. Эффект был двояким: морских выдр становилось все меньше из-за того, что их убивали без разбора, самцов и самок, молодых и старых; торговля мехом становилась все более затруднительной из-за того, что конкурирующие торговцы использовали ром среди дикарей. Жизнь торговца пушниной на тихоокеанском побережье не стоила и ломаного гроша в пятидесяти ярдах от жерл пушек, направленных сквозь сетку, натянутую вокруг палубных ограждений, чтобы не подпускать дикарей к кораблям. Точно так же, как лорд Селкирк косвенно добился объединения торговцев мехом из Гудзонова залива с северо-западными компаниями, а Джон Джейкоб Астор пытался достичь тех же целей в отношениях между компаниями Сент-Луиса и Нью-Йорка, так и среди русских проявился выдающийся ум, осознавший ситуацию и готовый справиться с ее трудностями.

John Jacob Astor.

[Иллюстрация: Джон Джейкоб Астор.]

Это был Григорий Иванович Шеликов, сибирский торговец пушниной, которого сопровождала в Америку и поддерживала его жена Натали, которой удалось осуществить многие из его планов после его смерти. Шеликофф владел акциями двух основных российских компаний. Когда он прибыл в Америку в сопровождении своей жены Барановой, еще одного торговца и двухсот человек в 1784 году, русская штаб-квартира все еще находилась в Ооналаске на Алеутских островах. На восток отправлялись лишь отдельные экспедиции. Иностранные корабли уже

заходили в русские охотничьи угодья на севере. Этим Шеликов сразу же поставил точку, переместив русскую штаб-квартиру на восток, в Три Святителя, Кадьяк. Дикари предупредили его с острова, угрожая смертью охотникам-индейцам-алеутам, которых он привел. Ответом Шеликоффа был груз подарков враждебному посланнику. Потерпев неудачу, он воспользовался солнечным затмением как знаком для суеверных индейцев, что приход русских отмечен и благословлен Небесами. Неубежденные дикари кадьяка ответили тем, что устроили засаду на первых русских, покинувших лагерь, и осыпали стрелами русские лодки. Шеликов собрал своих людей, совершил вылазку, сбил индейцев с ног, взял четыреста пленных, хорошо обращался с ними и таким образом завоевал дружбу островитян. Из новых районов охотники отправлялись на восток под командованием Баранова и других вплоть до нынешней Ситки. Ежегодно они возвращались с грузами морской выдры на двести тысяч долларов. Шеликов сразу понял, что, если русские торговцы хотят выстоять против иностранных авантюристов всех наций, стекающихся к Тихому океану, штаб-квартиру следует перенести еще дальше на восток, а престиж российского правительства призвать не допускать иностранцев. На самом деле дальновидным амбициям этого человека не было предела. В Калифорнию должны были быть отправлены корабли, устанавливающие знаки владения Россией. Форты на Гавайях могли быть использованы в качестве средне-тихоокеанского арсенала и промежуточного пункта для российского флота, который должен был доминировать в Северной части Тихого океана. Вторая Сибирь на западном побережье Америки, с границами на востоке столь же неопределенными, как претензии Компании Гудзонова залива на западе, должна была быть присоединена к царским владениям. Возникла ли идея объявить Северную часть Тихого океана *закрытым морем*, как Испания объявила Южную часть Тихого океана *закрытым морем* до открытия его Фрэнсисом Дрейком, в мозгу Шеликоффа или его преемников, не имеет значения. Именно расширение Российско-Американской меховой компании, запланированное Шеликовым с 1784 по 1796 год, привело к тому, что российское правительство попыталось исключить иностранных торговцев из Северной части Тихого океана двадцать пять лет спустя, и это, в свою очередь, привело к провозглашению Соединенными Штатами в 1823 году знаменитой Доктрины Монро — что Новый Свет больше не должен быть счастливым охотничьим угодьем стран Старого Света, стремящихся к завоеваниям и колонизации.

Как и многие люди, которые много мечтают, Шеликов не дожил до того, чтобы увидеть осуществление своих планов. Он умер в Иркутске в 1795 году; но в Санкт-Петербурге, настаивая на необходимости объединения всех независимых торговцев в одну всемогущую компанию для получения исключительной монополии на западном побережье Америки, он встретился и вступил в союз с молодым придворным Николаем Резановым. [3] Когда Шеликов умер, именно Резанов получил от царя в 1799 году хартию для Российско-Американской пушной компании, предоставляющую ей исключительную монополию на охоту, торговлю и исследования к северу от 55 градусов Тихого океана. Другие компании были вынуждены либо выйти, либо присоединиться. Роялти приобрела доли в предприятии. Акционеры Санкт-Петербурга должны были руководить делами, а Баранов, губернатор, проживающий в Америке, иметь власть над жизнью и смертью, деспотичную, как царь. К 1800 году столица Русской Америки была перенесена в современную Ситку, названную Архангелом Михаилом в знак доверия к помазаннику Господню, защищающему этих морских разбойников. Мечты Шеликоффа сбывались. Россия ставила мат достижениям Англии, Соединенных Штатов и Новой Испании. Вместе с Барановым в воздухе витали планы произвести впечатление на сибирских изгнанников как на крестьян-земледельцев среди айсбергов пролива Принца Уильяма,

отменить десятую часть дани в виде мехов с алеутов при условии бесплатной службы в качестве охотников в компании и использовать корабли Astor в качестве поставщиков провизии в Ситку, когда грянул гром среди ясного неба, который почти стер русские владения с лица Америки.

Был сонный летний день в конце июня 1802 года. Баранов оставил охрану из двадцати или тридцати русских в Ситке и, уверенный, что все в порядке, отправился на север, в Кадыак. Индейцы-алеуты, впечатленные как охотники, толпились вокруг форта, ибо вспыльчивые колоши или ситканцы этого региона не склонили бы шею перед русской тиранией. Находясь в безопасности в горных твердых скалах за фортом, они отказались действовать как рабы. Можно догадаться, как они относились к вторжению на их охотничьи угодья чужеземных индейцев — индейцев, действующих как рабы. [4] Неизвестно, спровоцировали ли заговор конкурирующие торговцы, дезертиры с американского корабля, жившие с индейцами ситкана. Передо мной письма, написанные торговцем мехами конкурирующей компании того времени, в которых говорилось, что, если некий торговец не прекратит свои методы, "в Монреале можно будет купить пилюли с таким же хорошим ядом, как и пилюли из Лондона"; и чувства автора дают верное представление о кодексе поведения, царившем среди американских торговцев мехами.

Форт в то время занимал узкую полосу между густым лесом и скалистым берегом в нескольких милях к северу от нынешнего места. То ли американские моряки-ренегаты, жившие в лесах вместе с колошами, выдали все внутренние планы форта, то ли скво, ежедневно приходившие и уходившие с ягодами, информировали своих соотечественников о передвижениях русских, удар был нанесен, когда белые были застигнуты врасплох. Это был праздник. Половина русских была безоружна за частоколом и ловила рыбу. Остальные пятнадцать человек, кажется, около полудня были наверху, в комнатах командира Медведникова. Внезапно сонный часовой, вышагивавший по балкону, заметил Майкла, вождя колошей, стоявшего на берегу и кричавшего шестидесяти каноэ, чтобы они быстро причаливали. Одновременно из густого леса сзади донесся топот ног в мокапинах — тысяча воинов-колошей, каждый индеец был вооружен и носил посмертную боевую маску. Прежде чем изумленный часовой успел поднять тревогу, поднялся такой отвратительный шум криков, какой мог бы исходить из разгулявшегося бедлама. Индеец всегда подражает крикам дикого зверя, когда дерется — имитирует или выпускает на свободу дикого зверя по своей природе. На мгновение русские были слишком ошеломлены, чтобы прийти в себя. Затем женщины и дети бросились в поисках убежища наверх, в главное здание, в неистовом страхе прижимаясь к люку. Русские за частоколом бросились в лес, некоторые упали, пронзенные копьями в спину на бегу, другие добрались до укрытия в густом лесу, где они пролежали восемь дней под прикрытием коры и мха, прежде чем пришла помощь. Медведников, командир и дюжина других, похоже, бросились вниз по лестнице при первом же звуке тревоги, но наружные двери уже были забиты. Панели внутренней двери были выломаны. Мушкетная очередь ударила русским прямо в лицо. Защитники пали перед человеком, бесстрашным в смерти, как и при жизни, хотя один раненый, кажется, добрался до балкона, где ему удалось выстрелить из пушки, прежде чем его перебросили через частокол, чтобы принять на себя поднятые копы противника. Тем временем в форт на пороховые склады были брошены комья горячей бересты и мха. Сильный ветер раздул пламя. Оглушительный взрыв потряс форт.

Люк, за которым женщины ютились наверху, подался. Половина беженцев провалилась внутрь, где их либо зарезали, либо они погибли в огне. Остальные выбежали из горящего здания через окна. Несколько человек убежали в леса. Остальные — алеутские женщины, жены русских — были взяты в плен колошами. Корабли, дома, крепости — все было охвачено пламенем. К ночи от Ситки не осталось ничего, кроме меди и железа расплавленной пушки. Противники спасли добычу в виде примерно двух тысяч шкур морских выдр.

Всю ту ночь и в течение восьми дней и ночей лесные беженцы лежали, укрытые корой и мхом. Под покровом темноты один из них, пастух, отважился спуститься к обугленным руинам Ситки. Искалеченные, обезглавленные тела русских лежали в пепле. В полдень восьмого дня горы внезапно содрогнулись от эха двух пушечных выстрелов со стороны залива. Прибыл корабль. Трижды один русский отваживался выйти на берег, и трижды его загоняли обратно в лес; но он увидел достаточно. На корабле находился английский торговец под командованием капитана Барбера, который, наконец, услышал крики преследуемого человека, спустил на воду небольшую лодку и спас его. Трое других были спасены из леса таким же образом, но пробыли на корабле всего несколько дней, когда Майкл, вождь колошей, ободренный успехом, поплыл на лодке с молодым воином и попросил английского капитана выдать русских. Барбер притворился, что ничего не понимает, заманил обоих индейцев на борт, схватил их, заковал в кандалы и привязал поперек жерла пушки, когда потребовал вернуть всех пленников и награбленное; но у ситканского вождя, вероятно, был свой отчет о том, кто предложил эту резню. Кроме того, в интересах английского капитана было оставаться в хороших отношениях с индейцами. Как бы то ни было, двадцать пленников не были возвращены до тех пор, пока в порт не вошли два других корабля, которые картечью отправили на дно несколько каноэ колошей. Затем дикари были освобождены, и, поспешив в Кадьяк, Барбер навел свою пушку на русский форт и потребовал тридцать семь тысяч пятьсот долларов выручки за спасение пленников и награбленного. Баранов устало поторговался с англичанином и согласился на пятую часть от требуемого.

Прошло два года, и меховая компания была бессильна нанести ответный удар. Везде, где русские приводили алеутов в охотничьи уголья колошей, случались засады и массовые убийства; но Баранов выжидал удобного момента. Индейские охотники-алеуты, охваченные паникой, постепенно набрались достаточно храбрости, чтобы последовать за русскими на восток. К весне 1804 года люди Баранова собрали восемьсот индейцев-алеутов, сто двадцать русских охотников, четыре небольшие шхуны и два шлюпа. Индейцы в своих легких лодках из шкуры морского льва на китовом усе, русские в своих парусных лодках — Баранов отправился в апреле из Сент-Пола, Кадьяк, со своими тысячами последователей, чтобы отомстить племенам Ситки. По пути охотились на каланов, так что сентябрь был в разгаре, прежде чем бригады вошли в воды Ситки. Тем временем в меховую компанию неожиданно пришла помощь. Лейтенант Крузенштерн убедил российское правительство отправлять грузы Российско-Американской компании двумя судами по всему миру, а не караванами через Сибирь. С Крузенштерном поехал Резанов, который помог торговцам мехами получить их чартер, и теперь ему было поручено открыть посольство в Японии. Второе судно под командованием капитана Лисянского немедленно отправилось на помощь Баранову в Ситку.

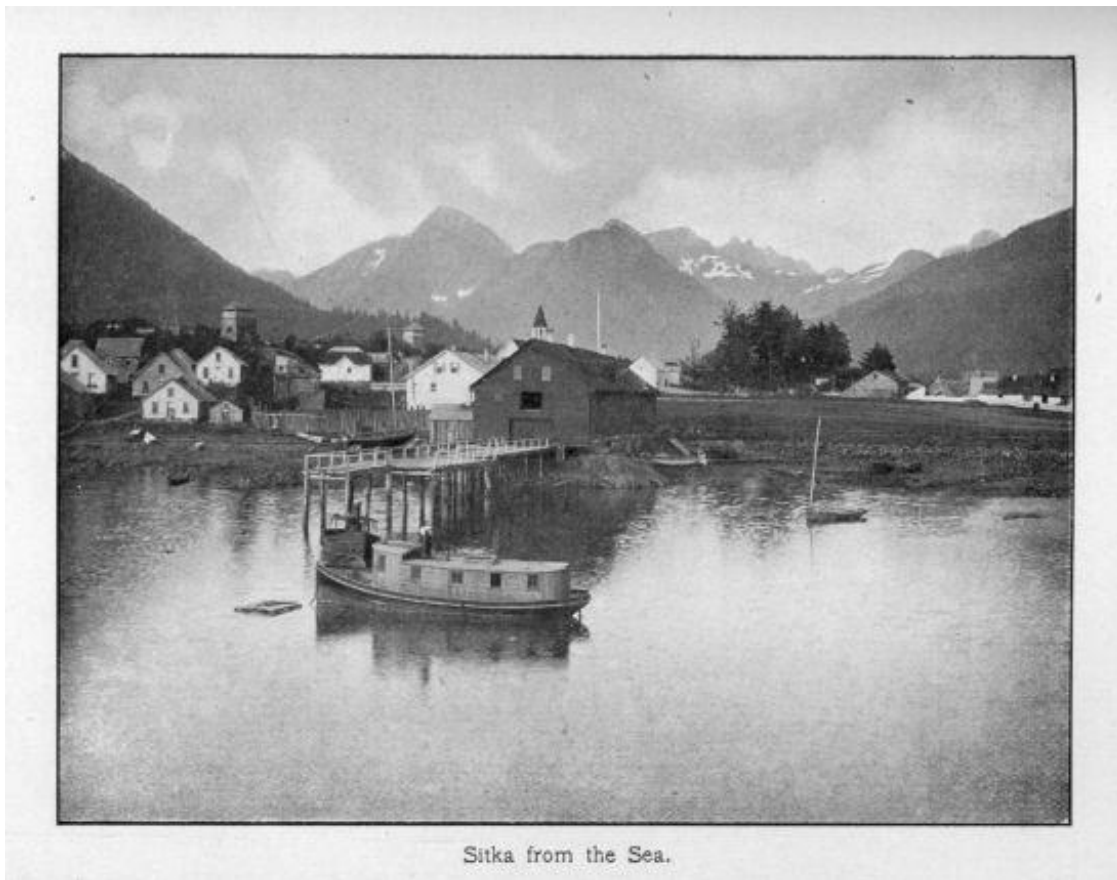
Баранов охотился, когда военный корабль Лисянского вошел в мрачные дебри пролива Ситка. Два шлюпа пушной компании стояли на якоре, на носу и корме горели фонари, указывающие охотникам путь домой. Восемьсот противников укрепились на месте современной Ситки. По

фасаду грубой баррикады тянулся частокол толщиной в два еловых бревна, с бойницами для стрельбы и защищенный чем-то вроде шевалье-де-фризе из хвороста и колючек. В тылу вражеского форта тянулись вылазки, ведущие к лесной засаде, а внутри было столько хижин, что в них мог разместиться небольшой городок. К 28 сентября охотники-индейцы-алеуты Баранова прибыли и разбили лагерь на берегу под защитой пушек, отправленных вглубь острова на небольшой лодке. Это была странная сцена, свидетелями которой стали русские офицеры: неприятельский форт, неосвещенный и безмолвный, как смерть, охотники-алеуты на берегу, танцующие в неистовой бравате, еловые факелы на побережье на фоне непроходимого леса, похожие на светлячков в чаще; случайные каноэ-беглецы, пытающиеся ускользнуть от врага в темноте из гавани, только для того, чтобы быть разнесенными на куски пушечным выстрелом. Корабли начали выстраиваться в линию и высаживать полевые части для боевых действий, когда ситканец выступил с предложением мира. Баранов подарил ему пестрый плащ, сказал, что форт должен быть сдан, а вождей отправить к русским в качестве заложников за хорошее поведение. Тридцать воинов прибыли на следующий день, но белые настояли на том, чтобы взять вождей в заложники, и храбрецы отступили. Первого октября на военном корабле был поднят белый флаг. С баррикады не последовало ответа на сигнал. Русские корабли открыли огонь из всех орудий одновременно, только чтобы обнаружить, что двойные бревна баррикады пробить невозможно. Ситканцы не открыли ответного огня. Затем были высажены две небольшие лодки, чтобы уничтожить запасы противника. С баррикады по-прежнему не было никаких признаков. Вне себя от нетерпения, Баранов сошел на берег, поддерживаемый ста пятьюдесятью солдатами, и с дикими воплями бросился на штурм форта. Враждебные ситканцы сохраняли свою силу с хладнокровием, равным знаменитой тонкой красной черте британской славы. Ни сигнала, ни звука, ни малейшего признака их силы или слабости, пока в сумерках Баранов не оказался на расстоянии ружейного выстрела от бревен, когда его люди были встречены сплошной стеной огня. Алеуты остановились, развернулись и обратились в паническое бегство. Ситканцы, преследовавшие русских и алеутов, совершили вылазку к кромке воды, где тело одного мертвого русского было насажено на наконечники копий. В ходе вылазки четырнадцать человек из российских войск были убиты, двадцать шесть ранены, среди которых был Баранов, раненный в плечо. Орудия военного корабля были единственным, что спасло отступающих от паники.

Затем Лисянский предпринял кампанию, позволив на следующий день вести такой ожесточенный огонь, что к полудню ситканцы пришли просить мира. Три дня хитрые дикари сдерживали русскую атаку под предлогом организации заложников. Вызвав утром 6-го форт и не получив ответа, Лисянский снова направил свою пушку на баррикаду. Той ночью из густого леса донесся странный звук, который не был ни песнопением, ни боевым кличем. При свете дня было видно, как над баррикадой кружат вороны-падальщики. Высадились триста русских. Осторожно приблизившись, опасаясь засады, они перелезли через частокол и осмотрелись. Форт был пуст. От ситканцев не осталось ничего, кроме тридцати мертвых воинов и всех их детей, убитых ночью, чтобы их крики не выдали отступление.

Новый Архангельск, как его называли, был построен на месте нынешней Ситки. На стенах были установлены шестнадцать коротких и сорок две длинные пушки. Иногда до семисот офицеров и рядовых несли гарнизонную службу. Двенадцать офицеров часто обедали за губернаторским

столом; и здесь, несмотря на епископов, священников и дьяконов, которые позже прибыли на землю, любители русских охотников за пушниной устраивали пышный карнавал. Тридцать шесть фортов и двенадцать судов принадлежали русско-американским охотникам за пушниной через двадцать лет после потери Ситки. Новый Архангельск стал более важным для Тихого океана, чем Сан-Франциско. Не было ошибкой перенести столицу так далеко на юг. В течение нескольких лет русские торговцы и их индейцы добрались на север до Юкона, на юг, охотясь на морских выдр, до Санта-Барбары. Перечислить лишь несколько американских судов, которые ежегодно охотились на каланов для русских к югу от Орегона и Калифорнии, получая за плату шкуры с тюленьих островов, значило бы заполнить список каботажных рейсов. Резанов, которому не удалось открыть посольство в Японии и поэтому он перебрался в Америку, провел два месяца в Монтерее и Сан-Франциско, пытаясь договориться с испанцами о поставках провизии русским. Испанский губернатор холодно принимал его, пока не завязалась любовная связь с дочерью дона, настолько пылкая, что русскому пришлось в спешном порядке отправиться через Сибирь за разрешением царя на брак. Измученный зимним путешествием, он умер по пути через Сибирь.

[Иллюстрация: Ситка с моря.]

Позже, в 1812 году, когда русским каботажникам было отказано в привилегиях полива в Сан-Франциско, Российско-Американская компания купила землю недалеко от Бодеги и основала свою знаменитую колонию Росс, или Калифорнию, с пушками, казармами, арсеналом, церковью, мастерскими, а иногда и с населением в восемьсот индейцев кадьяк. Здесь

собирали провизию для Ситки и отправляли охотников за южными морскими выдрами. Массовые убийства на Юконе и столкновения с торговцами из Гудзонова залива - это отдельная история. Другие деяния этих "морских путешественников" вошли в международную историю, когда они попытались вытеснить американских и британских торговцев из Тихого океана. Охотники за пушниной в основном лишь осуществляли далеко идущие планы Шеликоффа, который разработал устав компании; но даже Шеликофф вряд ли мог предвидеть, что страна, которую российское правительство было готово продать Соединенным Штатам в 1867 году за семь миллионов долларов, за один год добудет золота более чем в два раза больше, чем за год. Сегодня все, что осталось России от разграбления этих морских путешественников, - это два небольших острова, Медный и Берингов в Беринговом море.

[1] Кокс и Мюллер - два великих специалиста по ранней русской торговле мехом. Сведения о более поздних днях можно найти в изобилии в "Путешествии" Крузенштерна, Лондон, 1813 г.; "Истории" Коля, Лондон, 1862 г.; "Путешествиях" Лангсдорфа, Лондон, 1813 г.; "Вкладах Стейнегера в Смитсоновский институт", 1884 г., и "Отчете о Командорских островах"; "Нашей арктической провинции"; Dall's Alaska "Letters on Aleutians"; Cleveland's Путешествия, 1842; Путешествие Норденшельда на "Вега"; Остров Ванкувер Макфи; Отчет Ивана Петроффа об Аляске, 1880; Кругосветное путешествие Лисянского; Географический отчет Зауэра об экспедиции в Северные районы; Путешествия Коцебу с целью открытий, 1819, и Новое путешествие, 1831; Сибирь Шапп д'Отероша и Камчатка Краченинникова, 1764; Кругосветное путешествие Симпсона, 1847; Путешествия Берни; Сибирь Гмелина, Париж, 1767; Орегон Гринхоу; Северные поселения Палласа; Путешествие Бротона Alaska; ; Алеутские острова Бэнкрофта, Аляска, - Бэнкрофта. *Хист. Coll.*, 1793-1795; Отчеты Конгресса США за 1867 год; Martin's Территории Гудзонова залива, Лондон, 1849.

[2] До 1812 года у тихоокеанского побережья Америки находилось более ста американских кораблей.

[3] Резанов женился на дочери торговца мехами. Невеста прожила недолго, и их союз, похоже, не был любовным; поскольку позже увлечение Резанова дочерью испанского дона, казалось, указывало на бессердечного любовника.

[4] См. Главу XII.

ГЛАВА XII

1747-1818

БАРАНОФ, МАЛЕНЬКИЙ ЦАРЬ ТИХОГО ОКЕАНА

Баранов закладывает основы Российской империи на Тихоокеанском побережье Америки— Потерпевший кораблекрушение на пути к Аляске, он все же держит своих людей в руках и обращает несчастье в свою пользу—Как он обманывает конкурирующие меховые компании в очереди—Первый русский корабль, построенный в Америке—Приключения охотников на каланов—Засада индейцев—Основание Ситки—Баранов, брошенный в старости, умирает от разбитого сердца

Более дикого владыки диких северных земель никогда не существовало, чем этот старый сумасбродный викинг с Тихого океана Александр Баранов, глава русских торговцев пушниной. В течение тридцати лет он правил западным побережьем Америки от Аляски до южной Калифорнии, деспотичный, как царь. И он играл в эту игру в одиночку, без свиты, кроме каторжников из Сибири, без подданных, кроме враждебных индейцев.

Независимо от того, водил ли Баранов охотничьи бригады из тысячи человек по морю на легких, как пробка, каноэ, или сплавивал своих последователей, попавших в засаду врагов, отражающих вторжение на их охотничьи угодья, или заглушал трудности морями огненного русского бренди во время полуночных кутежей, Баранов был верховным автократом. Пьяный или трезвый, он был хозяином всего, что приходило, будь то мятежники или иностранные торговцы, планирующие вытеснить русских с берегов Америки. Баранов олицетворял все лучшее и все худшее в тот героический период истории Тихоокеанского побережья, когда искатели приключений со всех уголков земли бродили по охотничьим угодьям выдр в поисках удачи. Каждый человек был законом для самого себя. Не было страха ни перед человеком, ни перед дьяволом. Вся эпоха могла бы быть страницей из героического эпоса о доисторических днях, когда земля была молода, и люди бороздили моря, не стесненные ни совестью, ни обычаями, великолепные хищные звери, прославляющиеся свободой, кровопролитием и враждующими стихиями.

Alexander Baranof.

[Иллюстрация: Александр Баранов.]

Однако лично Баранов был далек от героя. Он был сморщенный, желтоватый, маленького роста, с полоской рыжих волос вокруг головы, лысой, как чаша, гротескной под черным париком, повязанным носовым платком. И он продвигался по жизни во многом так, как карабкается обезьяна, перемещаясь, карабкаясь и цепляясь за подъемы с частыми падениями. Неудачный поворот судьбы в первую очередь отправил его в Америку. Он управлял стекольным заводом в Иркутске, Сибирь, где проходили бесконечные караваны торговцев мехом. Родившийся в Каргополе, Восточная Россия, в 1747 году, он перебрался в Москву, в двадцать четыре года открыл собственную лавку, потерпел неудачу в бизнесе и эмигрировал в Сибирь в тридцать пять. Рассказы о прибылях от торговли мехами были в ходу в Иркутске. Устав от застоя

в абсолютно безопасной, но невыразимо монотонной жизни, Баранов ушел с фабрики и вложил все свои сбережения в торговлю мехом с индейцами северной Сибири и Камчатки. Несколько лет все шло хорошо. Баранов инвестировал глубже, занимая средства для своих предприятий. Затем индейцы-чукчи напали на его караваны, обратили в паническое бегство вьючных лошадей, затоптали товары, и Баранов стал банкротом. Конкурирующие меховые компании на западном побережье Америки теперь были вовлечены в веселую игру по перерезанию друг другу глотки — буквально и без всяких ограничений. Нужна была сильная рука — рука, которая могла бы объединить враждующие элементы в одно целое и продвинуть русскую торговлю далеко от Аляски до Новой Испании, вытеснив с поля боя тех иностранцев, чьи безжалостные методы — спиртное, дубинки, мушкеты — деморализовали индийских охотников на каланов.

Разоренному Баранову предложили одну шестую часть прибыли за то, чтобы он стал управляющим главной российской компанией. 10 августа 1790 года, примерно в то же время, когда Джон Джейкоб Астор также занялся торговлей мехами, которая должна была привести его в контакт с русскими, Баранов отплыл в Америку.

Команда оборванцев насчитывала пятьдесят два человека: изгнанники, каторжники, заклеенные преступники, одетые в лохмотья и плохо питающиеся, спящие где только можно на замусоренных и кишящих паразитами палубах; ибо что значили жизни каторжной команды? Нижние палубы были до ватерлинии забиты товарами для торговли. Все думали о мехах, мало заботились о людях; и через несколько дней после выхода из порта было обнаружено, что бочки с водой протекают так сильно, что запасы питьевой воды сократились; а перед равноденственными штормами цинга уже вывела команду из строя. Баранов не повернул назад и не позволил сильной руке власти ослабить хватку над своими людьми, как это сделал бедняга Беринг. Он приказал поднять все паруса и, когда ветер свистел в снастях, а маленькое суденышко несло по бушующему морю, сделал все возможное, чтобы побороть болезнь, заметив в сентябре длинную череду омываемых прибоем Алеутских островов, плыл от мыса к мысу, держась подальше от берега, опасаясь рифов, до конца месяца, когда был вынужден зайти в среднюю часть залива Оноласка за водой. Нельзя было игнорировать опасность приземления. Берег, похожий на стены гигантского вала с рифами в зубьях пилы, исхлестанный до неистовства гребцами, предлагал беднякам спасение от смерти от цинги. Тем не менее Баранов бросил якорь в бухте Кошигин, отправил маленькие лодки на берег за водой, дождался попутного ветра с моря и снова вышел в море в отчаянной попытке добраться до Кадьяка, штаб-квартиры торговцев мехом, до наступления зимы. За пределами гавани корабль встретил ветер и море. Ее, беспомощную, как щепку в водовороте, отнесло прямо к гранитным скалам берега, где она разлетелась на куски, как сломанные шесты высохшей бочки с водой. Ведомый неукротимым Барановым, который, казалось, справился с вызовом самой стихии, ползатонувший экипаж выполз на берег только для того, чтобы получить приказ спасти груз, который сейчас накатывал волной.

Когда в последнюю ночь сентября над морем опустилась тьма, Баранов оказался в том же затруднительном положении, что и Беринг, — вынужденный провести зиму на бесплодном острове. Вместо того чтобы пасть под удвоенными ударами неблагоприятной судьбы,

маленький россиянин отскочил, как резиновый мячик. Гонец и несколько индейцев были немедленно отправлены на лодке из шкур к побережью от острова к острову в попытке получить помощь от Кадьяка. Тем временем Баранов не сидел, скорбя, сложив руки; и хорошо, что он этого не сделал, потому что его посланцы так и не добрались до Кадьяка.

В песке были сразу же вырыты ямы, а пещеры завалены остатками затонувшего судна. Эти подземные хижины на острове, лишенном древесины, были теплее, чем хижины на поверхности, и лучше выдерживали ужасные северные ветры, которые дули из Арктики с такой силой, что в течение двух месяцев люди могли выходить наружу, только ползком прячась за валунами. Пятидесяти потерпевшим кораблекрушение раздали боеприпасы; лосося купили у индейцев, которых справедливое обращение Баранова завоевало с первого раза; раз в неделю выдавали ржаную муку для супа; в остальном людям приходилось питаться яйцами морских птиц, которые мириадами слетались к обрывистым берегам, или морскими львами, рычащими так, что прибой разбивался о скалистые островки вдоль берега.

Если есть какая-то черта, которая больше, чем другая, доказывает, что человек является хозяином судьбы, то это способность не только встречать несчастье лицом к лицу, но и обращать его в свою пользу, когда оно приходит. Ожидая спасения, которое так и не пришло, Баранов изучал язык алеутов, посылал к ним своих людей учиться охоте, выходил в море на их утлых кожаных лодках, привязанных друг к другу, чтобы не затонуть во время шторма, спал ночью на берегу, не прикрываясь ничем, кроме перевернутых каноэ, и, разделяя все трудности, собственноручно расставлял ловушки. Когда погода становилась слишком ненастной для охоты, он приказывал своим людям варить соль из морской воды, чтобы высушить запасы рыбы на лето, или пополнять свою потрепанную одежду, делая шубы из птичьих шкурок. В последнюю неделю перед Пасхой провизии было так мало, что вся команда была вынуждена соблюдать пост; но в пасхальный понедельник штормом было выброшено на берег гнилого кита! За постом последовал пир. Ветры утихли, и охотники принесли морских львов.

Теперь было совершенно очевидно, что помощь из Кадьяка не придет. У Баранова были три большие лодки, сделанные из обшивки и обломков. Один он оставил с людьми, которые должны были охранять остатки груза. Второй он отправил с двадцатью шестью людьми. В третий он сел сам, теперь уже в сильной лихорадке из-за зимнего холода. Прошел всего год, но не месяц с того момента, как Баранов покинул Азию, и 27 июня 1791 года он достиг Трех Святых в Кадьяке.

Все было достаточно мрачно, когда Баранов приземлился в Кадьяке. Поселение Трех Святых зависело от припасов с его потерпевшего крушение корабля; и когда он прибыл, сам в нужде, недовольство переросло в открытый мятеж. Пять различных конкурирующих компаний деморализовали индейцев, снабжая их спиртным и подстрекая к набегам на других торговцев. На юг, в сторону Нутки, двигались иностранные корабли — "Грей, Кендрик и Ингрэм" из Бостона, "Ванкувер" из Англии, "Мирс" из Ост-Индии, "Квадра" из Новой Испании, частные предприятия, оснащенные "Астор" из Нью-Йорка. Если Россия хочет сохранить свои охотничьи угодья, нельзя терять времени.

Баранов справлялся с трудностями, как командир партизанской войны. Бригады были отправлены на восток, к рыбацким угодьям залива Кука, за припасами. Зарождающийся мятеж был подавлен отправкой большого количества охотников вместе с Исмилофом исследовать новые месторождения каланов в проливе Принца Уильяма. Что касается иностранных торговцев мехом, он разработал блестящий план покупки у них продовольствия в обмен на русские меха и снабжения их бригадами охотников с алеутских островов, которые прочесывали Тихий океан в поисках морской выдры от Нутки и Колумбии до южной Калифорнии. Это не только увеличило бы запасы русских мехов, но и продвинуло бы российское господство на юг и удержало бы другие страны подальше от поля боя.

О том, что в летний день не все было так просто, можно судить по одному инциденту. Он повел бригаду из нескольких сотен каноэ, индейцев и русских, на остров Нучек, недалеко от пролива Принца Уильяма. Хотя он пытался завоевать дружбу прибрежных индейцев подарками, ему приходилось красться от пункта к пункту по ночам и прятаться во многих местах, пока он плыл вдоль материка. Соорудив что-то вроде грубой баррикады на острове Нучек, он отправил большую часть своих людей ловить рыбу и остался только с шестнадцатью алеутами и русскими. Было совершенно естественно, что индейцы Аляски возмущались вторжением алеутов в охотничьи угодья главного побережья, в тысяче миль от Алеутских островов. Кроме того, индейцы с материка теперь научились беспринципной жестокости у иностранных торговцев. Баранов знал об опасности и никогда не ослаблял бдительности. Из шестнадцати человек пятеро всегда стояли на страже по ночам.

Ночь на 20 июня была непроглядно темной. Бушевало ужасное море, и в лесах материка бушевала буря. В целях безопасности корабль Исмилофа отошел в сторону. Баранов разделся, улегся в своей каюте и погрузился в глубокий сон от усталости на открытом воздухе, когда сквозь вой бури, менее чем в пяти шагах от него, так близко, что в темноте невозможно было отличить друга от врага, раздался пронзительный боевой клич противников. Вскочив на ноги, Баранов выбежал раздевшись. Его рубашка была разорвана в клочья градом кремневых стрел с медными наконечниками. В темноте русские могли стрелять только вслепую. Охваченные паникой алеуты бросились к своим каноэ, чтобы спастись на корабле Исмилофа. Исмилоф послал вооруженных русских через прибой и шторм на помощь Баранову. Баранов продолжал стрелять из своей маленькой пушки туда, откуда доносились крики, до рассвета. Из шестнадцати человек двое русских и девять алеутов были мертвы. Из мужчин, пришедших ему на помощь, пятнадцать были ранены. Трупы двенадцати противников лежали на пляже; и когда серый рассвет поднялся над бушующим морем, шесть больших боевых каноэ исчезли в утреннем тумане, а длинный кровавый след на волнах свидетельствовал о том, что противники уносили своих раненых. Баранов вполне мог бы написать: "Я побежду жестокую судьбу; или паду под ее повторяющимися ударами". Большинство людей подумали бы, что у них есть достаточный предлог, чтобы выйти из своих трудностей. Баранов сцепился с худшим, что могла сделать судьба, и ни разу не отпустил. Иногда абсолютная тщетность стольких усилий, стольких лишений, стольких опасностей - и все это ради корки хлеба, которая олицетворяет простое существование, - низвергала его в черные глубины безрадостного уныния, когда он спрашивал себя, стоило ли жить? Но он никогда не ослаблял хватку, свое чувство сопротивления, свой порыв бороться с худшим, непоколебимую обязанность оставаться в живых и продолжать игру, преуспевать или терпеть неудачу. Такие приступы отчаяния могли закончиться дикими кутежами, когда он перепил бы всех русских под столом, перекричал самого громкого певца и,

возможно, в конце концов вышвырнул бы за дверь всю компанию гуляк. Но он поднялся из глубин разврата и отчаяния и продолжил игру. В этом был главный смысл.

Ужасное положение, в которое потеря припасов поставила торговцев Кадьяка, когда его собственное судно потерпело крушение в Ооналаске на обратном пути, продемонстрировало Баранову необходимость в большем количестве кораблей; поэтому, когда в 1793 году от его компании пришел приказ построить парусную лодку на лишенном леса острове Кадьяк без железа, без топоров, без пилы, без смолы, без холста, он сгорал от желания совершить невозможное. Англичанин Шилдс, работавший в России, должен был выполнять функции кораблестроителя; и Баранов отправил людей, назначенных для этой работы, в Санди-Харбор на западной стороне пролива Принца Уильяма, где густые леса будут поставлять древесину, а прилив поможет снять судно с полозьев. В поселении не было пил. Доски приходилось вытесывать из бревен. Железа не было. Ржавые остатки старых обломков были собраны вместе для изготовления болтов, соединений и топоров. Еловая смола, смешанная с жировым маслом, заменила паклю и деготь ниже ватерлинии. Мох и глина использовались в качестве утеплителя над водой. Что касается парусины, то там не было ничего, кроме лоскутков и обрывков парусины, залатанных вместе так, что каждый рычаг мачты выглядел как разноцветный плащ Джозефа. Это безумное судно имело семьдесят девять футов от носа до кормы, ширину двадцать три фута, осадку тринадцать, водоизмещение сто тонн, две палубы и три мачты. Всю зиму 1792-1793 годов, всего через год после того, как американец Роберт Грей построил свой шлюп в форте Дефенс у острова Ванкувер, русское судостроение продолжалось. Затем, в апреле, чтобы бедность русских не стала известна иностранным торговцам, Баранов отослал английского кораблестроителя Шилдса подальше от дороги на охоту на выдр. Был август следующего лета, когда неуклюжее суденышко соскользнуло с полозьев в прилив. У него была такая плохая балластировка, что он качался, как пробка; а его паруса были такими хрупкими, что разлетались в клочья при самом слабом ветре; но Россия построила свой первый корабль в Америке. Зазвонили колокола, когда *Феникс* был отбуксирован в гавань Кадьяка; и когда в апреле 1794 года он достиг Охотска, нагруженный мехами до ватерлинии, энтузиазму не было предела. По ее парусам прогремели артиллерийские залпы, была отслужена месса, а пегие, покосившиеся борта были заново выкрашены, что превратило ее в то, что меховая компания с гордостью считала фрегатом. Прежде чем истек год, Баранов заставил своих людей работать еще на двух судах. Торговля больше не должна была наносить ущерб из-за нехватки кораблей.

Но более серьезный вопрос, чем судостроение, требовал внимания Баранова. Конкурирующие меховые компании были на месте. Одна партия торговцев основала форт в бухте Кука? Тотчас же другой прибыл к месту выше по заливу, где индейцев можно было перехватить. Последовали воинственные набеги, разграбление фортов друг друга, пленение охотников-индейцев друг друга, полная деморализация индейцев из-за того, что каждый форт запрещал дикарям торговать в другом, порка, избивание дубинками и мясорубка тех, кто не подчинился приказу — и, наконец, насильственное похищение целых деревень женщин и детей, чтобы принудить охотников к союзу. Вся работа Баранова по умиротворению противников на материке была сведена на нет; и что безнадежно усложняло для него дело, так это тот факт, что акционеры его собственной компании были также акционерами конкурирующих предприятий. Баранов написал в Сибирь за инструкциями, настаивая на объединении всех компаний в одну; но

инструкции приходили так долго, что торговля мехами была совершенно расстроена, а страсти дикарей разгорелись до такой степени, что представляли опасность для каждого белого человека в Северной части Тихого океана. Дела обстояли именно так, когда Коновалов, лихой главарь грабителей, планировал захватить самого Баранова и верфь в Санди-Харбор, в проливе Принца Уильяма. В бригадах Баранова было сто пятьдесят сражающихся русских. Должен ли он ждать запоздалых инструкций из Сибири? Пока он колебался, несколько корабелов попали в засаду в лесу, были ограблены, избиты и брошены полумертвыми. Баранов не мог позволить себе ждать. У него было не больше законных оснований для своего поступка, чем у грабителей для своих; но это был тот случай, когда человек должен был выйти за рамки закона или быть уничтожен. Сплотив вокруг себя своих людей и никому не доверяя, отважный малоросс отправил официального гонца к Коновалову, бандиту, в его редут на заливе Кука, помпезно призывая его от имени губернатора Сибири явиться и ответить за свои злодеяния. Для разбойника вызов был как гром среди ясного неба. Откуда ему было знать, что от губернатора Сибири не поступило ни слова, а вызов был чистым блефом? Он был настолько напуган длинной рукой власти, протянувшейся через Тихий океан, чтобы вернуть его, возможно, к клеймению или каторжным работам в Сибири, что даже не попросил показать документы Баранова. Поспешно придя в себя, он предложил объяснения, оправдания, испуганные мольбы. Баранов ничего от него не хотел. Он заковал преступника и его сообщников в кандалы, посадил их на судно Исмилоффа и отправил для суда в Сибирь. То, что он также конфисковал меха своих соперников для сохранности, было простой деталью. Заключенных, конечно, отпустили, поскольку поведение Баранова выдерживало не больше критики, чем их собственное; но это был один из способов избавиться от конкурентов, и меховые компании, воевавшие на северо-западе Канады, применили тот же метод двадцать лет спустя.

Эффект бесчинств бандитов на враждебных индейцев материка быстро стал очевиден. Баранов понял, что если он хочет удержать тихоокеанское побережье для своей роты, он должен двинуть свои охотничьи бригады на восток и юг, к Новой Испании. Колонию для осужденных, которая должна была стать ядром второго Санкт-Петербурга, планировалось построить в самой тени горы Святого Ильи. Англичанин Шилдс, нанятый Россией, после того как в 1793 году вывез две тысячи морских выдр из Берингова залива, двинулся дальше на юго-восток к проливу Норфолк, или современной Ситке, где погрузил второй груз из двух тысяч морских выдр. Дюжина иностранных торговцев уже побывала на берегах Аляски, а к югу от пролива Норфолк находилась флотилия американских торговцев мехом, с каждым годом все ближе и ближе подходивших к русским полям. Все опасения по поводу соперничества между русскими были устранены объединением различных компаний в 1799 году. Баранов объединил свои силы для мастерского удара, который должен был установить российское господство на Тихом океане. Это было перенесение столицы Русской Америки дальше на юг.

На второй неделе апреля 1799 года Баранов с двумя судами, двадцатью двумя русскими и тремястами пятьюдесятью каноэ алеутских охотников за пушниной, отплыл из пролива Принца Уильяма на юго-восток. В начале мая была сделана пауза напротив старого выхода к берегу Как—Беринга — для охоты на калана. Шлюпы висели неподалеку, охотничьи бригады во главе с Барановым на одном из больших кожаных каноэ гребли к отмываемым прибоем зарослям водорослей бурному скалистому побережью, где в ненастную погоду часто водятся каланы. Опасности охоты никогда не останавливали Баранова. Чем больше было брызг и волн, тем больше морских выдр находило убежище на зарослях водорослей. Поперечные приливы и отливы, словно водоворот, накатывали на это побережье, подгоняемые ветрами. Ни звука от

охотников на каланов! Бесшумно, подобно морским птицам, радующимся буре, каноэ перепрыгивали с гребня на гребень бушующего моря, всегда следя за тем, чтобы их не зацепили бортами разбивающиеся волны или не захлестнуло волнами во вспенивающемся море. Как это произошло, неизвестно, но каким-то образом между ветром и приливом тридцать каноэ, которые поднялись на волну и понеслись вниз, к впадине, так и не всплыли. Порыв ветра поднял горные валы; шестьдесят охотников ушли под воду. С того места, где он находился, Баранов видел катастрофу, видел ужас двухсот других человек, видел надвигающийся шторм и с первого взгляда определил, что до шлюпов еще дальше, чем до опасного берега. Охота на каланов была забыта из-за надвигающейся катастрофы для всей бригады. Сигнал и крик, заглушаемые грохотом прибоя, приказывали людям грести, спасая свои жизни, к берегу. Приближалась ночь. Расстояние оказалось больше, чем предполагал Баранов, и к тому времени, как бригады высадились, уже стемнело, и люди, совершенно измученные, повалились спать на мокрый песок.

Едва охотники уснули, как крики индейцев-колошей из леса позади возвестили о засаде. Жители материка, возмущенные этим вторжением на их охотничьи угодья, наблюдали, как шторм пригнал каноэ к берегу. С одной стороны была буря, с другой - лес, переполненный воинами. Алеуты потеряли голову и бросились прятаться в лес, но только для того, чтобы найти верную смерть. Баранов и русские с ним стреляли из своих мушкетов, пока не израсходовали весь порох. Затем они крикнули охотникам на алеутском диалекте, чтобы они садились. Море представляло меньшую опасность. К утру бригады присоединились к отплывающим шлюпам. В засаде было потеряно еще тринадцать каноэ.

Таково было неблагоприятное знакомство Баранова с основанием нового русского форта в Ситке, или проливе Норфолк. Был конец мая, когда бригады вошли в защищенную, тенистую гавань, где пятьдесят лет назад пропали люди Чирикова. Яростный шторм со снегом и слякотью бушевал над гаванью. Когда шторм рассеялся, до самой воды были видны непроходимые леса, а огромные стволы деревьев уходили в море. На западном берегу океана снежным куполом возвышалась гора Эджкамб. На востоке виднелись голые вершины Верстового, а бесчисленные крошечные островки, позолоченные солнцем, усеивали гавань. Баранов выбрал бы место на месте нынешней Ситки, высокое, скалистое и защищенное от нападений, но старый ситканский вождь отказался продать его, выменяв на стеклянные бусы и безделушки участок в нескольких милях к северу от нынешнего города.

Половина мужчин была отправлена на охоту и рыбалку, половина - рубить бревна для нового форта, построенного обычным способом, с высокими частоколами, главной казармой в сто футов длиной в центре, высотой в три этажа, с люками, соединяющими каждый этаж, хижинами и хижинами по всей внутренней стороне частокола. На верхушках мачт шлюпов каждую ночь висели фонари, созывающие бригады; ибо капитан Кливленд, бостонский торговец, стоявший на якоре в гавани, предупредил Баранова о вероломном характере индейцев, которые стали еще опаснее, когда были деморализованы соперничеством белых торговцев и завладели оружием цивилизованного человека. Бесплатная раздача спиртного недобросовестными морскими капитанами дела не исправила. Кливленд сообщил, что дикари так часто угрожали напасть на его корабль, что он больше не допускал их на борт; он скрывал небольшое количество своей команды за шкурами вокруг палуб, торгуя только у калитки с заряженными пушками и мушкетами, торчащими сквозь шкуры над гакбалетом. Он предупредил охотников Баранова, чтобы они не уводили их с медвежьей охоты вглубь страны, поскольку медвежья

охота могла быть приманкой для индейцев Ситкана, чтобы заманить охотников в засаду. Такая приманка почти заманила команду Кливленда в ловушку, когда в засаде были замечены другие индейцы. Новый форт был назван Архангельским.

Все шло хорошо, пока Баранов был на земле. Морских выдр добывали в качестве бесполезных безделушек. Часовые выставили напоказ ворота; так что Баранов отплыл обратно в Кадьяк. Племена колошей или ситканов только выжидали своего часа. В тот сонный июньский летний день 1802 года, когда сутулые сибирские каторжники были застигнуты врасплох, а Баранов находился в двух тысячах миль от них, индейцы напали на форт и одним махом стерли его с лица земли. [1] В Кадьяке маленького губернатора осыпали почестями. К 1804 году он получил два дворянских ордена; но его горе из-за потери Ситки было безутешным. "Я либо умру, либо восстановлю форт!" - поклялся он и с помощью русского военного корабля, отправленного вокруг света, тем летом отплыл в пролив Ситка. Индейцы разрушили свою баррикаду, возведенную на месте нынешней Ситки. Здесь форт был перестроен и переименован в Новый Архангельск — форт, достойный в свои лучшие дни самых смелых амбиций Баранова. Шестьдесят русских офицеров и восемьсот белых семей жили в его стенах, со свитой из двух или трех тысяч индийских охотников на выдр, которые жили в кабинах вдоль пляжа. Там была верфь. Там был литейный цех по изготовлению больших медных колоколов, которые продавались для часовен в Новой Испании. Там были архиепископы, священники, дьяконы, школы. На горячих источниках в двадцатимigliaх отсюда были построены больницы и бани. К форту были пристроены библиотека и галерея известных картин, хотя Баранов жаловался, что было бы разумнее нанять врачей для своих людей. До конца правления Баранова Ситка стала главным местом встречи судов, торгующих в Тихом океане. Здесь Баранов правил как властелин, устраивая королевские пиры для всех посетителей с помпезностью маленького двора и варварством празднующегося средневекового лорда.

Но все это было не столько фейерверком для показа. У Баранова был свой мотив. Морским капитанам, которые пировали с ним и напивались до бесчувствия под его столом, он предложил план — он поставит охотников-алеутов, чтобы они охотились на паях до самой южной Калифорнии. Кроме того, он всегда охотно покупал их товары, отдавая им взамен тюленьи шкуры с Тюленьих островов. Boston ships были первыми, кто вступил в партнерство с Baranof. Позже прибыли капитаны "Астора" из Нью-Йорка, которые везли тюленьи шкуры в обмен на товары, поставляемые русским.

Как Баранову, окруженному враждебно настроенными индейцами, без слуг, кроме сибирских каторжан, удавалось в одиночку держаться в американских дебрях? Просто благодаря силе его физической подготовки, бдительности, которая никогда не ослабевала, деспотизму, который был то диким, то мягким, но всегда отеческим, благодаря тому факту, что его мозг и мускулы всегда превосходили мозг и мускулы всех подчиненных ему людей. Конечно, либеральная мера в семьдесят девять ударов плетью применялась к любому подчиненному, проявляющему признаки мятежа, но это не предотвращало многих подобных попыток.

Самый серьезный инцидент произошел в 1809 году. С тех пор, как польский авантюрист Беневский разграбил гарнизон Камчатки, сибирские каторжники, служившие в Америке, мечтали о подобных подвигах. Крестьяне и офицеры, числом в двадцать человек, все каторжники из Сибири, замыслили восстание в Новом Архангельске или Ситке, убийство губернатора, захват кораблей и провизии и плавание на некоторые острова Южного моря для

создания независимого правительства. Сигнал должен был быть подан, когда Наплавков, офицер, который был главным заговорщиком, случайно окажется на дежурстве. Деспот Бараноф был в таких хороших отношениях со своими людьми, что о заговоре ему сообщили из полудюжины источников. Баранофа это не беспокоило. Он послал предателям бочонок бренди, приказал одному из них подать сигнал, разразившись пьяной песней, и при этом звуке сам ворвался в комнату, полную заговорщиков, с мечом в руке, сопровождаемый полусотней вооруженных солдат. На заговорщиков надели наручники и отправили обратно в Сибирь.

Было что-то непростительно жестокое в прекращении работы Баранова в меховой компании. Сейчас ему было за семьдесят. Его замучил ревматизм из-за долгих лет пребывания во влажном климате. Поскольку он не был благородного происхождения, хотя и получил дворянский титул, он подвергался оскорблениям со стороны любого мелкого солдафона, служившего офицером на российских судах. Против них Бараноф обычно отстаивал свои позиции в Ситке, но они вернули в Санкт-Петербург клеветнические обвинения против его честности. Дважды он просил разрешения уйти в отставку. Дважды из России присылали преемников, но один умер в пути, а другой потерпел кораблекрушение. Злонамеренным языкам было легко возбудить подозрение, что желание Баранова уйти в отставку продиктовано корыстными мотивами, возможно, желанием скрыть свои собственные доходы. Хотя Бараноф ежегодно перевозил меха для Российской компании на миллионы долларов, находясь вдали от надзора, который мог бы не поддаваться выявлению в противоправных действиях, впоследствии было доказано, что он не злоупотреблял и не присвоил имущество стоимостью ни цента; но кто мог поверить в его честность перед лицом ложных обвинений?

Осенью 1817 года лейтенант хагемайстер прибыл в Ситку для проверки бухгалтерских книг роты. Скрывая от Баранова тот факт, что он должен был быть смещен, Хагемайстер потратил год на изучение записей. Расхождений обнаружено не было. Бараноф, имевший возможность заработать миллионы, был бедным человеком. Затем Хагемайстер без объяснений объявил факт — Бараноф должен был уйти в отставку. Между добровольной отставкой и пребыванием на пенсии была разница между честью и оскорблением. Новость стала ударом, который раздавил Баранофа почти до маразма. Его нашли шатающимся и постоянно в слезах. Снова и снова он прощался со своими старыми товарищами, товарищами по пирушкам с благородной кровью в жилах, товарищами по охоте, чистокровными индейцами, которые любили его как брата, товарищами по безделью, индейскими детьми, с которыми он резвился, — но он не мог оторвать себя от земли, которая была плодом его усилий всей жизни. Удар обрушился, когда он был меньше всего способен его вынести. Его нервы сдали. Из всех русских обломков на этой жестокой новой земле, несомненно, это обломки были самыми жалкими — создатель, свергнутый тем, что он создал, изгнанный своим ребенком, вынужденный искать какое-нибудь укромное место, где он мог бы умереть вне поля зрения. Старый морской капитан предложил ему совершить кругосветное путешествие в Россию, где его знания все еще могли пригодиться. Служба? Вот подходящее слово! Старый боевой конь наострил уши! Бараноф отплыл осенью 1818 года. Весной корабль, направлявшийся домой, остановился в Батавии. Произошла некоторая задержка. Баранофу задержка была не на пользу. Он был болен, смертельно болен, самым смертельным из всех недугов - разбитым сердцем, сознанием того, что от него больше нет никакой пользы, тем, что индийцы называют "длительной болезнью чрезмерных размышлений". Когда судно снова вышло в море, Баранов тоже вышел в море, но это было бескрайнее море вечности. Он умер 16 апреля 1819 года и был похоронен в объятиях великого океана, который лелеял его надежды с тех пор, как он покинул Сибирь.

Судить о жизни Баранова было бы напрасно. Его жизнь, как и жизни всех этих авантюристов Тихоокеанского побережья, зависит от того, какой она была, а не от того, какой она должна была быть; от того, что он сделал, а не от того, что оставил несделанным; и то, что оставил Баранов, было империей размером в половину России. В том, что его страна впоследствии потеряла эту империю, не было его вины. Как и все эти викинги Северной части Тихого океана, он был, по сути, человеком, *который что-то делал*, а не теоретиком о том, как все должно быть сделано, не бездельником, критикующим то, что сделали другие люди.

Они не были анемичными, эти старые "морские путешественники" Тихого океана, бросавшие вызов смерти или дьяволу, в их жилах текла красная кровь отваги, а также красная кровь беззаконной мужественности. Они не были людьми типа молока и воды, в которых было мало хорошего и еще меньше плохого. Ни их добродетели, ни их пороки не были вялыми; *но они что-то делали*, эти люди; приумножали общую сумму человеческих усилий, человеческих знаний, человеческого прогресса. Возможно, их мотивы были низменными, как у кузнеца, когда он ударяет кувалдой по наковальне; но из наковальни их трудностей, из столкновения изначальной войны между Духом Стихий и Духом Человека, высеклись некоторые искры Божественного. Это было мужество, столь же бесстрашное перед лицом бури, как и перед лицом смерти. Было страстное желание узнать Больше, искать это, следовать за этим через край земли, хотя поиски вели к бездне водной могилы. Чего они хотели, эти глупцы, следующие за стремительным светом своих собственных желаний? В этом-то все и дело. Они не знали, что они ищут, но они знали, что есть что-то запредельное, что нужно искать, что-то новое, что нужно познать; и поскольку Человек есть человек, они отправились на поиски неизвестного, рискуя жизнью и смертью ради небольшой выгоды для человеческого прогресса. Это дух героических эпох, и к этой эпохе относится история викингов на севере Тихого океана.

[1] См. Главу XI.